

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт экономики

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
НАН БЕЛАРУСИ

BULLETIN

OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS
OF NAS OF BELARUS

Сборник научных статей
Основан в 2020 году

Выпуск

7

Минск
«Беларуская навука»
2023

УДК 33(082)

Содержит научные статьи отечественных и зарубежных ученых по актуальным проблемам экономической теории, экономики и управления народным хозяйством, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, математических и инструментальных методов экономики, мировой экономики, национальной безопасности.

Адресован научным работникам, преподавателям, докторантам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто интересуется проблемами современной экономики.

На основании решения коллегии Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 7 февраля 2022 г. № 2/5 сборник научных статей «Вестник Института экономики НАН Беларуси» включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по экономической отрасли науки.

© ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», 2023

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2023

Редакционный совет:

Гусаков В. Г.,

академик НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
Председатель Президиума НАН Беларуси,
председатель редакционного совета (Беларусь);

Бельский В. И.,

доктор экономических наук, профессор,
заместитель председателя Совета Республики
Национального собрания Республики Беларусь (Беларусь);

Бадра Гаалюль,

доктор политических наук, профессор,
директор Центра стратегических и общественно-
политических исследований Туниса (Тунис);

Вардомский Л. Б.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра постсоветских исследований
Института экономики Российской академии наук (Россия);

Дайнеко А. Е.,

академик НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Маркетинг» Белорусского
национального технического университета (Беларусь);

Ки Сереват,

доктор экономических наук, профессор,
директор Института китаеведения
Королевской академии наук Камбоджи (Камбоджа);

Ленчук Е. Б.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель научного направления
«Экономическая политика» Института экономики
Российской академии наук (Россия);

Ли Юнцюань,

доктор наук, профессор,
директор Исследовательского института социального
развития Евразии Исследовательского центра развития
при Госсовете КНР (Китай);

Никитенко П. Г.,

академик НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора промышленной политики
Института экономики НАН Беларуси (Беларусь);

Спартак А. Н.,

член-корреспондент Российской академии наук,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Всероссийского научно-исследовательского
конъюнктурного института (Россия);

Стратан А. Н.,

член-корреспондент Академии наук Молдовы,
доктор экономических наук, профессор,
директор Национального института
экономических исследований Молдовы (Молдова);

Фаузер В. В.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель отдела социально-экономических проблем,
заведующий лабораторией демографии и социального
управления Института социально-экономических
и энергетических проблем Севера Федерального
исследовательского центра «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук» (Россия);

Хайкин М. М.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского горного университета (Россия)

Редакционная коллегия:

Гурский В. Л.,

доктор экономических наук, доцент,
Главный ученый секретарь Национальной академии
наук Беларуси, председатель редакционной коллегии;

Муха Д. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
директор Института экономики НАН Беларуси,
заместитель председателя редакционной коллегии;

Тетеринец Т. А.,

кандидат экономических наук, доцент,
ученый секретарь Института экономики НАН Беларуси,
ответственный секретарь редакционной коллегии;

Байнёв В. Ф.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий научно-исследовательской
лабораторией комплексных исследований
проблем социально-экономического развития
Белорусского государственного университета;

Богатырёва В. В.,

доктор экономических наук, профессор,
ректор Витебского государственного университета
имени П. М. Машерова;

Быков А. А.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики и управления
Белорусского государственного экономического университета;

Вергинская Т. С.,

доктор экономических наук, доцент,
руководитель центра мировой экономики
Института экономики НАН Беларуси;

Давыденко Е. Л.,

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международных экономических отношений
Белорусского государственного университета;

Лемещенко П. С.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной политической экономии
Белорусского государственного университета;

Лученок А. И.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики
Института экономики НАН Беларуси;

Пилипук А. В.,

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
директор Института системных исследований
в АПК НАН Беларуси;

Солодовников С. Ю.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусского национального технического университета;

Хацкевич Г. А.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой бизнес-администрирования
Института бизнеса Белорусского государственного университета;

Гончаров В. В.,

кандидат экономических наук,
директор Центра системного анализа
и стратегических исследований НАН Беларуси;

Готовский А. В.,

кандидат экономических наук,
заместитель директора по научной работе
Института экономики НАН Беларуси;

Гусаков Г. В.,

кандидат экономических наук,
директор Института мясо-молочной промышленности
Научно-практического центра НАН Беларуси
по продовольствию;

Мелешко Ю. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусского национального технического университета;

Преснякова Е. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
руководитель центра инновационной и инвестиционной политики
Института экономики НАН Беларуси;

Сергиевич Т. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусского национального технического университета

СОДЕРЖАНИЕ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Гурский В. Л. Влияние интеграционных эффектов и кооперационных связей на формирование общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС	8
Гораева Т. Ю., Байнев В. Ф. Безопасное развитие социально-экономических систем: ресурсно-полезностный подход к решению проблемы	23
Муха Д. В. Особенности объекта инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики	40
Преснякова Е. В. Оценка вклада промышленности в устойчивое развитие Республики Беларусь	51
Петров-Рудаковский А. П. Внешнеэкономическая безопасность государства: понятие и специфическая роль в системе национальной безопасности	73
Вашило А. А. Методика оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности	83

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Боброва А. Г., Пилютик А. А., Храмов А. И. Стратегия человеческого развития как механизм государственного управления общественными процессами на примере Беларуси.....	92
Тетеринец Т. А. Теоретические основы управления развитием человеческого капитала в аграрной сфере	107
Морозова Н. Н. Методологические подходы к вопросам гибкой занятости в новых реалиях и с развитием цифровизации	115
Тулейко Е. В. Методический подход к оценке социально-интеграционного эффекта реализации совместных проектов государственно-частного партнерства в образовательной сфере ЕАЭС.....	127

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ

Самцова Д. В. Эволюция концепции экосистемных услуг.....	146
Правила оформления статей	160

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-8-22>

УДК 338.242

JEL O11, 025, O50

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭФФЕКТОВ И КООПЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС¹

В. Л. Гурский

vhurski@yandex.by

доктор экономических наук, доцент

Главный ученый секретарь Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Проведен комплексный анализ интеграционных эффектов в ЕАЭС, что позволило установить их неоднозначное влияние на формирование общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС. Выявлено, что наибольший положительный эффект от участия в интеграционном объединении получают страны с малой, но технологически развитой экономикой, имеющие большой удельный вес партнеров по интеграционному образованию в общем объеме внешней торговли. Государства – члены ЕАЭС имеют существенные различия по степени заинтересованности в формировании общей стратегии развития промышленности. Тем не менее наличие объективных сближающих факторов обуславливает целесообразность формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС. Проведен сравнительный анализ целевых параметров промышленной политики за периоды 2010–2014 гг. и 2015–2020 гг., что позволило установить выравнивание темпов изменения показателей целевой результативности, а также их общую положительную динамику.

Ключевые слова: экономическая интеграция, ЕАЭС, общая стратегия развития промышленности, промышленная политика, национальные интересы, факторы развития интеграции.

Для цитирования: Гурский, В. Л. Влияние интеграционных эффектов и кооперационных связей на формирование общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС / В. Л. Гурский // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 8–22. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-8-22>

¹ Статья выполнена в рамках реализации исследовательского проекта «Разработать теоретико-методологические основы формирования общей стратегии развития промышленности в ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности стран-членов» Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор от 04.05.2022 № Г22У-003).

Введение

Интеграция стран Евразийского экономического союза в настоящее время проходит этап своего дальнейшего формирования. Развитие интеграционных процессов в ЕАЭС идет медленно и эффекты евразийской интеграции оцениваются неоднозначно. С одной стороны, на основе Договора о ЕАЭС формируется правовая база регулирования общего рынка. В настоящее время ЕЭК прилагает немалые усилия по развитию трансграничной производственной кооперации на межнациональной основе путем создания общих макрорегуляторов системы управления интеграцией для получения эффектов взаимодополнения, синергии и ускорения реализации национальных программ развития через их координацию [1, с. 106].

Вместе с тем отмечается, что «исследование структурных сдвигов основных макроэкономических факторов, характеризующих эффекты влияния евразийской интеграции на экономику стран-участниц, показывает наличие эффектов влияния торговой связанности при устойчивом тренде инерционного сценария развития интеграционных связей в сфере инвестиционного сотрудничества (общий рынок капиталов) и регулирования общего рынка труда с сохранением устоявшихся направлений миграционных потоков (Россия – основная страна приема мигрантов). Это позволяет констатировать факт стагнирования евразийской интеграции на уровне сотрудничества в рамках общего рынка товаров и услуг с сохранением традиционной товарной и географической структуры взаимной торговли [1, с. 118]. Это свидетельствует о необходимости взвешенного и всестороннего подхода к оценке интеграционных эффектов в ЕАЭС.

Цель работы – провести анализ влияния интеграционных эффектов и кооперационных связей на возможность формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС.

Теоретико-методологической основой исследования послужили следующие постулаты институционального субъектного подхода: развитие международной экономики в системе мирового хозяйства исследуется в исторической динамике; все факторы, влияющие на взаимодействие в сфере промышленной политики, рассматриваются как обуславливающие одновременно ее существование и эволюцию; все социально-экономические отношения исследуются в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами; признается, что экономика не является саморегулируемой, несовершенство рынков является объективным свойством, присущим реальной экономике, а экономические субъекты действуют нерационально и в первую очередь руководствуются своими интересами, реализуемыми в сложившихся институциональных условиях.

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования применяли логический и эмпирический методы, в том числе системного структурного анализа, факторного экономико-статистического и математического анализа, позитивного и нормативного анализа.

Результаты и их обсуждение

Основной целью общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС предполагается сбалансированный рост промышленного производства, который служит основанием для роста ВВП, количества высокопроизводительных рабочих мест, налоговых поступлений в бюджет, валютной выручки и в конечном итоге повышения благосостояния населения страны. Именно динамика объема промышленного производства является основным показателем оценки эффективности и результативности общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС.

К эффектам международной интеграции относят следующие: формирование единого рынка, снижение торговых издержек, перераспределение торговых потоков, изменение объемов и структуры международной торговли (внутри группировки и с третьими странами); перераспределение инвестиционных потоков и активизация международного инвестирования; углубление международного разделения труда, структурные и технологические изменения в производственном секторе; изменение уровня цен и преобразование механизмов ценообразования, изменение объемов и структуры потребления, формирование новой конкурентной среды, преобразование барьеров вхождения на отраслевые рынки; изменение уровня занятости и заработной платы, преобразование систем образования и здравоохранения; проведение согласованной экономической политики, изменение модели и качества государственного регулирования, политической стратегии страны [2, с. 110].

Исследуя динамику объемов промышленного производства государств – членов ЕАЭС с 2012 до 2022 г. нетрудно заметить общие тенденции: общий рост в 2017, 2018 и 2019 г., резкий спад в 2015 и 2020 г., новый подъем в 2021 г. (рис. 1, 2). Особенно близкая динамика наблюдается у России, Беларуси и Казахстана. У Армении и Кыргызстана отмечены определенные отклонения в динамике по годам.

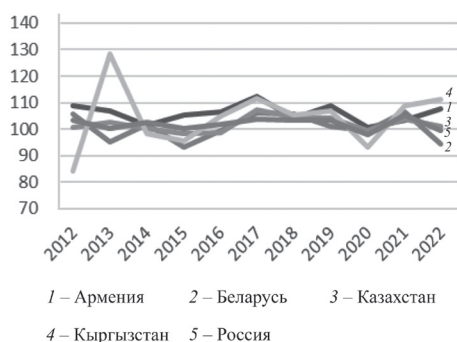

Рис. 1. Темпы роста промышленного производства стран – членов ЕАЭС в динамике за 10 лет, %

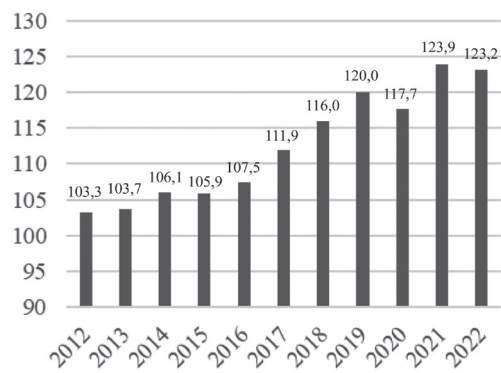

Рис. 2. Темп роста промышленного производства в ЕАЭС относительно 2011 г. (нарастающим итогом), %

Общие тенденции в динамике объема промышленного производства государств – членов ЕАЭС обусловлены наличием тесной взаимосвязи объемов промышленного производства государств – членов ЕАЭС, что позволяет с уверенностью говорить о наличии определенных факторов или групп факторов, определяющих однонаправленную динамику развития промышленности государств-членов, к которым можно отнести тесную промышленную кооперацию, изменение конъюнктуры на общих рынках, колебания мировых цен на углеводородное сырье и другие минеральные ресурсы, высокий уровень открытости экономик, усиление глобальной конкуренции на мировых рынках, углубляющийся технический отрыв и противодействие получению новейших и стратегически важных технологий со стороны развитых стран, дефицит собственных финансовых ресурсов, ограниченный доступ к заемным ресурсам и др. Наличие факторов, одинаково влияющих на развитие промышленности стран – членов ЕАЭС, определяет возможность и необходимость общих (согласованных) усилий в сфере развития промышленности стран – членов ЕАЭС в одном направлении для всех участников данного интеграционного объединения, что предполагает целесообразность формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС. Институционально это подтверждено принятыми международными нормативными актами.

Согласно ст. 62 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. «в рамках Союза проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов»¹. Согласно Решению Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. основными задачами сотрудничества в промышленном секторе ЕАЭС являются «увеличение темпов роста и объемов промышленного производства в государствах – членах ЕАЭС; развитие кооперационного сотрудничества; увеличение доли продукции государств – членов на общем рынке ЕАЭС и стремление к поэтапному повышению ее локализации; развитие производств новой конкурентоспособной продукции, ориентированной на экспорт, модернизация действующих производств с созданием новых инновационных секторов промышленности государств – членов ЕАЭС; устранение барьеров на пути движения промышленных товаров на общем рынке ЕАЭС; привлечение инвестиций и повышение доступности финансовых ресурсов»².

Сегодня ЕАЭС действительно представляется перспективным центром экономического развития, объединяющим 185 млн человек. На международную

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01400176&p1=1&p5=0> (дата обращения: 18.09.2023).

² Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Евраз. межправит. совета, 8 сент. 2015 г., № 9 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Минск, 2015. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/15ms0009/> (дата обращения: 18.09.2023).

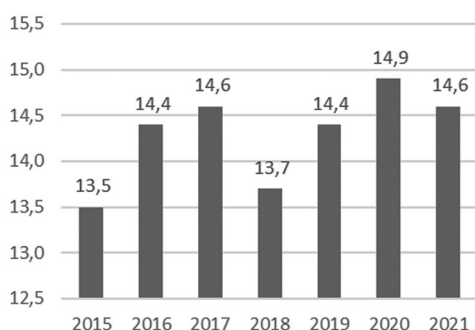

Рис. 3. Объем взаимной торговли государств – членов ЕАЭС в динамике, млрд долл. США

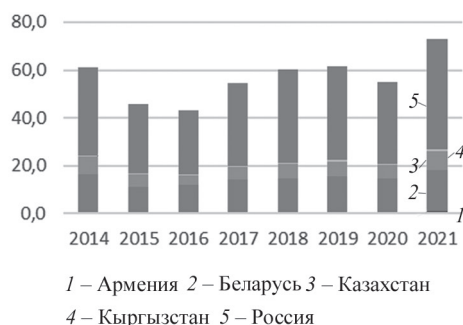

Рис. 4. Доля взаимной торговли государств – членов ЕАЭС в общем объеме внешней торговли в динамике, %

организацию приходится 2,00 % мировых запасов газа и около 8,0 % нефти, более 3,7 % мирового ВВП. Суммарный ВВП ЕАЭС по данным за 2019 г. равен 4,71 трлн долл. США¹. Полезного эффекта от экономической интеграции предполагается достичь в основном за счет расширения рынков сбыта, снижения транзакционных издержек через устранение таможенных и технических барьеров, повышения инвестиционной привлекательности промышленных предприятий.

Объем внешней торговли товарами Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС за 2021 г. составил 844,2 млрд долл. США, в том числе экспорт – 525,7 млрд, импорт – 318,5 млрд долл. США (рис. 3). Объем взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза за 2021 г. составил 72,6 млрд долл. США, т. е. объем взаимной торговли государств – членов ЕАЭС более чем в 10 раз меньше, чем их товарооборот с третьими странами.

Взаимный товарооборот государств – членов ЕАЭС в 2021 г. составил 14,6 % от общего объема внешней торговли товарами, что на 1,1 % выше уровня 2015 г. Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли Армении составила 35,3 %, Беларуси – 50,6, Казахстана – 25,7, Кыргызстана – 47,4, России – 8,9 % (рис. 4). Наибольший прирост зафиксирован у Армении (9 п. п.) и Казахстана (5,3 п. п.), у Кыргызстана доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли снизилась на 3,2 п. п. Отрицательное сальдо взаимной торговли со странами-партнерами сложилось для всех государств – членов ЕАЭС, кроме России².

Наибольший интерес к экономической интеграции и либерализации взаимной торговли испытывают экспортеры продукции. Структура экспорта и им-

¹ World Bank, database (2019). [Electronic resource]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?end=2019&locations=AM-RU-BY-KG-KZ&start=2008&view=chart> (date of application: 18.09.2023).

² Доклад о состоянии взаимной торговли между государствами – членами ЕАЭС [Электронный ресурс] : аналит. обзор, 2022 г. // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf (дата обращения: 18.09.2023).

порта между странами ЕАЭС во многом отражает тесноту экономических взаимосвязей, а значит, и взаимных интересов государств-членов (см. таблицу). Крайне низкий (на уровне статистической погрешности) удельный вес взаимного экспорта и импорта государств-членов отражает отсутствие экономического интереса к интеграции. Взаимный интерес носит фрагментарный характер и концентрируется главным образом вокруг России, исключение составляют Кыргызстан и Казахстаном.

Структура экспорта государств – членов ЕАЭС между собой, 2021 г., %¹

Куда\Откуда	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Армения	–	0,4	0,1	0,02	4,1
Беларусь	3,2	–	1,3	1,92	50,8
Казахстан	1,2	5,2	–	46,66	40,4
Кыргызстан	0,3	0,5	8,2	–	4,7
Россия	95,3	93,9	90,4	51,4	–

Положительным моментом является тот факт, что взаимная торговля государств – членов ЕАЭС имеет более высокую степень диверсификации структуры товаров, чем торговля с остальным миром.

В структуре экспорта постепенно увеличивается доля товаров с высокой степенью добавленной стоимости. Большое внимание в ЕАЭС уделяется формированию конкурентоспособных производств, созданию единых технологических платформ, способствующих развитию евразийской кооперации в новых высокотехнологичных отраслях промышленности (космические технологии, фотоника, биомедицина, добыча полезных ископаемых, легкая промышленность и др.). Вместе с тем в структуре крупнейших экономик ЕАЭС – РФ и РК – доминируют сырьевые отрасли (рис. 5, 6).

Рис. 5. Структура взаимной торговли государств – членов ЕАЭС, 2021 г., %

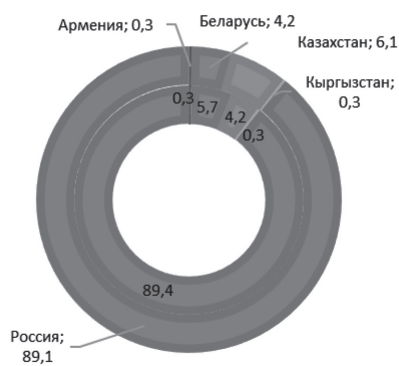

Рис. 6. Структура промышленности ЕАЭС, 2021 г. (внешнее кольцо – промышленность всего, внутреннее кольцо – обрабатывающая промышленность), %

¹ Доклад о состоянии взаимной торговли между государствами – членами ЕАЭС.

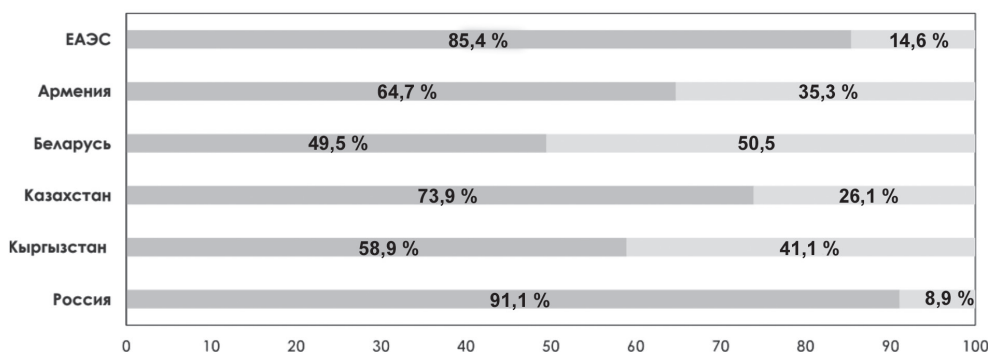

Рис. 7. Удельный вес объема внешней торговли со странами вне ЕАЭС и взаимной торговли в общем объеме внешней торговли товарами, 2021 г.

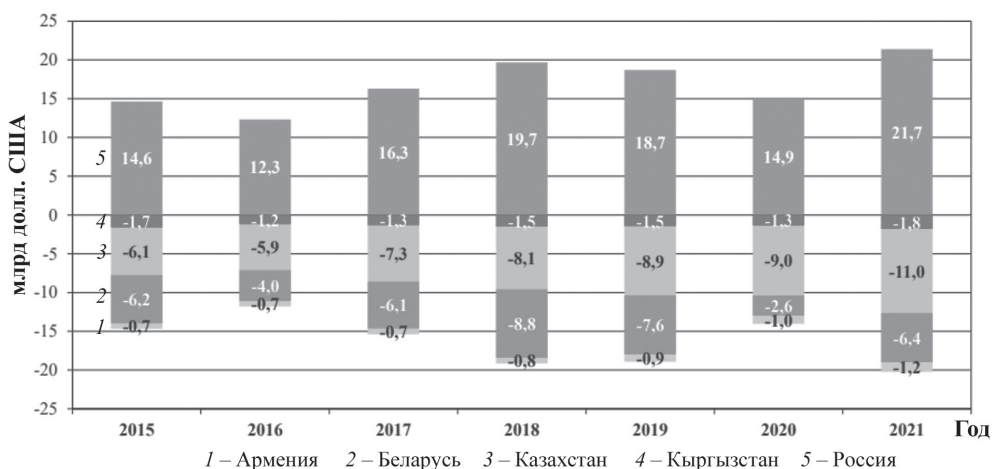

Рис. 8. Сальдо взаимной торговли со странами – партнерами по ЕАЭС в динамике, 2015–2021 гг.

Для государств – членов ЕАЭС, обладающих различным масштабом экономики, производственным потенциалом и рыночными возможностями, эффект от интеграционного взаимодействия будет разным. Наибольший положительный эффект от участия в интеграционном образовании получают страны с малой (эффект масштаба), но технологически развитой (эффект конкуренции) экономикой, имеющие большой удельный вес партнеров по интеграционному образованию, в общем объеме внешней торговли (эффект торговли).

Анализ рис. 7 и 8 показывает, что эффект масштаба в ЕАЭС будет высоким для промышленности Армении и Кыргызстана, средним для Беларуси и Казахстана и низким для России. Среди государств – членов ЕАЭС наиболее ориентированными на взаимную торговлю являются Беларусь и Кыргызстан. Доля ЕАЭС в общем объеме их внешней торговли составляет 50,5 и 41,1 % соответственно. Средний уровень ориентированности на взаимную торговлю у Арме-

нии и Казахстана. Доля ЕАЭС в общем объеме их внешней торговли составляет 35,3 и 26,1 % соответственно. Самый низкий уровень ориентированности на взаимную торговлю в ЕАЭС у России (8,9 % внешней торговли). Такое ранжирование позволяет судить и об уровне заинтересованности стран во взаимной интеграции.

Дальнейшее развитие промышленной кооперации в ЕАЭС связано не столько с эффектом переориентации торговли конечными или промежуточными промышленными товарами, сколько с выстраиванием интеграционных производственных цепочек добавленной стоимости, т. е. является одним из возможных эффектов реаллокации внутренних ресурсов. Особое значение приобретает развитие международной производственной кооперации компаний ЕАЭС, используемой в качестве механизма интеграции и формирования новых организационных форм бизнеса. Это предопределено активным использованием стратегий развития международных компаний, основанных на формировании посредством экспорта капитала своих глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС), кооперации в глобальные производственно-сбытовые сети (ГПСС). Компании государств – членов ЕАЭС формируют транснациональную производственно-инвестиционную модель экономических связей [3]. Так, в Беларуси в странах ЕАЭС создано 264 субъекта ТПС (юридические лица и/или индивидуальные предприниматели, осуществляющие продвижение и реализацию продукции за пределами Республики Беларусь) с преобладанием (226) субъектов в России. Производственной кооперацией связано более 8 тыс. предприятий Беларуси и России. В России функционирует 2,5 тыс. совместных предприятий с высокой долей локализации производства (50–70 %), на которых производят около 30–70 % комплектующих¹.

С целью более сбалансированного развития экономик стран – членов ЕАЭС предпринимается ряд мер, направленных на развитие субконтрактации. Развитие субконтрактинга является общемировой тенденцией. В Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) понятие субконтрактации трактуется следующим образом: «...одна из форм производственного (промышленного) аутсорсинга, применяемая промышленными предприятиями для оптимизации производственной деятельности»². 30 апреля 2019 г. между странами – участницами ЕАЭС был подписан договор, предусматривающий реализацию проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий»³.

¹ Официальный сайт посольства Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.embassybel.ru/trade-relations/index.html> (дата обращения: 18.09.2023).

² Субконтрактация как механизм развития малого бизнеса. Бюллетень о развитии конкуренции. Июнь 2018 г. [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/17284.pdf> (дата обращения: 21.12.2020).

³ О реализации проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий [Электронный ресурс] : решение Евраз. межправит. совета, 30 апр. 2019 г., № 2 (ред. от 09.08.2019). URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19ms0002/> (дата обращения: 21.12.2020).

В рамках ЕЭК была создана единая площадка, на которой выставляются заказы, и осуществляется субконтрактинговая деятельность. Как пишет А. А. Урунов, «интеграция предприятий способствует увеличению промышленного потенциала. Развитие субконтрактинга и кооперации сможет благотворно сказаться на увеличении количества предприятий, повышении инвестиционного потенциала как отдельных стран, так и интеграционного объединения в целом, на появлении новых рабочих мест, что, в свою очередь, приведет к сокращению миграционных потоков между странами ЕАЭС. Создание общей биржи субконтрактов в ЕАЭС, проведение выставок и форумов, создание кластеров – все это благотворно сказывается на сближении экономик стран-участниц» [4].

Основным источником взаимных инвестиций (реаллокации капитала) в ЕАЭС является Россия (78,6 % от всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЕАЭС) и Казахстан (13,5 %), получателем – Беларусь (32,1 % от всех ПИИ в ЕАЭС) и Казахстан (30,8 %). Однако эффект от реаллокации капитала получает как страна-реципиент (создание нового производства и рабочих мест, увеличение налоговых поступлений, привлечение новых технологий), так и страна-инвестор (рост прибыли и отдачи от использования капитала в более выгодных условиях, использование сравнительных преимуществ страны размещения). Создание в стране более привлекательных условий для ведения бизнеса, а также активная политика государства по формированию динамических сравнительных преимуществ (как выявленных, так и потенциальных) будут способствовать привлечению капитала. Вместе с тем эксперты ЕЭК отмечают, что «в целом инвестиционное взаимодействие стран ЕАЭС не оказывает существенного влияния на качественное изменение отраслевой структуры национальных экономических систем. Стремление к минимизации экономических и политических рисков в инвестиционной политике стран ЕАЭС объясняет небольшую долю взаимных инвестиций в общем объеме ПИИ стран-участниц и свидетельствует о низком уровне интеграционных связей» [1, с. 118]. Необходимо учитывать также, что не только российские, но и азиатские инвесторы увеличивают прямые капиталовложения в ЕАЭС.

В своем докладе «Оценка влияния интеграции на уровень конкурентоспособности государств – членов ЕАЭС» ЕЭК отмечает, что «результаты оценок показали конкурентные преимущества каждого государства-члена и сферы, требующие повышенного внимания. Так, сильными сторонами Республики Армения являются: развитость рынка труда, товарного рынка и динамика развития бизнеса; наиболее слабыми сторонами – размер внутреннего рынка, ограниченность финансового рынка и недостаточная развитость транспортной инфраструктуры. Для Республики Беларусь характерен высокий уровень доступности «базовой» инфраструктуры для населения и высокий уровень внедрения современных технологий (мобильной связи, Интернета). К слабым сторонам, отрицательно влияющим на конкурентоспособность, относятся недостаточно высокая ожидаемая продолжительность здоровой жизни (в среднем меньше, чем в странах ОЭСР, при этом среди лиц старше 60 лет имеется

ярко выраженная диспропорция в пользу женщин), недостаточная развитость институтов и низкий уровень доступности финансовых средств для частного сектора. Республика Казахстан обладает хорошими показателями по многим субиндексам рейтинга, при этом наиболее сильными сторонами экономики являются эффективность рынка труда, динамика развития бизнеса, внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Слабые стороны экономики Республики Казахстан – недостаточная развитость финансового рынка, низкая инновационная активность и состояние здоровья населения (относительно низкая средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни). Кыргызская Республика характеризуется хорошими показателями уровня инфляции в стране, качества управления земельными ресурсами и гибкостью в определении заработной платы. Относительно сильными сторонами являются внедрение ИКТ и макроэкономическая стабильность. Однако для страны характерны низкие значения по многим направлениям конкурентоспособности. Наиболее слабыми сферами являются инновационная активность предприятий, размер внутреннего рынка, эффективность товарного рынка, развитость финансового рынка и инфраструктуры. Российская Федерация является наиболее конкурентоспособной экономикой ЕАЭС. Среди конкурентных преимуществ экономики России – большой размер внутреннего рынка, высокий уровень внедрения ИКТ и высокий инновационный потенциал страны. Слабыми сторонами экономики являются закрытость страны в сфере торговли, здоровье населения, недостаточная развитость финансового рынка, а также достаточно низкое качество институтов. В целом для всех государств-членов характерно наличие идентичных проблем в определенных сферах экономики. В связи с этим актуальными направлениями деятельности Комиссии совместно с исполнительными органами государств-членов являются реализация координационных функций и использование возможностей евразийской интеграции, дополнительного сближения стран для решения общих проблем совместными усилиями¹.

Новым вызовом для ЕАЭС стали масштабные и жесткие санкции против России и Беларуси, введенные в 2022 г. В ответ на санкции в ЕАЭС был принят ряд таможенных мер, которые должны обеспечить бесперебойный ввоз критически важных товаров. Быстрыми темпами расширяется использование национальных валют, и особенно российского рубля, для взаимных расчетов. Новый импульс получил и вопрос импортозамещения. Проведенный ЕЭК анализ свидетельствует, что более четверти (27,4 %) ввозимых в ЕАЭС промтоваров на сумму около 70 млрд долл. США может быть замещено продукцией национальных производителей. Наибольшим потенциалом импортозамещения в ЕАЭС обладают отрасли по производству машин и оборудования, автомобилестроение, производство компьютеров, электронных и оптических изделий и хими-

¹ Оценка влияния интеграции на уровень конкурентоспособности государств – членов ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8bc/Doklad_12.12-_r_.pdf (дата обращения: 18.09.2023).

ческих продуктов, которые в сумме составляют более 60 % от общего потенциала импортозамещения. Дополнительно в Беларуси за счет кооперационного сотрудничества стран ЕАЭС возможно заместить импорт частей автомобилей (68,6 млн долл. США), тракторов (42,5 млн), электрических трансформаторов (37,0 млн), в Казахстане – бульдозеров и грейдеров (24,3 млн), в Кыргызстане – оборудования для измельчения грунта (камня, руд) (2,9 млн долл. США)¹. Внутренний товарооборот в ЕАЭС в 2022 г. достиг пика, составив 80,6 млрд долл. США, что на 10,3 % больше, чем в 2021 г. Вместе с тем реакция на санкции была неоднозначной. Отдельные компании из других стран ЕАЭС, стремясь сократить риски вторичных санкций, отказываются от сотрудничества.

Вместе с тем анализ отдельных интеграционных эффектов следует дополнить анализом эффективности промышленной политики на основе принятых правительствами стран ЕАЭС документов в области координации промышленного развития. Соотнесение основных трендов развития промышленного комплекса страны с заявленными целями и будет в наибольшей степени отражать результативность промышленной политики как способность государства реализовать интересы политических и экономических элит страны. Декларируемые цели промышленной политики государств – членов ЕАЭС очень схожи. Для всех стран ЕАЭС характерно стремление к росту промышленного производства, повышению конкурентоспособности отечественных промышленных комплексов, повышению удельного веса промышленности в ВВП страны и доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, росту промышленного экспорта и сокращению зависимости от импорта, повышению производительности труда, росту инвестиций и инноваций в промышленности.

Исходя из определения промышленной политики как системы принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности и связанных с ней сферах деятельности посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, можно утверждать, что наиболее обобщающим критерием достижения целей государственного регулирования и удовлетворения интересов участников экономического процесса выступает объем промышленного производства (как в абсолютных, так и в относительных величинах) и обуславливающие его факторы, такие как производительность труда, объем инвестиций, экспорт и импорт промышленных товаров, уровень научно-технических достижений. Вместе с тем результаты промышленной политики проявляются не сразу, а по истечении определенного времени, и в этой связи критерии должны отражать не текущее состояние, а динамику процесса.

¹ В ЕЭК подсчитали выгоды от импортозамещения в Евразийском союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/v-eek-podschitali-vygody-ot-importozameshcheniya-v-evraziyskom-soyuz/> (дата обращения: 18.09.2023).

Для анализа промышленной политики государств – членов ЕАЭС на основе предложенных критериев, были использованы статистические данные за период с 2010 по 2020 г. С целью изучения динамики согласованности промышленных политик государств – членов ЕАЭС был проведен сравнительный анализ за период 2010–2014 гг. (до ЕАЭС) и за период 2015–2020 гг. (период ЕАЭС). Полученные результаты представлены в виде диаграмм-радаров (рис. 9).

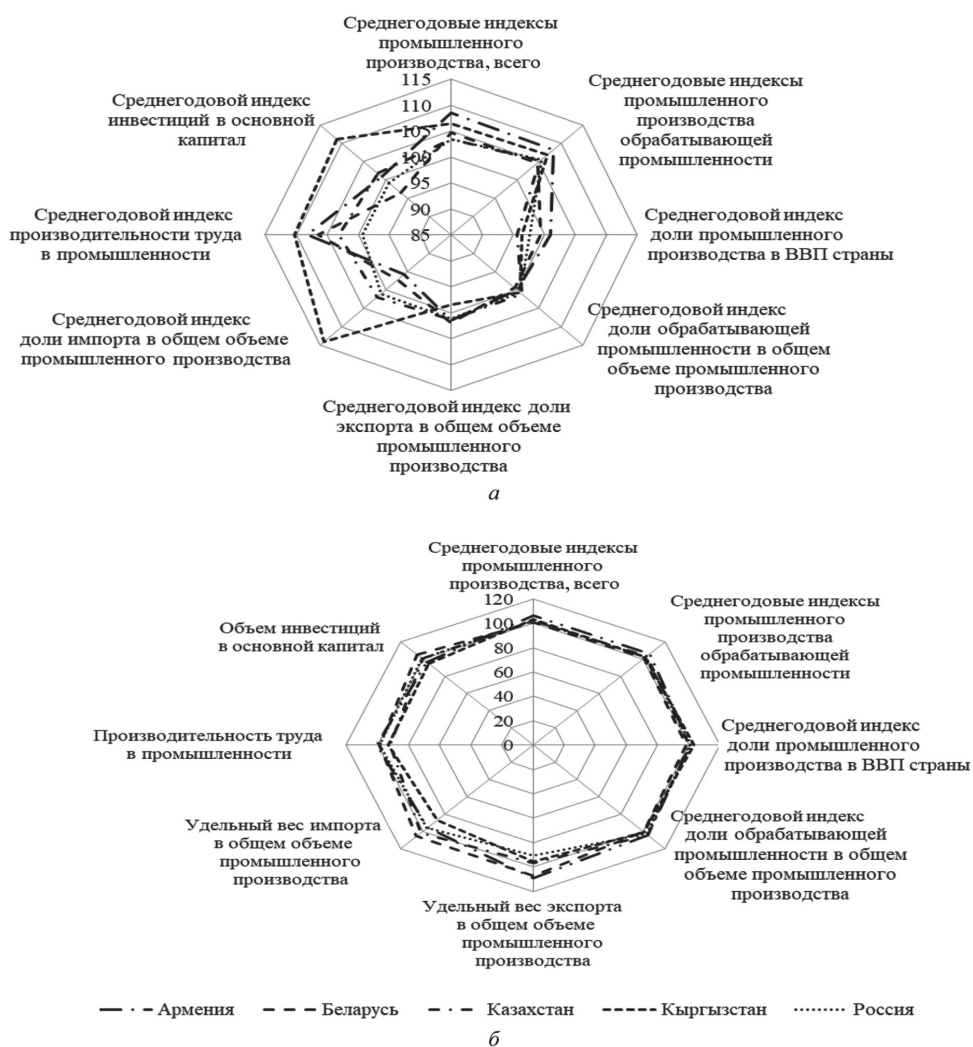

Рис. 9. Сравнительная характеристика критериев целевой результативности промышленной политики государств – членов ЕАЭС в 2010–2014 гг. (а) и 2015–2020 гг. (б)

Сравнительный анализ индикаторов промышленных политик государств – членов ЕАЭС за период 2010–2014 гг. (до ЕАЭС), проведенный на основе разработанной методики, показывает высокую степень разобщенности показате-

лей по странам практически по всем направлениям. Наиболее проблемными являются характерные для большинства государств – членов ЕАЭС процессы снижения доли промышленного производства и обрабатывающей промышленности в ВВП страны, отражающие процессы деиндустриализации. Положительными результатами промышленной политики государств – членов ЕАЭС являются рост производительности труда, рост доли экспорта в общем объеме промышленного производства, характеризующие качественное развитие промышленного производства в ЕАЭС.

В целом в государствах – членах ЕАЭС формируется модель промышленной политики индустриализационно-модернизационного типа, с акцентом на развитие обрабатывающей промышленности, экспортоориентированной, с элементами импортозамещения.

Сравнительный анализ индикаторов промышленных политик государств – членов ЕАЭС за период 2015–2020 гг. (до ЕАЭС), проведенный на основе разработанной методики, показывает существенные изменения в динамике критериев целевой результативности промышленной политики государств – членов ЕАЭС. Прежде всего, можно отметить выравнивание темпов изменения критериев целевой результативности, а также их общую положительную динамику по всем показателям. Согласованность мер макроэкономической политики, общее экономическое пространство, режим свободного перемещения товаров, капиталов, трудовых ресурсов позволили выровнять и стабилизировать динамику развития промышленных комплексов государств-членов, а также задать общую направленность движения.

Формирование сложных систем, каковой несомненно является любое интеграционное образование, как правило, сопровождается появлением синергетического эффекта, основанного на том, что целое может иметь особые свойства, отсутствующие у его составляющих. Синергетический эффект возникает как результат реального объединения экономик стран-участниц в единую экономическую систему, когда количественные эффекты создания и переориентации торговли товарами и ресурсами перерастают в качественные эффекты формирования новых сравнительных преимуществ.

ЕАЭС как одна из наиболее сложных форм экономической интеграции создавался с целью достижения макроэкономических эффектов от комплексного использования сравнительных преимуществ интегрируемых экономик во взаимной и внешней торговле, повышения мобильности и эффективности использования факторов производства, проведения совместной макроэкономической политики, т. е. в потенциале есть все основания рассчитывать на возникновение синергетического эффекта. Однако, по мнению автора, в настоящее время говорить о формировании синергетического эффекта в ЕАЭС пока преждевременно, поскольку реализация договора о создании ЕАЭС пока не привело к реальному формированию экономического союза как единой экономической системы. Качество интеграционных связей между государствами-членами пока мало отличается от качества международных связей государств-членов с третьими странами, а иногда и уступает им. Уровень согласованности действий

в ЕАЭС пока крайне низкий и сопровождается многочисленными проблемами, а само понятие синергетики требует формирования механизма согласования между компонентами, что и формирует единую, целостную систему из группы взаимосвязанных подсистем.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ интеграционных эффектов в ЕАЭС, таких как эффект масштаба, конкуренции, переориентации торговли, реаллокации производственных ресурсов, позволил определить их неоднозначное влияние на формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС. Объективно, для государств – членов ЕАЭС, обладающих различным масштабом экономики, производственным потенциалом и емкостью рынка, эффекты от интеграционного взаимодействия будут различаться. Соответственно, у государств – членов ЕАЭС имеются существенные различия по степени заинтересованности в формировании общей стратегии развития промышленности.

Выявлено, что наибольший положительный эффект от участия в интеграционном образовании получают страны с малой, но технологически развитой экономикой, имеющие большой удельный вес партнеров по интеграционному образованию в общем объеме внешней торговли. Так, интерес Беларуси, Армении и Кыргызстана к углублению интеграционного взаимодействия будет существенно выше, чем у Казахстана. Выявленная зависимость позволила подтвердить принцип формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС на основе приоритетности национальных экономических интересов. Общими для всех государств – членов ЕАЭС объективными целями формирования общей стратегии развития промышленности являются сохранение целостности страны и обеспечение экономической безопасности, реализация положительных интеграционных эффектов, снижение транзакционных издержек. К сближающим факторам относятся тесная промышленная кооперация, изменение конъюнктуры на общих рынках, зависимость от цен на углеводородное сырье и другие минеральные ресурсы, высокий уровень открытости экономик, усиление глобальной конкуренции на мировых рынках, санкции. Сравнительный анализ целевых параметров промышленной политики за периоды 2010–2014 гг. и 2015–2020 гг. позволил установить существенные изменения в динамике индикаторов целевой результативности промышленной политики государств – членов ЕАЭС, в том числе выравнивание темпов изменения показателей целевой результативности, а также их общую положительную динамику. Наличие объективных сближающих факторов, обуславливающих общие тенденции и взаимозависимость развития промышленных комплексов государств – членов ЕАЭС, позволило эмпирически подтвердить теоретически обоснованную возможность и целесообразность формирования общей стратегии развития промышленности стран – членов ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Мигранян, А. А. Структурные эффекты евразийской интеграции / А. А. Мигранян // Международная торговля и торговая политика – 2019. – № 3 (19). – С. 103–123.
2. Гурский, В. Л. Анализ влияния интеграционных эффектов в процессе становления Евразийского экономического союза на развитие промышленности и промышленную политику государств-членов / В. Л. Гурский // Журн. междунар. прав. и междунар. отношений. – 2017. – № 1–2 (80–81). – С. 110–121.
3. Шмарловская, Г. А. Интеграция в глобальные производственные сети как императив стратегического развития экономики / Г. А. Шмарловская, Н. С. Шалупаева // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 3 (71). – С. 169–175.
4. Урунов, А. А. Кооперация и субконтракция предприятий как форма углубления процесса интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза / А. А. Урунов, И. М. Морозова // Управление. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 49–60.

Поступила 11.09.2023

THE INFLUENCE OF INTEGRATION EFFECTS AND COOPERATION TIES
ON THE FORMATION OF A COMMON INDUSTRIAL DEVELOPMENT STRATEGY
OF THE EAEU MEMBER COUNTRIES

V. L. Hursky

vhurski@yandex.by

Doctor of Economics, Associate Professor

Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. A comprehensive analysis of integration effects in the EAEU was carried out, which made it possible to establish their ambiguous influence on the formation of a general strategy for the development of industry in the EAEU member countries. It was revealed that the greatest positive effect from participation in the integration association is received by countries with small but technologically developed economies, which have a large share of partners in integration education in the total volume of foreign trade. The EAEU member states have significant differences in the degree of interest in the formation of a common strategy for industrial development. Nevertheless, the presence of objective converging factors determines the advisability of forming a common strategy for the development of industry in the EAEU member countries. A comparative analysis of the target parameters of industrial policy for the periods 2010–2014 and 2015–2020, was carried out, which made it possible to establish an equalization of the rate of change in target performance indicators as well as their overall positive dynamics.

Keywords: economic integration, EAEU, general industrial development strategy, industrial policy, national interests, integration development factors.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-23-39>

УДК 338.24.01:330.112.1+330.341.1

JEL: B41, B59, O38, O14, Q32, Q38

БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: РЕСУРСНО-ПОЛЕЗНОСТНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Т. Ю. Гораева

tatsiwork@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой экономической безопасности
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь

В. Ф. Байнев

baynev@bsu.by

доктор экономических наук, профессор
заведующий научно-исследовательской лабораторией
комплексных исследований проблем социально-экономического развития
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье в контексте исследования научно-технической сферы раскрываются теоретические основы авторского ресурсно-полезностного метода исследования социально-экономических процессов, акцентирующего внимание на полезных результатах хозяйственной деятельности, в том числе научно-технической. Охарактеризованы достигнутые на основе указанного метода прикладные результаты, позволяющие определять уровень технологической прогрессивности национальной экономики; диагностировать уровень ее технологической безопасности; выявлять степень полезного использования затрат на исследования и разработки; определять уровень локализации производства продукции с учетом дружественности стран-поставщиков промежуточных товаров и технологического оборудования. Показано, что предложенный авторский методический инструментарий может быть использован для управления научно-технической деятельностью в рамках реализации стратегии технологического намерения, укрепления технологической безопасности, политики импортозамещения в Республике Беларусь, а также для смягчения обусловленных развитием науки и техники глобальных противоречий развития человечества.

Ключевые слова: научно-образовательная экономическая парадигма, экономическая безопасность, технологическая безопасность, научно-технический и технологический прогресс, стоимость, полезность и ресурсно-полезностный подход (метод), стратегия технологического намерения, политика импортозамещения.

Для цитирования: Гораева, Т. Ю. Безопасное развитие социально-экономических систем: ресурсно-полезностный подход к решению проблемы / Т. Ю. Гораева, В. Ф. Байнев // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 23–39. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-23-39>

Введение

Анализ мировых трендов социально-экономического развития за последние десятилетия заставляет констатировать резкое осложнение геополитической

и экономической ситуации на планете. Это выражается, прежде всего, в беспрецедентном обострении проблем (сырьевой, энергетической, экологической и т. д.), которые таят в себе прямую угрозу самому существованию человечества и потому в научной литературе именуется ни много ни мало как глобальные проблемы развития цивилизации¹. Все это жестко выдвинуло на повестку дня всего человечества задачи укрепления экономической безопасности и перехода к устойчивому развитию [1–4].

Однако несмотря на то, что текущее понимание проблематики устойчивого развития насчитывает уже, как минимум, пятидесятилетний стаж, человечество, на наш взгляд, не особенно далеко продвинулось на этом пути. Более того, к «типовому» набору лишь усугубившихся в последнее время глобальных противоречий добавились продовольственная, демографическая, миграционная и другие проблемы. Таким образом, имеются основания полагать, что все эти противоречия и проблемы имеют некую общую первопричину, без выявления и устранения которой выход цивилизации на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития принципиально невозможен.

По нашему убеждению, такой причиной является ныне доминирующая в мировой экономике стоимостная, затратная по своей политико-экономической сути, доктрина развития, ориентирующая социально-экономические системы всех уровней, начиная с конкретного предприятия и завершая национальной и мировой экономикой в целом, на нескончаемое наращивание затрат. Мы же считаем, что наряду с традиционными стоимостными критериями анализа и оценки социально-экономических процессов необходимо учитывать и их полезностные характеристики, которые, однако, в силу ряда причин зачастую игнорируются. Думается, что преимущественная ориентация на стоимостные критерии оценки на фоне явной недооценки значимости полезностных параметров – это и есть тот фактор, который является непреодолимым препятствием на пути перехода мировой экономики и человечества в целом к устойчивому и безопасному прогрессу.

Иными словами, сегодня актуален поиск (выработка) новой научно-образовательной экономической парадигмы, которая гармонично сочетала бы в себе не только стоимостные, но и полезностные критерии анализа и оценки социально-экономических процессов.

Результаты и их обсуждение

Пожалуй, впервые об актуальности поиска новой доктрины экономического развития в мировом масштабе предметно заговорили на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро (1992 г.), в рамках которой фактически было признано, что существующая модель экономики исчерпала

¹ Антонова Ю. И. Современные аспекты глобальных проблем : учеб. пособие. Омск : ИП Пономарева О. Н., 2010. 64 с.

себя и грозит человечеству глобальной катастрофой [5]. Однако ни в то время, ни после – вплоть до самого последнего времени не было предложено какой-либо более или менее реалистичной дилеммы данной модели. Возможность практического воплощения некоторых ныне известных (кроме марксизма) альтернатив нынешнему «мейнстриму», таких как теории ноосферизма (В. И. Вернадский, П. Г. Никитенко, А. И. Субетто и др.) [6], солидарной и социальной экономики (Ш. Жид, К. Поланьи, А. Дэш, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев и др.) [7], мирового космизма (П. Тейярд де Шарден, К. Э. Циолковский, Н. Ф. Федоров и др.) [8] и т. п., представляется делом весьма отдаленной перспективы. Глобальные же проблемы, увы, следует решать незамедлительно.

Основной недостаток преобладающей ныне стоимостной доктрины развития проистекает из следующих непреложных фактов. Как известно, всякое экономическое благо, будучи товаром, с одной стороны, обладает стоимостью, а с другой – имеет определенную полезность. Что касается категории «стоимость», под которой в самом общем виде понимается пропорция свободного обмена одного экономического блага на другое, то относительно ее толкования в экономической теории сложился более или менее определенный консенсус. При этом наиболее точно отражает возобладавшую точку зрения, пожалуй, следующее определение: *«Стоимость объекта – это совокупность затрат ресурсов, которые приходится осуществлять во имя приобретения, получения этого объекта в соответствии с его значимостью и потребностью в нем»* [9, с. 13]. Таким образом, получается, что стоимость – объективная характеристика экономического блага, в значительной мере отождествляемая с затратами, которые, как известно, можно несложным образом количественно измерить. Данные обстоятельства собственно и предопределили широкое использование стоимостных критериев оценки в экономическом анализе.

Аналогичным образом в экономической теории сложилась более или менее устойчивая система взглядов и на категорию «полезность». Однако при этом большинство экономистов сходятся во мнении, что полезность в отличие от стоимости – сугубо субъективная, причем количественно неизмеримая характеристика экономического блага. Об этом, например, свидетельствует одна из наиболее распространенных трактовок данной экономической категории: *«полезность (utility) – способность товара или услуги удовлетворять потребности; удовлетворение или удовольствие, получаемое потребителем от потребления товара или услуги (или от потребления набора товаров и услуг)»* [11, с. 966]. Очевидно, что понимаемая таким образом полезность блага зависит от его редкости, условий использования, предпочтений и вкусов потребителя и т. п. В силу этих причин принято считать, что *«полезность как внутренняя мера значимости, ценности объекта, товара, услуги для данного конкретного потребителя или группы потребителей представляет в этом смысле субъективную категорию»* [9, с. 13–14]. В результате получается, что из-за якобы субъективности и количественной неопределенности полезности ею при исследовании социально-экономических процессов в подавляющем большинстве

случаев пренебрегают, несмотря даже на то, что экономические блага интересуют потребителей исключительно из-за их полезных свойств.

Таким образом, экономистам не остается ничего иного, как представлять в качестве итогового результата производственной деятельности стоимостные, затратные по своей политико-экономической сущности показатели, к числу которых относятся валовой выпуск, прибыль, рентабельность и т. п. Здесь необходимо особо отметить, что прибыль, которую многие современные экономисты воспринимают в качестве превышающего затраты результата, с точки зрения классической политэкономии является всего лишь *частью затрат* прибавочного труда. И даже если считать, что прибыль есть продукт не только труда наемных работников, но и предпринимательских способностей владельцев бизнеса (капиталистов), то и в этом случае она оказывается тождественной затратам труда и этих самых способностей.

Что касается ныне доминирующей неоклассической концепции экономической теории, то на невозможность преодоления в ее рамках аналогичного отождествления результата с затратами указывал еще Й. Шумпетер. *«В граничной точке производства величина издержек приближается к величине предельной полезности продукта, – писал он в своей бессмертной работе «Теория экономического развития». – Отсюда следует, что последняя часть общего количества любого продукта производится в условиях, когда уже более нет превышения получаемого полезного эффекта (результата – авт.) над издержками. И в этом смысле производство не создает никаких стоимостей, иными словами, в процессе производства не происходит никакого повышения стоимости»* [11, с. 92]. Получается, что в условиях рыночного равновесия, признаваемого в качестве идеальной ситуации наиболее эффективного расходования дефицитных ресурсов, результат хозяйственной деятельности опять-таки математически строго равен затратам на ее осуществление.

Иными словами, в рамках двух осуществивших наибольшее преобразующее воздействие на практическую экономику стоимостных доктрин – классики и неоклассики – оказывается, что из-за отождествления затрат с результатом стремление максимизировать последний неизбежно ведет к наращиванию затрат, порождая тем самым затратную по своей сути экономику и обусловленные ею глобальные проблемы цивилизации. Фундаментальный недостаток такой экономики заключается в том, что целенаправленный прирост выдаваемых за результат затрат не сопровождается пропорциональным приращением «субъективной» и «неизмеримой» полезности продуцируемых при этом товаров и услуг.

Справедливости ради следует пояснить, что в условиях эффективно функционирующей рыночной экономики особой надобности в количественном измерении полезностных характеристик реализуемых товаров и услуг не возникало, ибо эту задачу до самого последнего времени на практике успешно решал ценовой механизм свободного рынка. Ведь не секрет, что чем больше полезность экономического блага, тем выше и его рыночная цена, служившая весьма

точным мерилom его полезных характеристик. Благодаря ценовому механизму рынки надежно перераспределяли потоки дефицитных ресурсов на производство более полезных благ, повышая тем самым эффективность использования ресурсной базы планеты в целом. Однако в нынешних условиях монополизации рынков сверхкрупными национальными и транснациональными корпорациями, масштабных торговых войн, тотальных санкций и прочих бесчисленных ограничений функционирование указанного ценового механизма крайне затруднено, а значит, рынки все менее и менее успешно справляются с решением проблемы эмпирического определения полезности реализуемых на них экономических благ.

Таким образом, в нынешних условиях невозможности как теоретического, так и эмпирического определения полезности рост ресурсных затрат на производство экономических благ опережает неконтролируемое приращение их полезных свойств, что ведет к перерасходу дефицитных ресурсов и закономерно усугубляет глобальные проблемы цивилизации. Поэтому мы считаем, что именно сейчас актуализируется задача дополнения традиционных стоимостных критериев оценки социально-экономических процессов с учетом их полезных характеристик, для чего, однако, необходимо преодолеть сложную научную проблему количественного измерения полезности.

Представляется, что нам удалось решить многие из обозначенных выше задач и проблем в рамках развиваемого нами ресурсно-полезностного подхода к исследованию социально-экономических систем и процессов. Концептуальные и теоретические основы данного нового метода исследования сводятся к следующим базовым положениям.

1. *Безопасность (биологической, технической, экономической, социальной и т. д.) системы* – это такое ее состояние, когда она в неблагоприятных условиях и при различных деструктивных воздействиях способна сохранять свои атрибутивные свойства на протяжении предписанного срока ее бытия.

2. Для сохранения целостности системы (т. е. для противодействия нарастанию внутренней энтропии) и выполнения ею предписанных ей атрибутивных функций она должна расходовать ресурсы (иметь доступ к необходимым материальным, энергетическим и т. д. ресурсам). Поскольку ресурсы объективно ограничены, за них приходится вступать в бескомпромиссную конкурентную борьбу. Таким образом, ключевым условием безопасности является *конкурентоспособность*, в самом общем виде трактуемая как способность индивидуума либо социально-экономической системы в неблагоприятных условиях, включая противодействие конкурентов, обеспечивать свою безопасность через доступ к жизненно важным ресурсам.

3. *Полезность экономического (социального, духовного) блага* – это свойство, способность данного блага повышать конкурентоспособность и, соответственно, безопасность его потребителя в неблагоприятных условиях и при различных деструктивных воздействиях, включая противодействие конкурентов. Заметим, что данное нами определение полезности кардинально отличается от

устоявшегося (см. выше), поскольку в отличие от него не позволяет считать полезными, положим, антисоциальные, однако приносящие наибольшее удовольствие потребителю товары и услуги (азартные игры, табак, наркотики и т. п.).

4. *Экономическая безопасность социально-экономической системы* – это такое ее состояние, когда она в неблагоприятных условиях и при различных деструктивных воздействиях, включая противодействие конкурентов, сохраняет свою конкурентоспособность в борьбе за требуемые ей ограниченные ресурсы, способна их полезно использовать и тем самым обеспечивает свою безопасность на протяжении предписанного срока ее бытия. Заметим, что доступность ресурсов еще не гарантирует безопасности, поскольку, например, обеспеченный, однако, больной человек, будучи неспособен их полезно использовать, находится вне зоны безопасности. Таким образом, необходимые условия экономической безопасности – наличие достаточного количества ресурсов и способность их полезно использовать.

5. В нынешнюю технотронную эпоху конкурентоспособность, а значит, экономическая безопасность социально-экономических систем во многом зиждется на применяемых ею технике и технологиях. Иными словами, в наше время фундаментом конкурентоспособности и безопасности является *уровень технологической прогрессивности национальной экономики*. Для его количественного измерения нами предложен к использованию *показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики LTP (level of technological progressiveness)*, исчисляемый в виде ее средневзвешенного технологического уклада, который применительно к белорусской (российской, казахстанской) экономике представляет собой расчетное действительное число из интервала от 1 до 6 (по числу выделяемых технологических укладов). Как известно, в Европейском классификаторе видов экономической деятельности выделены виды экономической деятельности, относящиеся к высоким, средневысоким, средненизким и низким технологиям. Им были поставлены в соответствие числовые идентификаторы «6», «5», «4» и «3», отображающие номера выделяемых технологических укладов. Числовые идентификаторы «2» и «1» использованы нами номинально для учета незначительного остатка, образующегося после вычета из ВВП вкладов перечисленных выше видов экономической деятельности. Таким образом, формула для определения показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики *LP* может выглядеть следующим образом:

$$LTP = \frac{6 \sum_{a=1}^A H_a + 5 \sum_{b=1}^B MH_b + 4 \sum_{c=1}^C ML_c + 3 \sum_{d=1}^D L_d + 2 \sum_{e=1}^E LR_e + 1 \sum_{f=1}^F LA_f}{100 \%}, \quad (1)$$

где 6, 5, 4, 3, 2, 1 – варианты при весовых коэффициентах, отражающие порядковые номера технологических укладов; H_a – удельный вес в ВВП a -го вида экономической деятельности, относящегося к высокотехнологичным («high»)

производствам, %; A – количество видов экономической деятельности, относящихся к высокотехнологичным производствам; MH_b – удельный вес в ВВП b -го вида экономической деятельности, относящегося к средневысокотехнологичным («*medium high*») производствам, %; B – количество видов экономической деятельности, относящихся к средневысокотехнологичным производствам; ML_c – удельный вес в ВВП c -го вида экономической деятельности, относящегося к средненизкотехнологичным («*medium low*») производствам, %; C – количество видов экономической деятельности, относящихся к средненизкотехнологичным производствам; L_d – удельный вес в ВВП d -го вида экономической деятельности, относящегося к низкотехнологичным («*low*») производствам, %; D – количество видов экономической деятельности, относящихся к низкотехнологичным производствам; LR_e – удельный вес в ВВП e -го вида экономической деятельности, относящегося к низкотехнологичным отсталым («*low retarded*») производствам, %; E – количество видов экономической деятельности, относящихся к низкотехнологичным отсталым производствам; LA_f – удельный вес в ВВП f -го вида экономической деятельности, относящегося к низкотехнологичным архаичным («*low archaic*») производствам, %; F – количество видов экономической деятельности, относящихся к низкотехнологичным архаичным производствам.

Таким образом, в формуле (1) расчета средневзвешенного технологического уклада национальной экономики вариантами выступают номера технологических укладов 1...6, а весами при этих вариантах – доли в ВВП производств, относящихся к производствам соответствующих техноукладов.

В заключение заметим, что в случае использования предложенной нами методологии определения уровня технологической прогрессивности национальной экономики за пределами Республики Беларусь диапазон изменения соответствующего показателя может быть иным. Например, учитывая принятую в западных странах периодизацию научно-технического прогресса в рамках первой-четвертой индустриальных революций, показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики в этих странах будет представлен действительным числом из интервала от 1 до 4.

6. *Итоговым полезным результатом функционирования научной и научно-технической сферы* является улучшение технологической структуры ВВП, проявляющее себя через возрастание в нем удельного веса продукции видов экономической деятельности, относящихся к высшим технологическим укладам (рис. 1). При этом данное улучшение количественно отражается приращением предложенного нами показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики ΔLTP (см. формулу (1)).

Заметим, что приращение показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики ΔLTP является интегральной характеристикой инновационного процесса в целом, причем как затратной, так и результативной его стадий. Этим данный показатель кардинально отличается, положим, от традиционно используемого для этих целей типично затратного показателя науко-

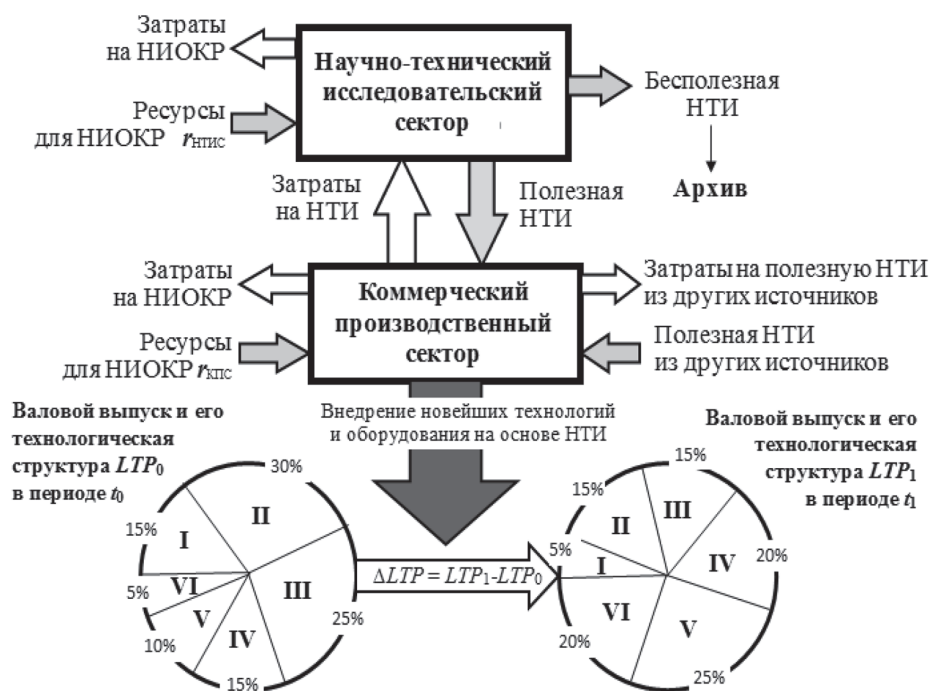

Рис. 1. Иллюстрация к определению итогового полезного результата научно-технической деятельности: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;

НТИ – научно-техническая информация; $r_{\text{нтис}}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в научно-техническом исследовательском секторе; $r_{\text{кпс}}$ – вектор ресурсов, затрачиваемых на осуществление НИОКР в коммерческом (государственном и частном) производственном секторе; I–VI – вклады в валовой выпуск видов экономической деятельности, относящихся к первому – шестому технологическим укладам соответственно; LTP – уровень технологической прогрессивности национальной экономики; ΔLTP – изменение структуры валового выпуска в пользу более высокотехнологичных видов экономической деятельности (полезностный эффект научно-технической деятельности).

Примечание. Разработка Т. Ю. Горасовой

емкости, характеризующего связанную с затратами на НИОКР сферу исследований и разработок. К тому же наукоемкость со всей очевидностью игнорирует тот факт, что результаты НИОКР могут не найти своего практического инновационного воплощения, а значит, затраты на них будут попросту бесполезными.

С опорой на перечисленные выше базовые положения нами был получен ряд прикладных результатов, которые могут быть использованы при анализе состояния научно-технического и технологического прогресса в Республике Беларусь, а также для целенаправленного управления им.

Во-первых, на основе предложенной нами методологии исследования научно-технического прогресса по его конечному полезному результату выявлена динамика показателя уровня технологической прогрессивности национальной экономики Беларуси, России, Китая и стран G7 в период с 1975 по 2000 г. (рис. 2).

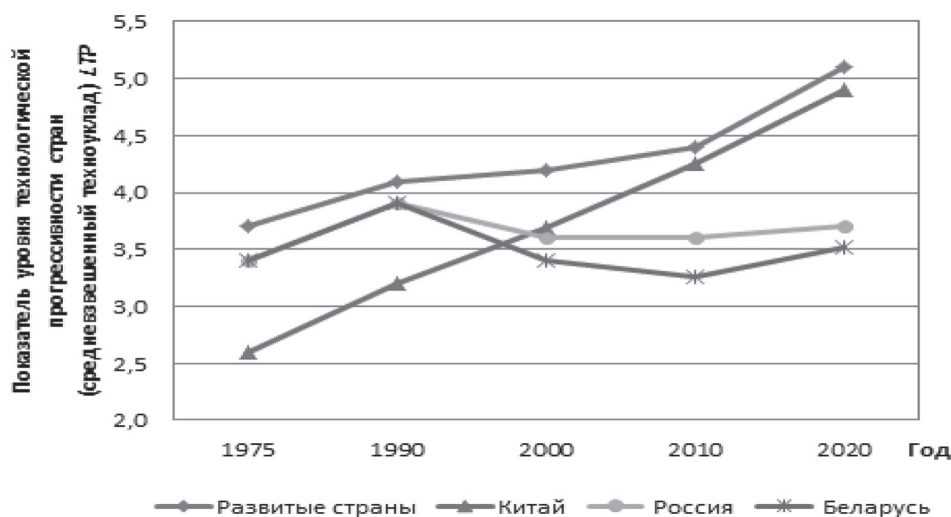

Рис. 2. Долгосрочная сравнительная динамика показателя технологической прогрессивности некоторых стран мира, 1975–2020 гг.

К сожалению, приходится констатировать не просто недопустимо большое, но и, увы, продолжающее нарастать технологическое отставание Республики Беларусь и Российской Федерации от лидеров мировой экономики, включая стратегических конкурентов, что таит в себе прямую угрозу нашей технологической, а значит, экономической и национальной безопасности. Мы считаем, что предложенный нами показатель уровня технологической прогрессивности национальной экономики является интегральным критерием, позволяющим оценить состояние научно-технического и технологического прогресса в стране в целом по динамике улучшения технологической структуры ее национальной экономики. Кроме того, целенаправленное приращение данного показателя, по нашему мнению, должно стать целевым критерием управления научной и научно-технической сферой в рамках актуальной для Республики Беларусь (см. рис. 2) стратегии технологического намерстывания и укрепления ее технологической безопасности.

Во-вторых, сопоставление абсолютных значений и динамики показателей уровня технологической прогрессивности различных стран позволяет количественно измерять и диагностировать степень технологической безопасности каждой из них. При этом основным критерием технологической безопасности анализируемой (отстающей, догоняющей) национальной экономики выступает период времени Δt , в течение которого она по указанному показателю догонит принятого за эталон лидера (рис. 3).

Практическое применение данной методологии определения уровня технологической безопасности обусловлено возможностью решения уравнения $LTP_a(t) = LTL_c(t)$ относительно t . В рамках выполнения данного научного исследования нами были получены уравнения нелинейной регрессии, характеризующие

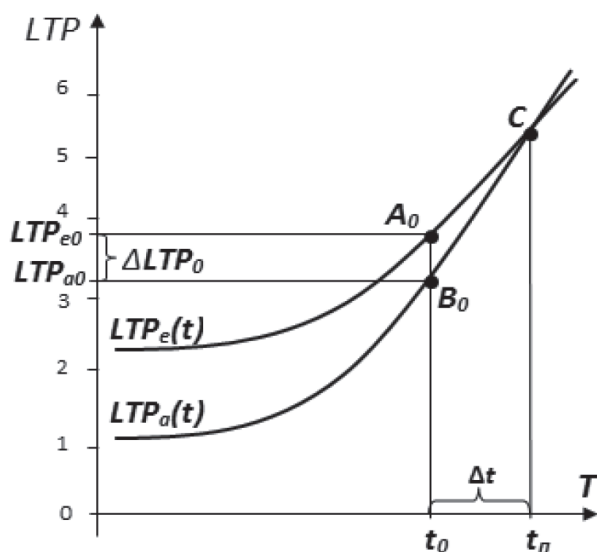

Рис. 3. Иллюстрация к проблеме определения уровня технологической безопасности национальной экономики: LTP_{a0} и LTP_{e0} — показатели уровня технологичности анализируемой и эталонной социально-экономической системы соответственно в текущий момент времени; $\Delta LTP_0 = (LTP_{e0} - LTP_{a0})$ — абсолютное отставание анализируемой социально-экономической системы от конкурента-лидера по уровню технологического развития в текущий момент времени; $LTP_a(t)$ и $LTP_e(t)$ — функции и соответствующие им кривые, характеризующие динамику показателя уровня технологической прогрессивности экономики анализируемой (догоняющей) и эталонной (догоняемой) социально-экономической системы соответственно; C — точка пересечения указанных выше кривых; t_0 — текущий момент времени; t_n — момент времени, когда анализируемая социально-экономическая система по уровню технологического развития догонит принятого за эталон лидера; $\Delta t = t_n - t_0$ — период времени, в течение которого анализируемая социально-экономическая система достигнет уровня технологической прогрессивности экономики принятого за эталон лидера.

Примечание. Разработка Т. Ю. Горасовой

ющие динамику во времени показателей уровня технологической прогрессивности Беларуси, России, Китая и стран G7 [12]. На основе предложенной нами шкалы диагностирования оценки технологической безопасности (табл. 1), при $\Delta t_n = 10$ (время, в течение которого в идеальном варианте надлежит догнать лидера) были получены следующие результаты:

1) Беларусь (равно как и Россия) по отношению к странам G7 демонстрирует критический уровень технологической безопасности, поскольку при существующих темпах научно-технического и технологического прогресса в сопоставляемых странах она никогда не догонит лидеров ($\Delta t = \infty$);

2) Беларусь по отношению к Китаю демонстрирует критический уровень технологической безопасности, поскольку при существующих темпах научно-технического и технологического прогресса в сопоставляемых странах она никогда не догонит КНР ($\Delta t = \infty$);

3) Беларусь по отношению к России демонстрирует средний уровень технологической безопасности, поскольку при существующих темпах научно-технического и технологического прогресса в наших странах, они по уровню технологической прогрессивности экономики сравниваются через 13 лет ($\Delta t = 13$).

Таблица 1. Шкала качественной оценки технологической безопасности анализируемой социально-экономической системы (относительно догоняемой, принятой за эталон сравнения)

Уровень технологической безопасности экономической системы	Условия
Высокий	$\Delta LTP_0 \leq 0$
	$0 < \Delta LTP_0 \leq 0,5$ при условии $LTP_a(t_0)' \geq LTP_c(t_0)'$
	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t \leq \Delta t_n$
Средний	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t_n < \Delta t \leq 2\Delta t_n$
Удовлетворительный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $2\Delta t_n < \Delta t \leq 3\Delta t_n$
Низкий	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $3\Delta t_n < \Delta t \leq 4\Delta t_n$
Кризисный	$\Delta LTP_0 \geq 0,5$ при условии $\Delta t > 4\Delta t_n$

Примечание. Разработка Т. Ю. Горавой.

Результаты данной части исследования подтверждают ранее сделанный вывод о необходимости формирования и реализации в Республике Беларусь стратегии технологического намерстывания, ключевой целью которой должно стать достижение удовлетворительного (положим, к 2030 г.), среднего (2040 г.) и, в конечном счете, высокого уровня технологической безопасности (2050 г.) по сравнению со стратегическими конкурентами – странами G7. Для этого со всей очевидностью придется предпринять значительные усилия по ускорению научно-технического и технологического развития в стране с целью опережающего приращения показателя уровня технологической прогрессивности белорусской экономики.

В-третьих, поскольку далеко не все результаты исследований и разработок используются на практике и часть их, увы, становится достоянием архивов, целесообразно контролировать удельный вес затрат, связанных с созданием именно полезной НТИ, то есть той, которая была востребована коммерческим производственным сектором и использована им для улучшения технологической структуры ВВП (см. рис. 1). Для осуществления указанного контроля нами был предложен к использованию специальный новый показатель – коэффициент полезности затрат на НИОКР, рассчитываемый в виде отношения полезных затрат на НИОКР к общему объему таких затрат в стране [13]. При этом полезными предложено считать те затраты на НИОКР, которые были осуществлены:

а) в коммерческом производственном (государственном и частном) секторе национальной экономики как прошедшие проверку полезности коммерческим интересом;

б) в некоммерческих секторах экономики (некоммерческом госсекторе, секторе высшего образования и секторе некоммерческих организаций) при условии, что полученные при этом результаты научно-технической деятельности были доведены до стадии коммерциализации либо, относясь к категориям «затраты на специальное оборудование» и «капитальные затраты», привели к изменению структуры основных средств, используемых в данных секторах.

В процессе исследования группы государств Западной Европы (в их числе – Венгрия, Германия, Дания, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония) была выявлена важная закономерность. Ее суть заключается в том, что *в технологически развитых странах целенаправленное наращивание наукоемкости ВВП сопровождается методичным повышением коэффициента полезности затрат на НИОКР* [13]. Так, в период с 2010 по 2020 г. в перечисленных выше государствах наукоемкость ВВП выросла в среднем с 2,3 до 2,6 %, в то время как коэффициент полезности затрат на НИОКР в этих странах увеличился с 0,61 до 0,65 соответственно.

К сожалению, Республика Беларусь демонстрирует диаметрально противоположную динамику обоих анализируемых показателей, поскольку в нашей стране в 2017–2021 гг. и без того низкая наукоемкость ВВП уменьшилась с 0,58 до 0,47 % на фоне падения коэффициента полезности затрат на НИОКР с 0,73 до 0,68. Результаты данной части проведенного нами исследования однозначно свидетельствуют о системных проблемах в отечественной научной и научно-технической сфере и опять-таки обуславливают актуальность принятия серьезных мер по формированию и реализации в Республике Беларусь стратегии технологического намерстывания и укрепления ее технологической безопасности.

В-четвертых, учитывая данное нами выше определение экономической безопасности, мы рекомендуем скорректировать принципы осуществления политики импортозамещения в Республике Беларусь (данная часть работы осуществлена Т. Ю. Горaeвой). К сожалению, типовые методики определения уровня локализации производства продукции, используемые в Республике Беларусь¹ и на территории государств – участников Таможенного Союза и Единого экономического пространства², игнорируют несколько существенных, на наш взгляд, фактора, а именно:

¹ Методика оценки среднегодового уровня локализации производства в целом или отдельного вновь осваиваемого изделия [Электронный ресурс] : постановление Министерства экономики Респ. Беларусь и Министерства промышленности Респ. Беларусь, 23 марта 2012 г., № 20/2 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://belzakon.net/Законотательство/Совместные_постановления/2012/57003 (дата обращения: 08.07.2023).

² Об условиях применения понятия «промышленная сборка моторных транспортных средств» на территориях государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства [Электронный ресурс] : решение Высш. Евраз. эконом. совета, 29 мая 2014 г., № 72 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91400108> (дата обращения: 08.07.2023).

1) степень дружелюбности по отношению к Республике Беларусь стран, из которых импортируются промежуточные продукты. В типовых методиках импортные товары и услуги, в том числе поставляемые из дружественных России, Казахстана, Китая и т. д., учитываются наравне с поставками из недружественных государств, объявивших нашей стране санкции. Мы считаем необходимым при определении уровня локализации производства продукции дифференцировать импорт, введя в рассмотрение соответствующие поправочные коэффициенты так, как это было сделано нами при расчете *уточненного показателя уровня локализации производства продукции*:

$$L'_{\text{пр}} = \left(1 - \frac{k_1 \sum C_{\text{имп}}^{\text{НС}} + k_2 \sum C_{\text{имп}}^{\text{ШОС, БРИКС}} + k_3 \sum C_{\text{имп}}^{\text{ТС}}}{\text{ОП}_{\text{пр}}} \right) \cdot 100 \%, \quad (2)$$

где $C_{\text{имп}}^{\text{НС}}$, $C_{\text{имп}}^{\text{ШОС, БРИКС}}$, $C_{\text{имп}}^{\text{ТС}}$ – стоимость всех комплектующих и их частей, ввезенных в страну для производства продукции в отчетном периоде из недружественных стран (НС), государств – участников стран Таможенного союза (ТС) и стран – членов ШОС и БРИКС (ШОС, БРИКС) соответственно, руб.; k_1 , k_2 , k_3 – коэффициенты, учитывающие степень «недружелюбности» стран (1,0 – для недружественных стран; 0,8 – для стран – членов ШОС и БРИКС; 0,7 – для государств – участников Таможенного союза, исключая Республику Беларусь; при выборе данных поправочных коэффициентов мы использовали внутренний документ, регламентирующий закупки, осуществляемые для нужд компаний группы ПАО «ИнтерРАО», расположенных на территории Российской Федерации¹); $\text{ОП}_{\text{пр}}$ – объем производства (себестоимость) продукции, руб.

Очевидно, что уточненный показатель уровня локализации производства продукции при прочих равных условиях будет не ниже, а в большинстве случаев – выше, нежели рассчитанный по типовым методикам;

2) отложенный эффект технологического эмбарго (технологических санкций) западных стран против Республики Беларусь, примененного в расчете на то, что в течение 3–10 лет импортное технологическое оборудование отечественных предприятий начнет масштабно выходить из строя и при невозможности его реновации показатель уровня технологической прогрессивности белорусской экономики начнет быстро снижаться. Осуществленный нами анализ показывает, что зачастую белорусские предприятия информируют о высоком уровне локализации производства продукции, в то время как используемое ими технологическое оборудование в значительной мере является импортным. В связи с этим целесообразно учитывать происхождение (отечественное, импортное из дружественных и недружественных стран) технологического оборудования, на котором производится продукция, рассчитывая еще один предло-

¹ Методика «Расчет уровня локализации товаров, работ, услуг» МТ – 156-2 [Электронный ресурс] : приказ ПАО «Интер РАО», 11 марта 2019 г., № ИРАО/139 // ПАО «Интер РАО». URL: <https://cdn.interrao-zakupki.ru/iblock/8ec/8ec6ae3c25c12fa1e4140b4b7c0c7648/68c6dc2d8bbac4526d077008f3eadcd.pdf> (дата обращения: 08.07.2023).

женный нами *показатель уровня локализации технологического оборудования*, используемого для производства продукции:

$$L_{\text{ТО}} = \left(1 - \frac{k_1 \sum S_{\text{имп}}^{\text{НС}} + k_2 \sum S_{\text{имп}}^{\text{ШОС, БРИКС}} + k_3 \sum S_{\text{имп}}^{\text{ТС}}}{S} \right) \cdot 100 \%, \quad (3)$$

где $S_{\text{имп}}^{\text{НС}}$, $S_{\text{имп}}^{\text{ШОС, БРИКС}}$, $S_{\text{имп}}^{\text{ТС}}$ – стоимость (остаточная, переоцененная) технологического оборудования и расходных материалов к нему, ввезенных в страну для производства продукции в отчетном периоде соответственно из недружественных стран (НС), государств – участников стран Таможенного союза (ТС) и стран – членов ШОС и БРИКС, руб.; S – стоимость (остаточная, переоцененная) технологического оборудования и расходных материалов к нему, руб.

К сожалению, практика показывает, что отечественные предприятия в значительной мере укомплектованы импортным технологическим оборудованием, причем поставленным преимущественно из недружественных стран. Однако сформулированное нами выше определение экономической безопасности однозначно требует, чтобы конкурентоспособность белорусской экономики не зависела от противодействия конкурентов, включая случаи их отказа в поставках технологического оборудования и комплектующих к нему в рамках технологического эмбарго. Таким образом, необходимость укрепления экономической безопасности настоятельно диктует о целенаправленном наращивании *показателя уровня локализации технологического оборудования* (см. формулу (3)), который имеет вполне самостоятельное значение и вполне может служить одним из целевых критериев политики импортозамещения.

Вместе с тем мы считаем, что более полно характеризует достигнутый уровень импортозамещения еще один предложенный нами параметр – *комплексный показатель уровня локализации производства продукции*, интегрирующий в себе достоинства описанных выше аналогичных показателей $L'_{\text{пр}}$ и $L_{\text{ТО}}$:

$$L_{\text{к}} = L'_{\text{пр}} L_{\text{ТО}}. \quad (4)$$

В табл. 2 представлены результаты апробации данной части научного исследования на одном из отечественных предприятий, реализующих импортозамещение. Полученные результаты рельефно высвечивают общую для большинства белорусских предприятий скрытую угрозу их технологической безопасности в среднесрочной перспективе – недопустимо высокую зависимость их произ-

Таблица 2. Показатели уровня локализации ООО «Квантрейд», %

Показатель уровня локализации производства продукции $L_{\text{пр}}$ (рассчитан по типовой методике)	Уточненный показатель уровня локализации производства продукции $L'_{\text{пр}}$	Показатель уровня локализации технологического оборудования $L_{\text{ТО}}$	Комплексный показатель уровня локализации производства продукции $L_{\text{к}}$
80,1	86,1	15	12,9

Примечание. Разработка Т. Ю. Горасвой.

водственных процессов от импорта технологического оборудования. Заметим, что данная проблема остается вне поля зрения при использовании типовых методик определения уровня локализации продукции и явно проявляется при расчете предложенных нами авторских показателей.

Мы предлагаем методичное наращивание комплексного показателя уровня локализации производства продукции использовать в качестве целевого критерия импортозамещения Республики Беларусь, поскольку при производстве продукции он будет стимулировать отказ от импорта (прежде всего, недружественного) как промежуточных продуктов, так и используемого технологического оборудования. Разумеется, решение данной проблемы не может быть переложено исключительно на плечи реализующих импортозамещение отечественных предприятий. Государство, а также союзные органы управления (имеется в виду Союзное государство Беларуси и России, а также ЕАЭС) должны принять меры к разработке и реализации комплексной программы импортозамещения в области станкостроения, призванной удовлетворить потребность национальных предприятий в современном отечественном технологическом оборудовании.

Заключение

Представленный в статье ресурсно-полезностный подход к исследованию социально-экономических процессов, акцентирующий внимание не столько на затратах, сколько на конечном полезном результате научно-технической деятельности, на наш взгляд, может стать тем теоретическим фундаментом для новой научно-образовательной экономической парадигмы, которая позволит преодолеть стоимостной (затратный) характер сложившейся на планете системы хозяйствования. Разработанный в рамках данного подхода методический инструментарий непосредственно нацеливает научно-техническую деятельность на максимизацию ее конечного полезного результата – увеличение удельного веса в ВВП продукции производств, относящихся к высшим технологическим укладам.

Таким образом, предложенные в статье полезностные показатели могут стать действенными рабочими рычагами управления научно-техническим и технологическим прогрессом при реализации жизненно важных для Республики Беларусь стратегий технологического намерстывания, укрепления технологической безопасности, а также программы импортозамещения. Для нас очевидно, что решение этих и многих других актуальных проблем возможно лишь в рамках осуществления в Республике Беларусь, а также в странах ЕАЭС активной индустриально-промышленной политики, связанной с продуцированием промышленной продукции и средств ее производства [14, 15]. Гармоничное дополнение традиционных стоимостных показателей оценки научно-технической деятельности предложенными нами полезностными критериями позволит бо-

лее глубоко и всесторонне оценивать достижения науки и техники, преодолеть обусловленные ими глобальные противоречия и тем самым вывести мировую экономику на траекторию безопасного, по-настоящему устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Гусаков, В. Проблемы и предложения по устойчивому развитию национальной экономики в период международной турбулентности / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2023. – № 1. – С. 4–10.
2. Муха, Д. В. Эффективность реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого развития / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 9–18.
3. Муха, Д. В. Инвестиционная политика в интересах устойчивого развития национальной экономики: теоретические и методологические аспекты формирования и реализации / Д. В. Муха // Банковский вестник. – 2022. – № 5 (706). – С. 52–62.
4. Тетеринец, Т. А. Научный потенциал аграрного сектора как фактор обеспечения экономической безопасности / Т. А. Тетеринец // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 4. – С. 112–119.
5. Кажуро, Н. Я. Концепция устойчивого развития как новая парадигма общественного прогресса / Н. Я. Кажуро // Наука и техника. – 2016. – Т. 15, № 6. – С. 511–520.
6. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск : Беларуская навука, 2006. – 478 с.
7. Пряжникова, О. Н. Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития / О. Н. Пряжникова // Экономические и социальные проблемы России. – 2014. – № 2. – С. 86–107.
8. Лыткин, В. В. Понятие космизма и проблема его классификации / В. В. Лыткин // Научные труды Белгородского государственного университета. Сер., Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). – С. 265–272.
9. Райзберг, Б. А. Определение и обоснование стоимости, ценности социально-экономических объектов, благ, товаров, услуг / Б. А. Райзберг // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 12–15.
10. Макконнел, К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. с 13-го англ. изд. / К. Р. Макконнел, С. Л. Брю. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 974 с.
11. Шумпетер, Й. Теория экономического развития : пер. с нем. / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.
12. Байнев, В. Ф. В поисках модели безопасного развития: ресурсно-полезностный подход к управлению научно-техническим прогрессом // В. Ф. Байнев, Т. Ю. Гораяева / Экономист. – 2023. – № 4. – С. 44–52.
13. Байнев, В. Ф. Ресурсно-полезностный подход к обеспечению технологической безопасности Республики Беларусь / В. Ф. Байнев, С. В. Макаревич // Наука и инновации. – 2023. – № 5 (243). – С. 27–32.
14. Солодовников, С. Ю. Направления совершенствования бизнес-моделей промышленных предприятий в Республике Беларусь в условиях цифровизации / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Наука и техника. – 2022. – Т. 21, № 5. – С. 444–450.
15. Гурский, В. Л. Организационно-экономический механизм согласования промышленной политики государств – членов ЕАЭС / В. Л. Гурский. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 322 с.

Поступила 10.07.2023

SECURE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS:
RESOURCE-USEFUL APPROACH TO PROBLEM SOLVING

T. Yu. Goraeva

tatsiwork@mail.ru

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Head of the Department of Economic Security of the Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

V. F. Baynev

baynev@bsu.by

Doctor of Sciences in Economics, Professor

Head of the Research Laboratory for Comprehensive Studies of the Problems

of Socio-Economic Development of the Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. In the article, in the context of the study of the scientific and technical sphere, the theoretical foundations of the author's resource-useful method for studying socio-economic processes, focusing on the beneficial results of economic, including scientific and technical activities, are revealed. The applied results achieved on the basis of this method are characterized, which make it possible to determine the level of technological progressivity of the national economy; to diagnose the level of its technological security; identify the degree of useful use of research and development costs; determine the level of localization of production, taking into account the friendliness of the countries-suppliers of intermediate goods and technological equipment. It is shown that the proposed author's methodological tools can be used to manage scientific and technical activities as part of the implementation of the technological catch-up strategy, strengthening technological security, import substitution policy in the Republic of Belarus, as well as to mitigate the global contradictions of human development caused by the development of science and technology.

Keywords: scientific and educational economic paradigm, economic security, technological security, scientific and technical progress, technological progress, price, usefulness and resource-useful approach (method), technology catch-up strategy, import substitution policy.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-40-50>

УДК 330.322, 338, 004, 608.3, 311

JEL E22, F21, Q01, O30, O39, C10, C80

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Д. В. Муха

mukha@economics.basnet.by

кандидат экономических наук, доцент

директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье раскрыты особенности объекта инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики на основе анализа классификаций видов экономической деятельности по интенсивности научных исследований и разработок и по технологической интенсивности, классификаций товаров по технологической интенсивности, классификаций высоких технологий и иных источников. Сформулированы основные задачи, характеристики и определение инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная политика, научно-технологическое развитие, инновации, высокие технологии.

Для цитирования: Муха, Д. В. Особенности объекта инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 40–50. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-40-50>

Введение

На современном этапе заметно возрастает роль инвестиционной политики в обеспечении устойчивого развития экономики, в том числе сферы науки, технологий и инноваций. Инвестиционная политика в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики базируется на основных принципах инвестиционной политики в интересах устойчивого развития страны, разработанных в документах Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)¹ и иных источниках [1–4].

При этом особенности инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики обусловлены спецификой ее *объекта и целей*. Так, в качестве *объекта* инвестиционной

¹ Investment policy framework for sustainable development [Electronic resource] / United Nation's Conference on Trade and Development (UNCTAD). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcb2015d5_en.pdf (date of application: 30.05.2023) ; World investment report 2014. Investing in the SDGs: an action plan / UNCTAD. New York ; Geneva : United Nations, 2014. 265 p.

политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики выступают инвестиции в легальных видах научной, научно-технической и инновационной деятельности любых предприятий и организаций независимо от их основного вида деятельности [5]. В данном случае следует пояснить, что перечень респондентов государственных статистических наблюдений по науке и инновациям является более узким, поскольку он полностью не охватывает все предприятия и организации, которые выполняют научные исследования и разработки и внедряют инновации¹. В частности, для определения совокупности респондентов статистической отчетности по форме 1-нт (наука) «Отчет о выполнении научных исследований и разработок» Национальный статистический комитет Беларуси (далее – Белстат) использует:

- предоставленный Государственным комитетом по науке и технологиям Беларуси (далее – ГКНТ) перечень юридических лиц, которые выполняли в отчетном году научные исследования и разработки с прохождением государственной регистрации в установленном порядке;

- перечень респондентов, которые представили первичные статистические данные по виду деятельности «Научные исследования и разработки» в следующих формах статистической отчетности: 4-у «Отчет о видах экономической деятельности организации» за январь – сентябрь отчетного года, 1-мп (микро) «Отчет о финансово-хозяйственной деятельности микроорганизации» за предыдущий год и 1-мп «Отчет о финансово-хозяйственной деятельности малой организации» за предыдущий год².

Однако отчетность по формам 4-у, 1-мп (микро) и 1-мп не заполняют банки, ОАО «Банк развития Республики Беларусь», небанковские кредитно-финансовые организации, некоммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 человек включительно, крестьянские (фермерские) хозяйства. При этом Белстат использует сплошной метод наблюдения за финансово-хозяйственной деятельностью микроорганизаций (коммерческих организаций со средней численностью работников за год, предшествующий отчетному году, до 15 человек включительно) один раз в 5 лет (в остальные годы применяется выборочный метод наблюдения)³.

В свою очередь, перечень респондентов отчетности по форме 1-нт (инновация) «Отчет об инновационной деятельности организации» включает только те юридические лица, основным видом деятельности которых является производство промышленной продукции; деятельность в области телекоммуникаций;

¹ Методологические положения по статистике [Электронный ресурс] // Белстат. URL: <https://www.belstat.gov.by/metodologiya/metodologicheskie-polozeniya-po-statistike/> (дата обращения: 04.04.2023).

² Методологические положения по статистике.

³ Бланки форм государственной статистической отчетности, указания по их заполнению, постановления [Электронный ресурс] // Белстат. URL: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/gosudarstvennye-statisticheskie-nablyudeniya/formy-gosudarstvennyh-statisticheskikh-nablyuden_2/ (дата обращения: 04.02.2023).

деятельность в области информационного обслуживания (кроме деятельности информационных агентств); компьютерное программирование, консультационные и другие сопутствующие услуги. Причем негосударственные субъекты малого предпринимательства с указанными видами деятельности (кроме резидентов Парка высоких технологий и научно-технологических парков) не входят в совокупность респондентов отчетности по форме 1-нт (инновация).

Таким образом, с точки зрения улучшения информационного обеспечения реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики целесообразным выглядит включение в состав респондентов отчетности по формам 1-нт (наука) и 1-нт (инновация) всех предприятий и организаций, которые выполняют научные исследования и разработки и внедряют инновации. При этом в целях упрощения заполнения отчетности по указанным формам и повышения качества первичных статистических данных следует продолжить совершенствование методических и методологических материалов по статистике науки и инноваций с учетом положений актуальных редакций Руководства Фраскати «Рекомендации по сбору и представлению данных о научных исследованиях и экспериментальных разработках»¹, Руководства Осло «Рекомендации по сбору, представлению и использованию данных об инновациях»² и иных документов³.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время международные организации и государственные органы Беларуси разработали классификации видов экономической деятельности по интенсивности научных исследований и разработок (R&D intensity) и по технологической интенсивности (technological intensity), классификации товаров по технологической интенсивности и классификации высоких технологий, что позволяет сформировать более глубокое представление об объекте инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики.

¹ OECD Frascati Manual 2015. Guidelines for collecting and reporting data on research and experimental development // The measurement of scientific, technological and innovation activities. Paris : OECD Publishing, 2015. 398 p.

² OECD // Eurostat Oslo Manual 2018. Guidelines for collecting, reporting and using data on innovation / The measurement of scientific, technological and innovation activities. 4th ed. Paris and Luxembourg : OECD Publishing and Eurostat, 2018. 254 p.

³ Ker, D. Frascati Manual R&D and the System of National Accounts [Electronic resource] / D. Ker, F. Galindo-Rueda // OECD Science, Technology and Industry Working Papers (2017/06) / OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/frascati-manual-r-d-and-the-system-of-national-accounts_edb6e020-en (date of application: 05.05.2023) ; Galindo-Rueda, F. Implementing the OECD Frascati Manual: Proposed reference items for business R&D surveys [Electronic resource] / F. Galindo-Rueda, V. López-Bassols // OECD Science, Technology and Industry Working Papers (2022/03) / Ibidem. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/implementing-the-oecd-frascati-manual_d686818d-en. (date of application: 05.05.2023).

1. Классификация видов экономической деятельности по интенсивности научных исследований и разработок. Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) разработала Классификацию видов экономической деятельности по интенсивности научных исследований и разработок на основе данных по 29 странам за 2011 г. с использованием трехзначных кодов Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности, разработанной ООН (ISIC Rev. 4)^{1,2}. Показатель интенсивности научных исследований и разработок представляет собой отношение затрат на научные исследования и разработки к валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) или к валовому выпуску товаров и услуг. В перечень указанных 29 стран входят Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Япония, Южная Корея, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Великобритания, Соединенные Штаты Америки (далее – США), Сингапур и Тайвань (Китай).

В рамках классификации ОЭСР выделены следующие группы по уровню интенсивности научных исследований и разработок в виде отношения затрат на научные исследования и разработки к ВДС по методологии Системы национальных счетов 1993 г. (далее – СНС 1993):

1) виды экономической деятельности *с высокой интенсивностью* научных исследований и разработок (High R&D intensity industries) – диапазон показателя интенсивности научных исследований и разработок составил 24,05–31,69 %;

2) виды экономической деятельности *с интенсивностью научных исследований и разработок выше среднего уровня* (Medium-high R&D intensity industries) – 5,72–18,87 %;

3) виды экономической деятельности *со средней интенсивностью* научных исследований и разработок (Medium R&D intensity industries) – 1,93–3,58 %;

4) виды экономической деятельности *с интенсивностью научных исследований и разработок ниже среднего уровня* (Medium-low R&D intensity industries) – 0,57–1,76 %;

5) виды экономической деятельности *с низкой интенсивностью* научных исследований и разработок (Low R&D intensity industries) – 0,01–0,38 %.

К видам экономической деятельности *с высокой интенсивностью* научных исследований и разработок относятся производство летательных аппаратов и оборудования для них (код Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» (далее – ОКЭД) – 303) – отношение затрат на научные исследования и разработки к ВДС

¹ Galindo-Rueda, F. OECD Taxonomy of economic activities based on R&D intensity [Electronic resource] / F. Galindo-Rueda, F. Verger // OECD Science, Technology and Industry Working Papers (2016/04) / OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-taxonomy-of-economic-activities-based-on-r-d-intensity_5jlv73sqqp8r-en (date of application: 06.05.2023).

² International standard industrial classification of all economic activities (ISIC Rev. 4). New York: United Nations, 2008. 291 p.

по СНС 1993 составило 31,69 %; научные исследования и разработки (72) – 30,39; издание программного обеспечения (582) – 28,94; производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов (21) – 27,98; производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (26) – 24,05 %¹.

К видам экономической деятельности с интенсивностью научных исследований и разработок выше среднего уровня относятся производство оружия и боеприпасов (254) – 18,87 %; производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (29) – 15,36; производство медицинских и стоматологических инструментов и принадлежностей (325) – 9,29; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (28), – 7,89; производство химических продуктов (20) – 6,52; производство электрооборудования (27) – 6,22; компьютерное программирование, консультационные и другие сопутствующие услуги, а также деятельность в области информационного обслуживания (62, 63) – 5,92; производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава; производство военных боевых автомобилей; производство прочих транспортных средств и оборудования (302, 304, 309) – 5,72 %.

Вместе с тем необходимо отметить, что в целях разработки более детальных классификаций видов экономической деятельности по интенсивности научных исследований и разработок в Беларуси и других странах целесообразным выглядит расчет показателей интенсивности научных исследований и разработок в разрезе видов экономической деятельности с использованием 3-го, 4-го и 5-го уровней кодов ОКЭД и 3-го и 4-го уровней кодов международных классификаторов видов экономической деятельности.

2. Классификации видов экономической деятельности по технологической интенсивности. Евростат разработал классификации видов экономической деятельности по технологической интенсивности с использованием двузначных и трехзначных кодов Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе, разработанной Евростатом (далее – NACE Rev. 2.1) в рамках секторального подхода (sectoral approach) ОЭСР².

¹ Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» (ОКЭД). Минск : Госстандарт, 2011. 355 с.

² High-tech aggregation by NACE Rev. 2 [Electronic resource] / Eurostat indicators on High-tech industry and Knowledge-intensive services // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an3.pdf (date of application: 06.06.2023) ; High-tech classification of manufacturing industries based on NACE Rev. 2 (3-digit level) [Electronic resource] // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:High-tech_classification_of_manufacturing_industries (date of application: 06.06.2023) ; Hatzichronoglou, T. Revision of the High-technology Sector and Product Classification [Electronic resource] / T. Hatzichronoglou // OECD Science, Technology and Industry Working Papers (1997/02) / OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/revision-of-the-high-technology-sector-and-product-classification_134337307632 (date of application: 07.02.2023) ; Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE Rev. 2.1). Eurostat. URL: <https://op.europa.eu/en/web/eu-vocabularies/eurostat> (date of application: 17.05.2023).

Так, согласно Классификации технологичных видов экономической деятельности в сфере производства товаров по технологической интенсивности с использованием т р е х з н а ч н ы х кодов NACE Rev. 2.1, разработанной Евростатом, к *высокотехнологичным видам экономической деятельности в сфере производства товаров* (High-technology manufacturing industries) относятся производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов (код ОКЭД – 21); производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (26); производство летательных аппаратов, оборудования для них (303).

К *среднетехнологичным (высокого уровня) видам экономической деятельности в сфере производства товаров* (Medium-high-technology manufacturing industries) относятся производство химических продуктов (20); производство оружия и боеприпасов (254); производство электрооборудования (27); производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (28); производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (29); производство прочих транспортных средств и оборудования (30, без 301 и 303); производство медицинских и стоматологических инструментов и принадлежностей (325).

При этом согласно Классификации технологичных и наукоемких видов экономической деятельности по технологической интенсивности с использованием д в у з н а ч н ы х кодов NACE Rev. 2.1, разработанной Евростатом, к *высокотехнологичным наукоемким услугам* (High-tech knowledge-intensive services) относятся научные исследования и разработки (код ОКЭД – 72); компьютерное программирование, консультационные и другие сопутствующие услуги (62); деятельность в области информационного обслуживания (63); деятельность в области телекоммуникаций (61); производство кино-, видеофильмов и телевизионных программ, деятельность в сфере звукозаписи и издания музыкальных произведений (59); деятельность по созданию программ, радио- и телевидение (60).

3. Классификации товаров по технологической интенсивности. Кроме того, важным источником детализированной информации о научно-технологической и инновационной деятельности предприятий и организаций являются статистические данные о производстве и экспорте товаров в соответствии с классификацией товаров по технологической интенсивности в рамках продуктового подхода (product approach).

ГКНТ разработал Методику по оценке уровня технологичности и наукоемкости экспорта товаров и услуг от 18 апреля 2022 г.¹. В рамках методики представлена *Классификация товаров по уровню технологичности* с использованием кодов Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности

¹ Методика по оценке уровня технологичности и наукоёмкости экспорта товаров и услуг от 18 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // ГКНТ. URL: https://gknt.gov.by/upload/pdf/2022/Методика_2022.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

Евразийского экономического союза в редакции от 2022 г.¹ (далее – ТН ВЭД ЕАЭС 2022), разработанная на основе Классификации уровней технологичности товаров по версии Организации по промышленному развитию ООН (ЮНИДО); Международной стандартной торговой классификации ООН в третьей редакции (Standard international trade classification Revision 3, далее – SITC Rev. 3)²; Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации в редакциях от 2012 и 2017 г. (Harmonized commodity description and coding system, HS 2012 и HS 2017)³; Статистической классификации продукции по видам экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе в редакции от 2008 г. (Statistical classification of products by activity in the European Community, CPA 2008)⁴; Классификации технологичных видов экономической деятельности в сфере производства товаров по технологической интенсивности с использованием трехзначных кодов NACE Rev. 2.1⁵, разработанной Евростатом.

Разработанная ГКНТ Классификация товаров по уровню технологичности с использованием кодов ТН ВЭД ЕАЭС 2022 включает следующие группы товаров: 1) высокотехнологичные товары; 2) среднетехнологичные (высокого уровня) товары; 3) среднетехнологичные (низкого уровня) товары.

В свою очередь, Евростат в рамках продуктового подхода ОЭСР формирует статистические данные о внешней торговле товарами с высоким уровнем технологической интенсивности только на основе высокотехнологичных товаров (high-tech products) с использованием трехзначных, четырехзначных и пятизначных кодов Международной стандартной торговой классификации ООН в четвертой редакции (SITC Rev. 4)⁶. Следует пояснить, что в методике ГКНТ Классификация товаров по уровню технологичности в разрезе кодов ТН ВЭД ЕАЭС 2022 разработана на основе трехзначных кодов SITC Rev. 3.

¹ Единая ТН ВЭД ЕАЭС и Единый таможенный тариф ЕАЭС (в ред. от 7 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/catr/ett/> (дата обращения: 13.06.2023).

² Standard international trade classification (SITC Rev. 3) [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://unstats.un.org/unsd/classifications/Family/Detail/14> (date of application: 07.04.2023).

³ Classifications on economic statistics [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ> (date of application: 07.06.2023).

⁴ Instruments and tools [Electronic resource] // World Customs Organization. URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools.aspx> (date of application: 07.02.2023).

⁵ Statistical classification of products by activity in the European Community (CPA 2008) [Electronic resource] / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/ramon/nomenclatures/index.cfm?TargetUrl=LST_CLS_DLD&StrNom=CPA_2008 (date of application: 08.05.2023).

⁶ Eurostat Glossary: High-tech (High-technology) [Electronic resource] // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:High-tech> (date of application: 09.06.2023); Eurostat High-tech aggregation by SITC Rev. 4 [Electronic resource] / Eurostat indicators on High-tech industry and Knowledge-intensive services // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an5.pdf (date of application: 09.06.2023); Standard international trade classification (SITC Rev. 4) [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/sitcrev4.htm> (date of application: 09.06.2023).

Как показывает анализ, отдельные высокотехнологичные товары по методике Евростата в рамках методики ГКНТ относятся к среднетехнологичным, низкотехнологичным и сырьевым товарам. При этом отдельные высокотехнологичные товары по методике ГКНТ не относятся к высокотехнологичным товарам по методике Евростата. С учетом этих обстоятельств целесообразным выглядит дальнейшее совершенствование указанных методик ГКНТ и Евростата, что будет способствовать улучшению информационного обеспечения и повышению эффективности реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики.

4. Классификации высоких технологий. Наконец, в рамках патентного подхода (patent approach) *высокие технологии (high technology)* классифицируются с использованием кодов Международной патентной классификации (International Patent Classification, далее – IPC)¹, Совместной патентной классификации Европейского патентного ведомства и Ведомства по патентам и товарным знакам США (Cooperative Patent Classification, далее – CPC)² и ключевых слов. Так, Евростат на основе подхода, изложенного в трехстороннем статистическом докладе Европейского патентного ведомства, Патентного ведомства Японии и Ведомства по патентам и товарным знакам США³, классифицирует патенты в области высоких технологий (high-tech patents) в разрезе технических областей⁴, таких как компьютерное и автоматизированное оборудование для бизнеса; генетическая инженерия (включая генетическую инженерию микроорганизмов); авиация; коммуникационные технологии; полупроводники; лазеры. Отдельно Евростат выделяет группу патентов в области биотехнологий (biotechnology patents).

В свою очередь, ГКНТ классифицирует технологии в разрезе V и VI технологических укладов с использованием кодов IPC⁵. В частности, к технологиям VI технологического уклада относятся нанотехнологии, технологии искусственного интеллекта, генно-инженерные и клеточные технологии и аддитивные технологии.

Европейское патентное ведомство (далее – ЕПВ) с использованием кодов CPC классифицирует высокие технологии в разрезе технологий четвертой про-

¹ International Patent Classification (IPC) [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/classifications/ipc/en/> (date of application: 11.06.2023).

² Cooperative Patent Classification (CPC) [Electronic resource] // European Patent Office and US Patent and Trademark Office. – URL: <https://www.cooperativepatentclassification.org> (date of application: 11.06.2023).

³ Trilateral Statistical Report 2007 Edition. Munich : European Patent Office, Japan Patent Office and United States Patent and Trademark Office, 2008. 69 p.

⁴ Eurostat High-tech aggregations by patents [Electronic resource] // Eurostat indicators on High-tech industry and Knowledge-intensive services / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an6.pdf (date of application: 11.06.2023).

⁵ Методические рекомендации по отнесению технологий к V и VI технологическим укладам, утвержденные приказом ГКНТ, 6 июня 2017 г., № 166 [Электронный ресурс] // ГКНТ. URL: https://www.gknt.gov.by/upload/iblock/Prikaz_-166.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

мышленной революции (Fourth Industrial Revolution), которые также обозначают термином «технологии Индустрии 4.0» (Industry 4.0 technologies)¹. В частности, при классификации технологий Индустрии 4.0 ЕПВ использует следующие критерии: 1) базовые технологии: аппаратное обеспечение информационных технологий, программное обеспечение и обеспечение связи; 2) вспомогательные технологии: управление данными, пользовательские интерфейсы, основной искусственный интеллект, геопозиционирование, энергоснабжение, безопасность данных, безопасность физических объектов и системы с поддержкой трехмерных (3D) объектов; 3) области применения технологий: потребительские товары, домашняя среда, транспортные средства, сервисы, промышленное производство, инфраструктура, здравоохранение и сельское хозяйство.

Наконец, Всемирная организация интеллектуальной собственности с использованием кодов CPC, IPC и ключевых слов классифицирует технологии искусственного интеллекта на основе таких критериев, как 1) методы искусственного интеллекта; 2) функциональное применение искусственного интеллекта; 3) области применения технологий искусственного интеллекта².

Заключение

Таким образом, исходя из результатов исследования *основные задачи* инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики с учетом особенностей ее объекта можно сформулировать следующим образом: 1) развитие видов экономической деятельности с высокой интенсивностью научных исследований и разработок и с интенсивностью научных исследований и разработок выше среднего уровня; 2) повышение интенсивности научных исследований и разработок в различных видах экономической деятельности; 3) развитие высокотехнологичных наукоемких услуг и высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) видов экономической деятельности в сфере производства товаров; 4) повышение технологической интенсивности в различных видах экономической деятельности; 5) расширение номенклатуры и увеличение объемов производства и экспорта высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) товаров; 6) развитие и внедрение технологий V и VI технологических укладов; 7) развитие и внедрение технологий Индустрии 4.0; 8) стимулирование инновационной деятельности и цифровизации предприятий и организаций.

Основные характеристики инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики можно сформулировать следующим образом: предмет – специальный инструментарий

¹ Methodology for identifying 4IR technologies in patent data / Y. Ménière [et al.]. Munich : European Patent Office, 2020. 27 p.

² Patentscope Artificial Intelligence Index [Electronic resource] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/tech_trends/en/artificial_intelligence/patentscope.html (date of application: 15.06.2023).

(совокупность мер, инструментов, механизмов в сфере инвестиций); субъект – резиденты и нерезиденты, использующие специальный инструментарий: физические лица, юридические лица, государства, международные организации; объект – инвестиции в легальных видах научной, научно-технической и инновационной деятельности; суть действия – целенаправленное использование специального инструментария; цели – увеличение объемов инвестирования капитала и повышение эффективности инвестиций в легальных видах научной, научно-технической и инновационной деятельности, обеспечение согласованности целей, задач и направлений инвестиционной деятельности с целями, задачами и направлениями устойчивого научно-технологического и инновационного развития, определенными в международных и национальных стратегических и программных документах.

В конечном счете, определение категории «инвестиционная политика в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики» можно сформулировать в следующем виде: *инвестиционная политика в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития экономики* – это использование специального инструментария в сфере инвестиций в целях увеличения объемов инвестирования капитала и повышения эффективности инвестиций в легальных видах научно-технологической и инновационной деятельности и обеспечения согласованности целей, задач и направлений инвестиционной деятельности с целями, задачами и направлениями устойчивого научно-технологического и инновационного развития.

Список использованных источников

1. Муха, Д. В. Инвестиционная политика в интересах устойчивого развития национальной экономики: теоретические и методологические аспекты формирования и реализации / Д. В. Муха // Банковский вестник. – 2022. – № 5 (706). – С. 52–62.
2. Зайцева, Е. В. Теоретические аспекты и международный опыт реализации инвестиционной политики в целях устойчивого развития / Е. В. Зайцева // Банковский вестник. – 2019. – № 6 (673). – С. 48–56.
3. Муха Д. В. Эффективность реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого развития / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 9–18. doi:10.47612/2789-5122-2023-6-9-18.
4. Shima, Y. The policy landscape for international investment by government-controlled investors / Y. Shima // OECD working papers on international investment. – 2015. – 26 p.
5. Мировой опыт стимулирования инновационного развития экономики: механизмы, инструменты, перспективы адаптации для Республики Беларусь / Д. В. Муха [и др.] ; под науч. ред. Д. В. Мухи ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 381 с. – (Белорусская экономическая школа).

Поступила 17.07.2023

SPECIFIC FEATURES OF THE INVESTMENT POLICY OBJECT
FOR SUSTAINABLE SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL
AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

D. V. Mukha

mukha@economics.basnet.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Director of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article reveals the specific features of the investment policy object for sustainable scientific, technological and innovative development of the economy on the basis of analysis of classifications of economic activities by R&D intensity and by technological intensity, classifications of goods by technological intensity, classifications of high technologies and other sources. The main objectives, characteristics and definition of investment policy for sustainable scientific, technological and innovative development of the economy are formulated.

Keywords: investment, investment policy, scientific and technological development, innovations, high technologies.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-51-72>

УДК 338.45+330.341

JEL L6, L52, O14, Q01

ОЦЕНКА ВКЛАДА ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. В. Преснякова

investment@economics.basnet.by

кандидат экономических наук, доцент

руководитель Центра инновационной и инвестиционной политики

Института экономики Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье раскрыта взаимосвязь между индустриализацией и общим прогрессом в достижении целей устойчивого развития. Разработана методика оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны. Предложена авторская система показателей в разрезе 11 целей и 24 задач устойчивого развития. На основе данных за 2011–2021 г. рассчитаны интегральные показатели по каждой задаче и цели устойчивого развития, а также комплексный показатель оценки вклада промышленности в устойчивое развитие Республики Беларусь. Определены факторы, оказавшие позитивное и негативное влияние на изменение комплексного показателя оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, индустриализация, инклюзивный рост, устойчивое развитие, цели устойчивого развития.

Для цитирования: Преснякова, Е. В. Оценка вклада промышленности в устойчивое развитие Республики Беларусь / Е. В. Преснякова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 51–72. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-51-72>

Введение

Инклюзивное и устойчивое промышленное развитие является основным источником получения доходов, обеспечивает быстрое и устойчивое повышение уровня жизни населения и технологические решения для экологически безопасной индустриализации. «Инклюзивный» в этом контексте означает, что «промышленное развитие должно охватывать все страны и все народы, а также частный сектор, организации гражданского общества, многонациональные институты развития и предоставлять равные возможности и справедливое распределение выгод индустриализации всем заинтересованным сторонам. Термин «устойчивый» отражает необходимость отделения процветания, получаемого в результате промышленной деятельности, от чрезмерного использования природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду» [1].

В соответствии с Лимской декларацией «На пути к инклюзивному и устойчивому промышленному развитию», принятой на XV Генеральной конференции ЮНИДО, состоявшейся 2–7 декабря 2013 г. в г. Лима, Перу, признается, что «искоренение нищеты в мире остается главным императивом. Этого мож-

но добиться только путем обеспечения сильного, всеохватного, устойчивого экономического и промышленного роста»¹. «Инклюзивная и устойчивая индустриализация является основным источником получения доходов и позволяет быстро и устойчиво повышать уровень жизни. Промышленный сектор имеет прочные связи с другими секторами экономики и служит интегратором также между сельским хозяйством и сектором услуг»².

По мнению Н. Калдора, индустриализация необходима, поскольку «производство является двигателем экономического роста» [2]. В историческом аспекте быстрый промышленный рост сыграл решающую роль в создании рабочих мест, что привело к поглощению избыточной рабочей силы из сельского хозяйства и других традиционных секторов в промышленном секторе с более высокой заработной платой. Аналогичным образом «промышленное развитие позволило получить необходимые ресурсы, которые могут сократить масштабы нищеты и улучшить условия жизни общества»³.

Согласно позиции ЮНИДО, инклюзивное и устойчивое промышленное развитие усиливает экономический рост и диверсификацию социально инклюзивным и экологически безопасным способом, руководствуясь четырьмя всеобъемлющими принципами: *создание общего процветания, повышение экономической конкурентоспособности, охрана окружающей среды, укрепление знаний и институтов*².

Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. включает 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), представляющих глобальные цели, которыми страны будут руководствоваться при формировании своих национальных планов развития на следующие 15 лет. Инклюзивное и устойчивое промышленное развитие реализуется путем достижения ЦУР 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям»⁴.

Взаимосвязь между индустриализацией и общим прогрессом в достижении ЦУР, как показано в табл. 1, требует дальнейшего изучения взаимосвязности между индустриализацией и отдельными целями и задачами.

Успешный процесс развития требует поддержания высоких темпов роста в течение длительного периода времени. По оценкам А. Ширмаи и Л. Притчетта,

¹ LIMA DECLARATION. Towards inclusive and sustainable industrial development [Electronic resource] // UNIDO. Lima, 2014. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2014-02/Lima_Declaration_0.pdf. (date of application: 21.06.2023).

² Inclusive and Sustainable Industrial Development [Electronic resource] // UNIDO. Vienna. URL: <https://www.unido.org/inclusive-and-sustainable-industrial-development> (date of application: 21.06.2023).

³ Statistical indicators of inclusive and sustainable industrialization. Biennial Progress Report 2019 [Electronic resource]. UNIDO. Vienna, 2019. 62 p. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-07/SDG_report_final.pdf (date of application: 27.06.2023).

⁴ A/RES/71/313: Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // UN. URL: https://ggim.un.org/documents/A_RES_71_313.pdf (date of application: 28.06.2023).

Таблица 1. Индустриализация (ЦУР 9) и ее влияние на социально-экономические и экологические ЦУР

Влияние ЦУР 9 на иные ЦУР	Эффекты влияния
<i>Социально-экономические ЦУР</i>	
ЦУР 9 → ЦУР 1 Сокращение масштабов нищеты	Повышение заработной платы в производственном секторе и новые возможности (официального) трудоустройства способствуют ликвидации нищеты
ЦУР 9 → ЦУР 2 Ликвидация голода	Повышение производительности труда в сельском хозяйстве посредством применения промышленных инноваций (например, новое оборудование, удобрения) способствует продовольственной безопасности. Промышленность осуществляет переработку и производство пищевых продуктов питания и напитков из сельскохозяйственного сырья
ЦУР 9 → ЦУР 3 Здоровье и благополучие	Улучшение здоровья и благосостояния людей в результате технического прогресса в промышленности (например, новые вакцины и лекарственные средства)
ЦУР 9 → ЦУР 4 Качественное образование	Повышенный спрос на квалифицированных специалистов в промышленности приводит к увеличению числа дисциплин и улучшению качества обучения
ЦУР 9 → ЦУР 5 Гендерное равенство	Повышение ставок оплаты на официальных рабочих местах способствует улучшению условий работы женщин
ЦУР 9 → ЦУР 8 Экономический рост	Создание высокопроизводительных рабочих мест способствует росту добавленной стоимости предприятия
ЦУР 9 → ЦУР 10 Сокращение неравенства	Индустриализация способствует движению рабочей силы и поддерживает формирование среднего класса
<i>Экологические ЦУР</i>	
ЦУР 9 → ЦУР 6 Чистая вода и санитария	Промышленные организации осуществляют водоснабжение, сбор, обработку и удаление отходов. От деятельности промышленных предприятий по образованию, удалению и сбросу воды в поверхностные источники зависит состояние окружающей среды
ЦУР 9 → ЦУР 7 Доступная и чистая энергия	Эффект масштаба и новые технологии производства повышают ресурсо- и энергоэффективность

Окончание табл. 1

Влияние ЦУР 9 на иные ЦУР	Эффекты влияния
ЦУР 9 → ЦУР 11 Устойчивые города и коммуникации	Промышленные кластеры стимулируют инновации и эффективное использование ресурсов и в то же время способствуют взаимодействию между местным бизнесом и глобальными рынками
ЦУР 9 → ЦУР 12 Ответственное потребление и производство	Принципы экологически устойчивого производства и безотходной экономики содействуют ответственному производству и потреблению
ЦУР 9 → ЦУР 13 Меры по изменению климата	Внедрение ресурсоэффективных технологий и решений на основе устойчивой энергетики способствует снижению выбросов парниковых газов
ЦУР 9 → ЦУР 14 Жизнь под водой ЦУР 9 → ЦУР 15 Жизнь на земле	Экологически устойчивые промышленные технологии способствуют устойчивому управлению водными и земельными ресурсами и снижению объема отходов

П р и м е ч а н и е. Таблица составлена на основе [1].

¹ Industrialization as the Driver of Sustained Prosperity [Electronic resource] // UNIDO. Vienna, 2021. 192 p. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-04/UNIDO_Industrialization_Book_web4.pdf (date of application: 05.07.2023) ; Industrial Development Report 2022. The Future of Industrialization in a Post-pandemic World [Electronic resource] // UNIDO. Vienna, 2022. 220 p. URL: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2021-11/IDR%202022%20-%20EBOOK.pdf> (date of application: 10.07.2023).

«на протяжении по крайней мере двух десятилетий для достижения устойчивой траектории догоняющего роста необходимо, чтобы средние темпы роста ВВП составляли 5 или более процентов в год» [3] «с возможно более низкой волатильностью роста» [4]. Рост доли обрабатывающей промышленности в ВВП положительно связан с экономическим ростом. Эта «положительная связь с ростом ВВП гораздо сильнее для обрабатывающей промышленности, чем для сферы услуг, что свидетельствует о необходимости обеспечения промышленного развития»⁵.

Результаты и их обсуждение

Система показателей оценки вклада промышленности в достижение целей и выполнение задач устойчивого развития. Резолюцией «Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 6 июля 2017 г., утверждается, что «цели и задачи в области устойчивого развития являются комплексными и неделимыми и уравнивают три аспекта устойчивого развития: экономический, социальный и экологический»¹. 17 целей устойчивого развития (ЦУР) включают 169 целевых показателей, характеризующих степень их достижения². Для ЦУР 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 17 и соответствующих им задач разработаны показатели, определяющие влияние промышленности на их достижение (представлены ниже). Полное наименование задач ЦУР возможно получить на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь «Цели устойчивого развития»³.

Методология расчета показателей оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны. Для оценки вклада промышленности в устойчивое развитие Республики Беларусь, с учетом наличия всего объема необходимых данных в статистических изданиях, выбран период с 2011 по 2021 г.

Для обеспечения сопоставимости разнородных показателей выбран способ минимакс:

$$x_{norm} = \frac{x_i - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}. \quad (1)$$

Расчет интегрального показателя оценки вклада промышленности в выполнение конкретной задачи устойчивого развития страны

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] / ООН. 2015. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

² Цели устойчивого развития [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций в Беларуси. URL: <https://belarus.un.org/ru/sdgs> (дата обращения: 14.07.2023) ; Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.by/targets> (дата обращения: 14.07.2023).

³ Национальный перечень показателей Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas_SDG (дата обращения: 14.07.2023).

$$K_{target} = \frac{\sum_{i=1}^m x_{norm_i}}{m}, \quad (2)$$

где m – количество показателей, используемых в расчете для каждой задачи.

Интегральный показатель оценки вклада промышленности в выполнение конкретной цели по достижению устойчивого развития страны

$$K_{goal} = \frac{\sum_{i=1}^p K_{target_i}}{p}, \quad (3)$$

где p – количество задач, для которых производятся расчеты применительно к каждой цели устойчивого развития.

Комплексный показатель оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны рассчитывается как среднеарифметическое суммы интегральных показателей оценки вклада промышленности в выполнение конкретных задач устойчивого развития страны:

$$K_{SDG} = \frac{\sum_{i=1}^n K_{target_i}}{n}, \quad (4)$$

где n – количество задач, для которых производятся расчеты в целом по достижению устойчивого развития.

Выбор данного подхода обусловлен тем, что для достижения отдельных ЦУР в расчетах используются данные по выполнению различного количества задач организациями промышленности. В частности, для ЦУР 2 это значение составляет 2, для ЦУР 8 – 5, для ЦУР 9 – 6.

Нормализованные данные по каждой компоненте, интегральные показатели, а также комплексный показатель оценки рассчитаны на основе данных официальной статистической отчетности¹.

Оценка вклада промышленности в устойчивое развитие страны в разрезе целей и задач.

Ц е л ь 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства. Обеспечению продовольственной безопасности и улучшению питания будет содействовать развитие промышленности, производящей продукты питания и напитки (табл. 2).

Показатели характеризуют объем производства и динамику роста объема производства продуктов питания, напитков и табачных изделий, переработку продукции сельскохозяйственного производства и улучшение питания. Индекс

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 14.07.2023).

Таблица 2. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 2

Задача	Показатель
2.а.	2.а.1 Объем промышленного производства продуктов питания, напитков и табачных изделий, в расчете на душу населения (в сопоставимых ценах 2010 г.), тыс. руб/чел. 2.а.2 Темп роста объема промышленного производства продуктов питания, напитков и табачных изделий, % к предыдущему году
2.с	2.с.1 Индекс цен производителей промышленной продукции

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

цен производителей промышленной продукции определяет ценовую стабильность и предсказуемость на рынках продовольственных товаров и продукции их переработки.¹

Исходные и итоговые данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 2 в Республике Беларусь представлены в табл. 3. Нормализованные данные как промежуточные расчеты не приводятся.

Таблица 3. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 2

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 2.а											
2.а.1	3859,9	4040,7	4123,1	4060,7	4005,6	4110,7	4259,8	4429,5	4531,3	4668,1	4821,1
2.а.2	108,7	104,5	102	98,5	98,8	102,5	103,5	103,7	102,1	102,7	101,9
Задача 2.с											
2.с.1 (–)	170,3	174,2	113,7	112,4	117,2	108,9	111,2	106,4	104,4	108	114,3
<i>Интегральные показатели</i>											
$K2a_{target}$	0,50	0,39	0,31	0,10	0,09	0,33	0,45	0,55	0,53	0,63	0,67
$K2c_{target}$	0,06	0,00	0,87	0,89	0,82	0,94	0,90	0,97	1,00	0,95	0,86
$K2_{goal}$	0,28	0,19	0,59	0,49	0,45	0,63	0,68	0,76	0,76	0,79	0,76

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Интегральный показатель оценки вклада промышленности в 2021 г. в выполнение задачи 2.а составил 0,67, задачи 2.с – 0,86, в общем ЦУР 2 – 0,76.

Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. Улучшению здоровья во время различных заболеваний способствует прием фармацевтических препаратов, производимых соответствующими предприятиями (табл. 4).

Коэффициенты для оценки вклада промышленности, производящей основные фармацевтические продукты и фармацевтические препараты, в достижение ЦУР 3 рассчитаем в табл. 5.

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Таблица 4. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 3

Задача	Показатель
3.4	3.4.1 Объем промышленного производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов в расчете на душу населения (в сопоставимых ценах 2010 г.), тыс. руб/чел. 3.4.2 Темп роста объема промышленного производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов, % к предыдущему году

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Таблица 5. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 3

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
<i>Задача 3.4</i>											
3.4.1	124,4	135,1	152,9	156,0	215,3	224,9	258,7	282,5	286,7	316,7	352,5
3.4.2	118,6	108,6	113,1	102	138,5	104,4	110,1	108,9	101,3	110,1	109,8
<i>Интегральные показатели</i>											
$K3.4_{target}$	0,23	0,12	0,22	0,08	0,70	0,26	0,41	0,45	0,36	0,54	0,61
$K3_{goal}$	0,23	0,12	0,22	0,08	0,70	0,26	0,41	0,45	0,36	0,54	0,61

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Интегральный показатель оценки вклада промышленности в 2021 г. в выполнение задачи 3.4 составил 0,61, что равно также и для ЦУР 3.

Ц е л ь 4. Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и содействовать созданию возможностей для обучения на протяжении всей жизни. Для начального, среднего и высшего образования необходимо обеспечить наличие соответствующей учебной и справочной литературы. Показатели в табл. 6 определяют возможность обеспечивать учащихся учебными пособиями и справочными материалами при получении начального, среднего и высшего образования.

Таблица 6. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 4

Задача	Показатель
4.7	4.7.1 Объем промышленного производства изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации в расчете на душу населения (в сопоставимых ценах 2010 г.) 4.7.2 Темп роста объема промышленного производства изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации, % к предыдущему году

Примечание. Таблица составлена на основе ³.

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

³ Цели устойчивого развития в Беларуси.

Вклад промышленности, производящей изделия из дерева и бумаги, а также осуществляющей полиграфическую деятельность, в обеспечение качественно-го образования отражен в табл. 7.

Таблица 7. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 4

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
<i>Задача 4.7</i>											
4.7.1	983,7	1604,6	1901,8	2110,4	2535,9	333,5	411,2	542,0	595,3	668,9	1080,8
4.7.2	108,6	98,8	101,3	104,3	92,9	110,2	114,1	113,8	104,8	114,7	112,2
<i>Интегральные показатели</i>											
<i>K4.7_{target}</i>	0,51	0,42	0,55	0,66	0,50	0,40	0,50	0,53	0,33	0,58	0,61
<i>K4_{goal}</i>	0,51	0,42	0,55	0,66	0,50	0,40	0,50	0,53	0,33	0,58	0,61

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Интегральный показатель оценки вклада промышленности в 2021 г. в выполнение задачи 4.7 и ЦУР 4 оказался на уровне 0,61.

Цель 5. Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Достижению гендерного равенства в промышленности будет способствовать сбалансированное значение доли работающих женщин в общей численности работников промышленности. Показатель указывает на результативность работы по созданию условий для работы женщин в промышленности (табл. 8, 9).

Таблица 8. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 5

Задача	Показатель
5.5	5.5.1 Доля работающих женщин в общей численности работников промышленности, %

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Таблица 9. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 5

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
<i>Задача 5.5</i>											
5.5.1	39,7	39,7	39,5	39,3	41,2	38,2	38,3	37,1	37,5	36,2	36,7
<i>Интегральные показатели</i>											
<i>K5.5_{target}</i>	0,70	0,70	0,66	0,62	1,00	0,40	0,42	0,18	0,26	0,00	0,10

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

² Цели устойчивого развития в Беларуси.

Окончание табл. 9

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
K^5_{goal}	0,70	0,70	0,66	0,62	1,00	0,40	0,42	0,18	0,26	0,00	0,10

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

В 2021 г. интегральный показатель оценки вклада промышленности в выполнение задачи 5.5 и ЦУР 5 достиг 0,10 против 0,70 в 2011 г.

Ц е л ь 6. Обеспечить доступность и устойчивое управление водоснабжением и санитарией для всех. На обеспечение доступности и устойчивого управления водоснабжением и санитарией влиял результат работы организаций, осуществляющих водоснабжение, сбор, обработку и удаление отходов, а также деятельность промышленных предприятий по образованию, удалению и сбросу воды в поверхностные источники (табл. 10).

Таблица 10. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 6

Задача	Показатель
6.1	6.1.1 Объем промышленного производства водоснабжения; сбора, обработки и удаления отходов, деятельности по ликвидации загрязнений, в сопоставимых ценах 2010 г., в расчете на душу населения 6.1.2 Темп роста объема промышленного производства водоснабжения; сбора, обработки и удаления отходов, деятельности по ликвидации загрязнений, в сопоставимых ценах, % к предыдущему году
6.3	6.3.1 Удельный вес использованных отходов в общем количестве образованных отходов производства химических производств и производств, связанных с ними, % 6.3.2 Сброс воды в поверхностные водные объекты организациями промышленности, млн м ³

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Рост показателей 6.3.1 и 6.3.2 имеет негативное значение, что отражено в соответствующих расчетах (табл. 11).

Таблица 11. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 6

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 6.1											
6.1.1	305,7	313,2	301,5	304,3	276,8	277,2	256,4	257,4	257,7	264,4	267,4
6.1.2	101,6	103,9	99,5	100,6	92,4	92,4	100,1	99,9	102,3	99,8	102,7
Задача 6.3											
6.3.1 (–)	2,8	2,8	2,8	2,8	2,8	4,5	4,6	5,2	3,4	3,0	3,4

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.² Цели устойчивого развития в Беларуси.

Окончание табл. 11

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
6.3.2 (–)	699	712	694	667	651	766	729	736	744	722	869
<i>Интегральные показатели</i>											
<i>K6.1_{target}</i>	0,83	1,00	0,71	0,78	0,18	0,18	0,33	0,34	0,44	0,39	0,10
<i>K6.3_{target}</i>	0,40	0,37	0,41	0,47	0,50	0,59	0,70	0,80	0,41	0,38	0,13
<i>K6_{goal}</i>	0,62	0,68	0,56	0,62	0,34	0,39	0,52	0,57	0,43	0,39	0,11

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Интегральный показатель оценки вклада промышленности в выполнение задачи 6.1 снизился в 2021 г. по сравнению с 2011 г. и составил 0,10 против 0,83, а в выполнение задачи 6.3 – 0,13 против 0,40. Как следствие, интегральный показатель достижения ЦУР 6 сформировался на уровне 0,11 против 0,62.

Цель 7. Обеспечить доступ к доступной, надежной, устойчивой и современной энергии для всех. На обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии влияют доля энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе и показатели энергоэффективности ВВП и обрабатывающей промышленности (табл. 12).

Таблица 12. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 7

Задача	Показатель
7.2	7.2.1 Отношение объема производства (добычи) первичной энергии из возобновляемых источников энергии к объему валового потребления топливно-энергетических ресурсов, % 7.2.2 Доля производства электрической энергии за счет использования возобновляемых источников энергии в общем объеме производства электрической энергии, %
7.3	7.3.1 Энергоемкость ВВП (ВВП в ценах 2005 г.), кг усл. топлива / млн руб. 7.3.2 Энергоемкость производства промышленной продукции обрабатывающей промышленности, кг усл. топлива / млн руб. в ценах 2010 г.

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 7 представим в табл. 13.

Таблица 13. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 7

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
<i>Задача 7.2</i>											
7.2.1	5,4	5,5	5,5	5,2	5,6	5,7	6,2	6,2	7,1	7,1	7,1

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

² Цели устойчивого развития в Беларуси.

Окончание табл. 13

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
7.2.2	0,43	0,56	0,85	0,70	0,90	1,10	2,20	1,80	2,50	3,40	3,20
Задача 7.3											
7.3.1 (-)	384,0	373,3	386,7	387,7	369,9	374,5	376,1	380,2	371,0	365,0	365,0
7.3.2 (-)	58,6	56,05	53,5	52,9	52,6	51,2	48,6	47,9	47,3	41,1	41,1
Интегральные показатели											
K7.2 _{target}	0,05	0,10	0,15	0,05	0,18	0,24	0,56	0,49	0,85	1,00	0,97
K7.3 _{target}	0,08	0,39	0,17	0,16	0,56	0,50	0,54	0,47	0,69	1,00	1,00
K7 _{goal}	0,07	0,25	0,16	0,10	0,37	0,37	0,55	0,48	0,77	1,00	0,98

Пр и м е ч а н и е. Таблица составлена на основе ¹.

В 2021 г. значение интегральных показателей оценки вклада промышленности в выполнение задачи 7.2, 7.3 и ЦУР 7 были очень высоки – 0,97; 1,00; и 0,98 соответственно.

Цель 8. Содействовать устойчивому, инклюзивному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. Экономический рост зависит от динамики объемов промышленного производства, производительности, модернизации основных средств, инновационной деятельности предприятий и их инвестиционной активности. При оценке темпов роста объема промышленного производства и валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности представляется тенденция по обеспечению условий экономического роста в результате функционирования промышленности. Показатели динамики инвестирования в основной капитал, рентабельности, наличия безубыточных производств определяют инвестиционный и финансовый потенциал промышленности и формируют условия для повышения производительности труда. Рост показателя 8.2.5 носит негативный характер, что отражено в соответствующих расчетах. Показатели 8.5.1 и 8.5.2 отражают занятость и оплату труда в промышленности. Рост показателя 8.8.1 имеет негативное значение, что отражено в соответствующих расчетах (табл. 14).

Таблица 14. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 8

Задача	Показатель
8.1	8.1.1 Темп роста объема промышленного производства (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году
	8.1.2 Темп роста валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Окончание табл. 14

Задача	Показатель
8.2	8.2.1 Производительность труда, по обрабатывающей промышленности в расчете по валовой добавленной стоимости, % к предыдущему году 8.2.2 Темп роста инвестиций в основной капитал организаций промышленности, % 8.2.3 Рентабельность продаж в промышленности, % 8.2.4 Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг организаций промышленности, % 8.2.5 Удельный вес убыточных организаций промышленности, %
8.3	8.3.1 Удельный вес объема промышленного производства микроорганизаций, малых и средних организаций в общереспубликанском уровне, %
8.5	8.5.1 Отношение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников к среднереспубликанскому уровню 8.5.2 Удельный вес занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике, %
8.8	8.8.1 Численность потерпевших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом, на 1000 работающих

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Показатели, характеризующие результаты Республики Беларусь на этом пути, отражены в табл. 15.

Таблица 15. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 8

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 8.1											
8.1.1	109,1	105,9	95,1	101,9	93,4	99,6	106,1	105,7	101	99,3	106,5
8.1.2	107,8	105,3	95,1	100,2	93,5	99,8	106,9	105,2	101,3	100,1	105,8
Задача 8.2											
8.2.1	109,4	107,4	97,8	103,8	98,9	104,3	107,5	104,2	101,3	100,9	106,1
8.2.2	160,4	74,9	115	94,1	84,8	82	110,3	103,8	107,1	92,2	89,2
8.2.3	14,2	11,3	7,4	7,6	8,6	8	9,3	8,4	8,2	9,1	10
8.2.4	16,5	14,6	9,3	9,7	11	10,2	12,6	10,3	10,6	13	13,3
8.2.5 (-)	14,5	16,3	17,4	26,8	31,6	23,4	20,3	24,2	18,1	19,1	14,1
Задача 8.3											
8.3.1	15,6	15,6	15,6	16	15,7	17,8	17,8	18,4	18,4	19,8	19,2
Задача 8.5											
8.5.1	109,7	109,8	108,1	104,9	102,2	103,9	105,6	104,2	103	99,5	101,4
8.5.2	25,5	25,6	25,2	24,6	23,7	23,3	23,5	23,7	23,7	23,5	23,6
Задача 8.8											
8.8.1 (-)	0,61	0,55	0,54	0,51	0,43	0,43	0,41	0,5	0,54	0,53	0,54
<i>Интегральные показатели</i>											
<i>K8.I_{target}</i>	1,00	0,81	0,11	0,50	0,00	0,42	0,87	0,80	0,51	0,42	0,85

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси.

Окончание табл. 15

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
$K8.2_{target}$	1,00	0,60	0,26	0,22	0,12	0,27	0,53	0,32	0,35	0,39	0,56
$K8.3_{target}$	0,00	0,00	0,00	0,10	0,02	0,52	0,52	0,67	0,67	1,00	0,86
$K8.5_{target}$	0,97	1,00	0,83	0,53	0,21	0,21	0,34	0,32	0,25	0,04	0,16
$K8.8_{target}$	0,00	0,30	0,35	0,50	0,90	0,90	1,00	0,55	0,35	0,40	0,35
$K8_{goal}$	0,59	0,54	0,31	0,37	0,25	0,46	0,65	0,53	0,43	0,45	0,56

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Интегральные показатели в 2021 г. по выполнению задач: 8.1 – 0,85; 8.2 – 0,56; 8.3 – 0,86; 8.5 – 0,16; 8.8 – 0,35. Итоговый показатель по ЦУР 8 – 0,56.

Цель 9. Создание устойчивой инфраструктуры, содействие инклюзивной и устойчивой индустриализации и стимулирование инноваций. Инклюзивной и устойчивой индустриализации и стимулированию инноваций способствуют: рост валовой добавленной стоимости и занятости в обрабатывающей промышленности, активизация научных исследований, повышение доли средне- и высокотехнологичных производств в структуре промышленности, снижение выбросов загрязняющих веществ (табл. 16, 17).

Таблица 16. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 9

Задача	Показатель
9.2	9.2.1. Валовая добавленная стоимость обрабатывающей промышленности, в процентном отношении к ВВП 9.2.2 Валовая добавленная стоимость обрабатывающей промышленности на душу населения (в постоянных ценах 2010 г.), руб. 9.2.3 Занятость в обрабатывающей промышленности, % от общей занятости
9.3	9.3.1. Доля мелких предприятий в совокупном объеме валовой добавленной стоимости промышленности, % 9.3.2. Доля мелких предприятий, имеющих кредит или кредитную линию, %
9.4	9.4.1. Выбросы CO ₂ на единицу добавленной стоимости, кг/руб.; ВДС в ценах 2015 г., за 2015 г. с учетом ретроспективной деноминации 2016 г. 9.4.2. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников по промышленности, тыс. т
9.5	9.5.1 Расходы на научные исследования и опытно- конструкторские разработки обрабатывающей промышленности в отношении к ВДС, % 9.5.2 Количество исследователей в промышленности в расчете на 1 занятого, человек
9.b	9.b.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости, %
9.c	9.c.1 Удельный вес организаций обрабатывающей промышленности по максимальной скорости передачи данных через сеть Интернет в общем числе организаций, имевших доступ к сети выше 100 Мбит/с, %

Примечание. Таблица составлена на основе ².¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.² Цели устойчивого развития в Беларуси.

Таблица 17. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 9

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 9.2											
9.2.1	26,4	24,8	22	21,1	20,7	20,2	21,6	21,3	21,6	21,5	22,9
9.2.2	4439,8	4714,2	4483,8	4490,7	4193,2	4189,9	4483,9	4731,1	4802,3	4828,3	5177,0
9.2.3	22,4	22,5	22,1	21,3	20,5	19,8	19,9	20,2	20,2	20,1	20,2
Задача 9.3											
9.3.1	1,6	2	2,7	2,6	2,3	2,6	2,4	2,3	2,8	2,8	2,4
9.3.2	18,3	18,3	18,3	25,6	24,1	23,2	29,6	30,2	28,7	35,5	33,4
Задача 9.4											
9.4.1 (–)	0,9	0,9	0,9	0,9	0,74	0,79	0,77	0,76	0,75	0,75	0,73
9.4.2 (–)	266,9	294,4	274,6	268,7	254,6	258,1	250,4	250,1	246,6	262,2	243,6
Задача 9.5											
9.5.1	0,48	0,48	0,46	0,30	0,31	0,35	0,59	0,42	0,42	0,41	0,47
9.5.2	5,70	5,78	5,03	5,17	5,35	6,21	7,00	7,30	7,35	6,43	7,17
Задача 9.b											
9.b.1	44,8	42,2	37,7	35,7	39,6	35,1	38	40,6	40,4	35,8	40,4
Задача 9.c											
9.c.1	0	0	0	0	0	0	0	4,7	10,15	15,6	23,1
<i>Интегральные показатели</i>											
$K_{9.2}^{\text{target}}$	0,74	0,76	0,48	0,34	0,11	0,00	0,19	0,29	0,33	0,32	0,53
$K_{9.3}^{\text{target}}$	0,00	0,17	0,46	0,63	0,46	0,56	0,66	0,64	0,80	1,00	0,77
$K_{9.4}^{\text{target}}$	0,27	0,00	0,19	0,25	0,86	0,68	0,82	0,85	0,91	0,76	1,00
$K_{9.5}^{\text{target}}$	0,45	0,47	0,28	0,03	0,09	0,35	0,93	0,69	0,70	0,49	0,76
$K_{9.b}^{\text{target}}$	1,00	0,73	0,27	0,06	0,46	0,00	0,30	0,57	0,55	0,07	0,55
$K_{9.c}^{\text{target}}$	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,20	0,44	0,68	1,00
K_9^{goal}	0,49	0,42	0,34	0,26	0,40	0,32	0,58	0,65	0,75	0,66	0,92

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

В 2021 г. интегральные показатели составили в разрезе выполнения задач: 9.2 – 0,53; 9.3 – 0,77; 9.4 – 1,00; 9.5 – 0,76; 9.b – 0,55; 9.c – 1,00. Итоговый показатель по ЦУР 9 – 0,92.

Ц е л ь 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними. Сокращению неравенства будет способствовать повышение доли оплаты труда работников промышленности в валовой добавленной стоимости. Объем прямых иностранных инвестиций, поступивших в промышленность из-за границы и отправленных организациями промышленности за рубеж, позволяет сделать вывод об инвестиционной привлекательности промышленности страны и ее включении в глобальные цепочки добавленной стоимости (табл. 18, 19).

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Таблица 18. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 10

Задача	Показатель
10.4	10.4.1 Доля оплаты труда работников промышленности в валовой добавленной стоимости, %
10.b	10.b.1 Прямые иностранные инвестиции в промышленность Республики Беларусь из-за границы, млн долл. США 10.b.2 Прямые инвестиции, направленные организациями промышленности Республики Беларусь за рубеж, млн долл. США

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Таблица 19. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 10

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 10.4											
10.4.1	40,1	44,7	61,2	53,9	50,9	50,7	46,3	48,0	47,7	47,1	43,3
Задача 10.b											
10.b.1	907,7	1022,2	1230,5	1237,6	850,8	1048,5	1209,0	1551,4	1061,2	1238,8	1454,6
10.b.2	1465,4	1772,7	2136,1	1647,9	1250,0	1427,3	1893,8	2143,2	2030,7	1777,8	2379,8
<i>Интегральные показатели</i>											
<i>K10.4_{target}</i>	0,00	0,22	1,00	0,66	0,51	0,50	0,29	0,37	0,36	0,33	0,15
<i>K10.b_{target}</i>	0,14	0,35	0,66	0,45	0,00	0,22	0,54	0,90	0,50	0,51	0,93
<i>K10_{goal}</i>	0,07	0,29	0,83	0,55	0,26	0,36	0,42	0,63	0,43	0,42	0,54

Примечание. Таблица составлена на основе ².

Значение интегрального показателя в 2021 г. составило по задаче 10.4 – 0,15; задаче 10.b – 0,93, ЦУР 10 – 0,54.

Цель 12. Обеспечение устойчивых моделей потребления и производства. Рациональному освоению и эффективному использованию природных ресурсов будет содействовать снижение материалоемкости (табл. 20, 21).

Таблица 20. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 12

Задача	Показатель
12.2	12.2.1 Материалоемкость организаций промышленности

Примечание. Таблица составлена на основе ³.

Таблица 21. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 12

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Исходные данные</i>											
Задача 12.2											
12.2.1 (–)	81,7	80,3	73,8	72,5	75,4	76,1	76,2	77,2	75,4	74,7	76,6

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси.

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

³ Цели устойчивого развития в Беларуси.

Окончание табл. 21

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Интегральные показатели</i>											
$K12.2_{\text{target}}$	0,00	0,16	0,86	1,00	0,68	0,61	0,60	0,49	0,69	0,76	0,56
$K12_{\text{goal}}$	0,00	0,16	0,86	1,00	0,68	0,61	0,60	0,49	0,69	0,76	0,56

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

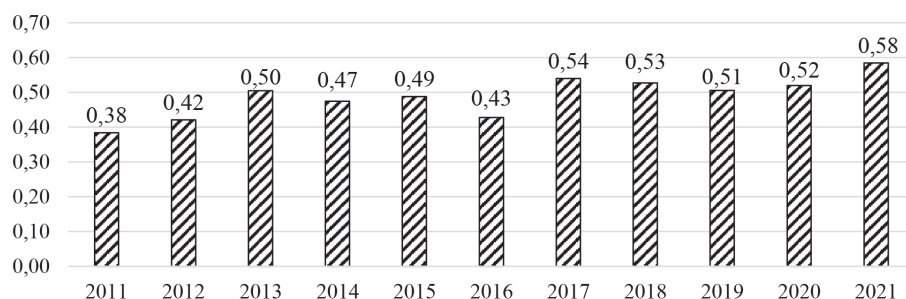
Интегральный показатель по ЦУР 12 в 2021 г. достиг 0,56.

Цель 17. Укрепление средств осуществления и активизация глобального партнерства в интересах устойчивого развития. Рост объемов экспорта товаров, в том числе инновационных, позволяет укрепить позиции страны на мировых рынках и способствует осуществлению работы в рамках глобального партнерства (табл. 22).

Активизация глобального партнерства в значительной степени зависит от внешней торговли между странами, в связи с чем Беларуси целесообразно наращивать объем экспорта товаров, в том числе инновационных (табл. 23).

Интегральный показатель по ЦУР 17 в 2021 г. составил 0,67.

Комплексный показатель оценки вклада промышленности в устойчивое развитие, рассчитанный за 2011–2021 гг., свидетельствует о том, что наибольшее влияние на достижение экономических и социально-экологических целей устойчивого развития достигнуто в 2021 г. ($K_{\text{SDG}} = 0,58$) (см. рисунок).

Динамика комплексного показателя оценки вклада промышленности в устойчивое развитие (K_{SDG}), 2011–2021 гг.

Позитивное влияние на изменение комплексного показателя оценки вклада промышленности в устойчивое развитие (K_{goal}) (с 0,38 в 2011 г. до 0,58 в 2021 г.) обусловлено углублением роли промышленности при выполнении задач: 2.а, 2.с, 3.4, 4.7, 7.2, 7.3, 8.3, 8.8, 9.3, 9.4, 9.5, 9.с, 10.4, 10.б, 17.11, в том числе за счет:

ПОВЫШЕНИЯ:

– объема промышленного производства продуктов питания, напитков и табачных изделий; объема промышленного производства основных фармацевти-

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Таблица 22. Показатели влияния промышленности на достижение ЦУР 17

Задача	Показатель
17.11	17.11.1 Экспорт товаров, млн долл. США 17.11.2 Удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции организаций обрабатывающей промышленности, %

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Таблица 23. Данные для оценки вклада промышленности в достижение ЦУР 17

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Исходные данные											
Задача 17.11											
17.11.1	41 418,70	46 059,90	37 203,10	36 080,50	26 660,40	23 537,30	29 240,00	33 907,00	32 955,10	29 179,40	39 987,00
17.11.2	62,3	64,3	60,1	59,7	63,9	67,9	67,4	62,9	59,5	55,8	63,1
Интегральные показатели											
K17.11 _{target}	0,67	0,85	0,48	0,44	0,40	0,50	0,61	0,52	0,36	0,13	0,67
K17 _{goal}	0,67	0,85	0,48	0,44	0,40	0,50	0,61	0,52	0,36	0,13	0,67

Примечание. Таблица составлена на основе ².

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси
² Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

ческих продуктов и фармацевтических препаратов в расчете на душу населения; объема промышленного производства изделий из дерева и бумаги; полиграфической деятельности и тиражирования записанных носителей информации в расчете на душу населения;

- темпа роста объема промышленного производства изделий из дерева и бумаги; полиграфической деятельности и тиражирования записанных носителей информации; темпа роста объема промышленного производства водоснабжения; сбора, обработки и удаления отходов, деятельности по ликвидации загрязнений;

- удельного веса использованных отходов в общем количестве образованных отходов производства химических производств и производств, связанных с ними;

- отношения объема производства (добычи) первичной энергии из возобновляемых источников энергии к объему валового потребления топливно-энергетических ресурсов;

- доли производства электрической энергии за счет использования возобновляемых источников энергии в общем объеме производства электрической энергии;

- удельного веса объема промышленного производства микроорганизаций, малых и средних организаций в общереспубликанском уровне;

- валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности на душу населения;

- доли мелких предприятий в совокупном объеме валовой добавленной стоимости промышленности, а также доли мелких предприятий, имеющих кредит или кредитную линию;

- количества исследователей в промышленности в расчете на 1000 занятых;

- удельного веса организаций обрабатывающей промышленности по максимальной скорости передачи данных через сеть Интернет в общем числе организаций выше 100 Мбит/с;

- доли оплаты труда работников промышленности в валовой добавленной стоимости;

- прямых иностранных инвестиций в промышленность Республики Беларусь из-за границы; прямых инвестиций, направленных организациями промышленности за рубеж;

- удельного веса экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции организаций обрабатывающей промышленности по видам экономической деятельности;

СНИЖЕНИЯ:

- индекса цен производителей промышленной продукции;

- энергоемкости ВВП; энергоемкости производства промышленной продукции обрабатывающей промышленности;

- удельного веса убыточных организаций промышленности;

- численности потерпевших при несчастных случаях на производстве;
- выбросов CO_2 на единицу добавленной стоимости, кг/руб.; выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников;
- материалоемкости организаций промышленности.

Негативное влияние на изменение комплексного показателя оценки вклада промышленности в устойчивое развитие (K_{goal}) (с 0,38 в 2011 г. до 0,58 в 2021 г.) обусловлено снижением роли промышленности при выполнении задач: 5.5, 6.3, 8.1, 8.2, 8.5, 9.2, 9.b, в том числе за счет:

СОКРАЩЕНИЯ:

- темпа роста объема промышленного производства продуктов питания, напитков и табачных изделий; темпа роста объема промышленного производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов;
- доли работающих женщин в общей численности работников промышленности;
- объема промышленного производства водоснабжения; сбора, обработки и удаления отходов, деятельности по ликвидации загрязнений;
- темпа роста объема промышленного производства;
- темпа роста валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности;
- производительности труда, по обрабатывающей промышленности в расчете по ВДС;
- темпа роста инвестиций в основной капитал организаций промышленности;
- рентабельности продаж в промышленности; рентабельности реализованной продукции, товаров, работ, услуг организаций промышленности;
- отношения номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников промышленности к среднереспубликанскому уровню;
- удельного веса занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике;
- валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в процентном отношении к ВВП; занятости в обрабатывающей промышленности;
- расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки обрабатывающей промышленности в отношении к ВДС;
- доли добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости;
- доли оплаты труда работников промышленности в валовой добавленной стоимости;

ПОВЫШЕНИЯ:

- сброса воды в поверхностные водные объекты организациями промышленности.

Выявление вышеназванных факторов, оказавших позитивное и негативное влияние на вклад промышленности в устойчивое развитие страны, позволит

сформировать комплексные инструменты промышленной политики, содействующие укреплению конкурентоспособности промышленного комплекса и его значимости для экономического, социального и экологического развития Республики Беларусь.

Выводы

1. В результате исследования разработана методика оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны. Предложена авторская система показателей оценки вклада промышленности в достижение целей и выполнение задач устойчивого развития, включающая 44 показателя в разрезе 11 целей и 24 задач устойчивого развития.

2. Определена методология расчета показателей оценки вклада промышленности в устойчивое развитие страны на основе нормализации данных способом минимакс. По итогам его применения рассчитываются интегральный показатель по каждой задаче и цели устойчивого развития, а также комплексный показатель.

3. Проведена оценка вклада промышленности в устойчивое развитие Республики Беларусь за 2011–2021 гг. в разрезе целей и задач. Наиболее высокое положительное влияние промышленности достигнуто для ЦУР: 2 (0,76); 7 (0,98); 9 (0,92). Средние значения достигнуты для ЦУР: 3 (0,61); 4 (0,61); 8 (0,56); 10 (0,54); 12 (0,56); 17 (0,67). Низкие значения интегрального показателя – для ЦУР 5 (0,10) и 6 (0,11). Определено позитивное и негативное влияние факторов на изменение комплексного показателя оценки вклада промышленности в устойчивое развитие (с 0,38 в 2011 г. до 0,58 в 2021 г.).

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод, что промышленность играет важнейшую роль в укреплении устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Преснякова, Е. В. Влияние индустриализации на достижение целей устойчивого развития / Е. В. Преснякова // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики ; редкол.: В. Л. Гурский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2022. – Т. 1. – С. 444–449.
2. Kaldor, N. Strategic factors in economic development / N. Kaldor // Ithaca : New York State School of Industrial and Labor Relations, Cornell University. – 1967. – 83 p.
3. Szirmai, A. Industrialization as an Engine of Growth in Developing Countries, 1950–2005 / A. Szirmai // Structural Change and Economic Dynamics. – 2012. – № 23 (4). – P. 406–420.
4. Pritchett, L. Understanding patterns of economic growth: searching for hills among plateaus, mountains, and plains / L. Pritchett // The World Bank Economic Review. – 2000. – № 14 (2). – P. 221–250.

Поступила 05.06.2023

ASSESSMENT OF THE INDUSTRY'S CONTRIBUTION
TO THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. Prasniakova

investment@economics.basnet.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Head of the Center for Innovation and Investment Policy

of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article reveals the relationship between industrialization and overall progress in achieving the Sustainable Development Goals. A methodology for assessing the contribution of industry to the sustainable development of the country has been developed. The author's system of indicators in the context of 11 goals and 24 objectives of sustainable development is proposed. Based on the data for 2011–2021, integral indicators for each task and goal of sustainable development, as well as a comprehensive indicator for assessing the contribution of industry to the sustainable development of the Republic of Belarus are calculated. The factors that had a positive and negative impact on the change in the complex indicator of the assessment of the contribution of industry to the sustainable development of the country are identified.

Keywords: industry, industrial policy, industrialization, inclusive growth, sustainable development, sustainable development goals.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-73-82>

УДК 338.012

JEL F52

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКАЯ РОЛЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. П. Петров-Рудаковский

antonaarp@tut.by

кандидат экономических наук, доцент

доцент кафедры «Таможенное дело»

Белорусского государственного университета транспорта

г. Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. В статье отмечено, что в условиях глобализации мировой экономики одной из ключевых сфер экономической безопасности становится внешнеэкономическая безопасность. Это особенно актуально для Республики Беларусь, поскольку она имеет открытую экономику, которая весьма зависит от результатов внешнеэкономической деятельности, в том числе как от экспорта, так и от импорта товаров. При таких обстоятельствах реализация угроз в сфере внешнеэкономической безопасности в конечном итоге может поставить под угрозу существование государства и нации.

Ключевые слова: внешнеэкономическая безопасность, риск, вызов, опасность, угроза, экспорт, импорт, диверсификация, модернизация, конкурентоспособность.

Для цитирования: Петров-Рудаковский, А. П. Внешнеэкономическая безопасность государства: понятие и специфическая роль в системе национальной безопасности / А. П. Петров-Рудаковский // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 73–82. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-73-82>

Введение

Республика Беларусь обрела свою государственность, политический и экономический суверенитет относительно недавно. При этом, благодаря своему географическому положению и историческим факторам, долгое время предопределявшим ее развитие, она не могла оказаться в стороне от международных экономических и политических процессов. Являясь страной с малой открытой экономикой, Беларусь вынуждена активно встраиваться в систему международных экономических отношений и обеспечивать свое устойчивое развитие путем расширения внешнеэкономических связей. Однако кроме очевидных выгод и преимуществ они также могут нести риски, способные перерасти в более серьезные формы деструктивных воздействий. Поэтому попутно с развитием внешнеэкономических связей любое государство должно заботиться и об обеспечении своей внешнеэкономической безопасности. Это обусловлено, прежде всего, тем, что полноценное развитие государства и общества возможно только в условиях защищенности от деструктивных воздействий в виде рисков, вызовов, угроз и опасностей, которые неизбежно порождаются в процессе функцио-

нирования любой системы ее внутренней и внешней средой. Сегодня на первый план выходят такие деструктивные воздействия в экономической, в частности во внешнеэкономической сфере. Поэтому обеспечение внешнеэкономической безопасности является одним из основных условий не только успешного функционирования национальной экономики Беларуси с учетом ее специфики, но и существования государства и нации.

Результаты и их обсуждение

Поскольку внешнеэкономическая безопасность рассматривается в качестве структурного компонента экономической безопасности, ее содержание связано с такими общими экономическими аспектами, как осуществление многовекторных торговых связей, наращивание экспортных поставок, повышение доли высокотехнологичной продукции в экспорте, совершенствование таможенно-тарифного регулирования и использованием нетарифных методов для защиты и поддержки отечественных производителей (т. е. защита национальных экономических интересов), повышение конкурентоспособности продукции и государства в целом на внешних рынках.

Среди отечественных ученых и специалистов-практиков заметный вклад в формирование научного понимания и становление теоретико-методических основ обеспечения экономической безопасности внесли В. Н. Шимов, П. Г. Никитенко, М. В. Мясникович, И. П. Аниськов, Г. В. Германович, А. Е. Дайнеко, Н. А. Абрамчук, Д. В. Береснев, А. В. Можейко, С. С. Полоник, Э. В. Хоробрых, А. А. Литвинчук, А. П. Хлебоказов, В. В. Гралько, Д. Н. Швайба и др. При этом вопросы непосредственно внешнеэкономической безопасности и ее оценки в качестве самостоятельного объекта исследований выделяются достаточно редко и чаще рассматриваются в контексте экономической безопасности.

В целом, несмотря на то что для удобства анализа внешнеэкономическая безопасность рассматривается как один из шести структурных элементов экономической безопасности, которая, в свою очередь, является составной частью национальной безопасности, следует отметить, что все элементы и уровни безопасности связаны тесно и неразрывно. Угрозы и опасности на уровне государства крайне редко имеют изолированное действие и обычно затрагивают одновременно несколько сфер. Так, например, возможные перебои с поставками из-за рубежа топливно-энергетических ресурсов – это не только угроза энергетической, но одновременно и производственной, внешнеэкономической, инфраструктурной, а также социальной, военной, экологической безопасности, и таким образом национальной безопасности в целом. В данном случае это связано с тем, что для Беларуси топливно-энергетические ресурсы – это ресурсы критического импорта, без которых не смогут функционировать производство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, система обороны, а также станут невозможны производство и отправка на экспорт продукции. Таким образом, опасность, возникшая во внешнеэкономической сфере (равно как и в любой

другой), не встретившая своевременного противодействия, в конечном итоге может перерасти в угрозу сокрушительного характера для государства и нации.

Более наглядно структурная взаимосвязь уровней национальной безопасности и место в этой системе экономической и внешнеэкономической безопасности можно увидеть на схеме, представленной на рисунке.

Исходя из изложенного нами предложено следующее определение внешнеэкономической безопасности. Внешнеэкономическая безопасность – это состояние защищенности государства и его экономики от опасностей и угроз, связанных с осуществлением внешнеэкономической деятельности.

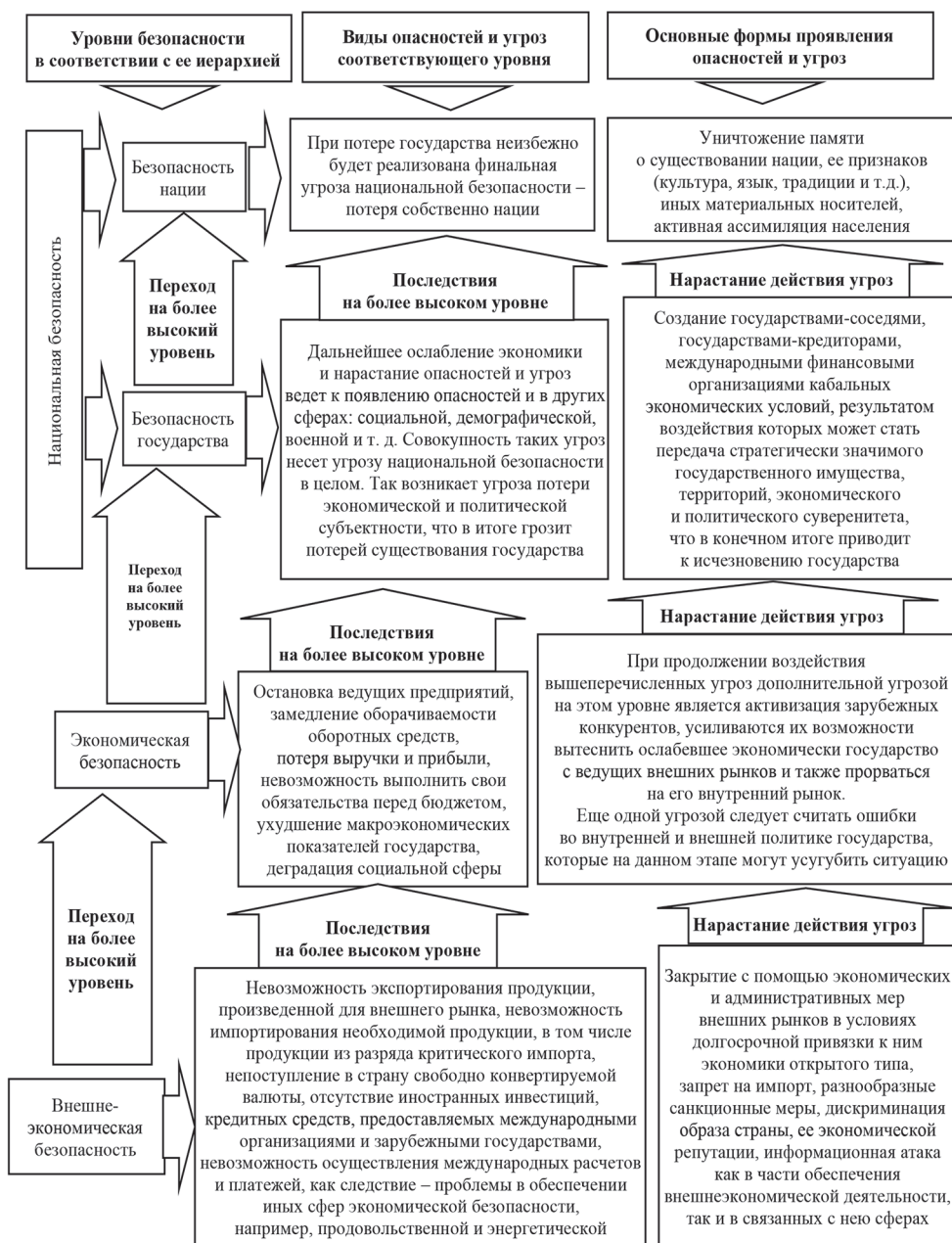
Система безопасности в любой сфере предполагает в числе прочего обязательное выделение внутренних и внешних угроз, являющихся высшей степенью проявления деструктивных факторов. Поэтому можно согласиться с мнением С. С. Полоника, Э. В. Хоробрых и А. А. Литвинчук о том, что при обеспечении внешнеэкономической безопасности наиболее опасными являются внутренние угрозы [1]. Однако нельзя не отметить, что в этой сфере внешние факторы могут проистекать не только из экономических, но и из политических, военных соображений и поэтому практически не поддаются управлению.

Таким образом, целью обеспечения внешнеэкономической безопасности является создание условий для эффективного противодействия внешним и внутренним опасностям и угрозам, связанным с участием государства в различных видах мирохозяйственных связей и осуществлением внешнеэкономической деятельности по различным экономическим направлениям.

В качестве специфических факторов, определяющих возможность обеспечения внешнеэкономической безопасности государства, выделим:

- политический, военный и экономический суверенитет государства на своей территории;
- справедливый и равный доступ заинтересованных субъектов к экономическим ресурсам;
- высокий уровень интеллектуального и морального развития общества, его восприимчивость к инновациям;
- нетерпимость общества и государства к коррупции и иным видам правонарушений, социальной несправедливости;
- стабильность и устойчивость национальной экономики, политической и социальной сферы (см. рисунок)

Поскольку Республика Беларусь не является в мировом масштабе государством с сильной экономикой, способной оказывать влияние на мировые экономические процессы, проводить экспансию на рынки других государств, влиять на решения, принимаемые международными экономическими и финансовыми организациями, задействовать иные факторы, обуславливающие создание зависимости других государств и их экономик от воли Республики Беларусь, то единственным доступным средством для противодействия внешним опасностям и угрозам является ее внешняя политика, которая должна носить сбалансированный и многовекторный характер, основываться на принципах миролю-

Иерархическая структура уровней национальной безопасности, соответствующих им угроз и место в ней внешнеэкономической безопасности

бия и дипломатичности и на поиске экономически взаимовыгодных способов взаимодействия. Поэтому предупреждение внешних опасностей и угроз в полной мере зависит от качества проводимой внешней политики. Также следует отметить, что особое геополитическое положение страны, ее историческое развитие и относительно непродолжительный срок существования в статусе суверенного государства, экономические возможности, а также открытый характер экономики определяют значительную зависимость государства от экономических, политических, геополитических, экологических, военных и иных событий, происходящих на мировой арене. В таких условиях, следует признать то, что внешние источники внешнеэкономических опасностей и угроз имеют хронический характер и требуют постоянной готовности государства к противодействию им. При этом в арсенале методов такого противодействия основную роль играет экономическая составляющая внешней политики.

Важнейшие особенности, определяющие внешнюю политику Республики Беларусь и ее экономическую составляющую, определяются ее географическим положением и историческим развитием. Так, на территории Беларуси с давних времен сходятся и пересекаются важнейшие транспортные пути между Европой и Азией, северным и южным, восточным и западными направлениями. Это обстоятельство предопределило историческое развитие страны, точнее сказать – территории страны, за контроль над которой велись постоянные войны, между соседствующими государствами, существовавшими в виде различных политических образований в разные исторические периоды. Разрушительные последствия многочисленных войн и конфликтов привели к пониманию той ответственности, на которой должна строиться внешняя политика Беларуси. Ее принципиальной и незыблемой основой, фундаментальным принципом должна оставаться многовекторность, которая предполагает развитие сбалансированных конструктивных отношений с партнерами в различных регионах мира.

Эти идеи нашли свое отражение в сформулированных в Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» принципах внешней политики. При этом в качестве стратегических целей внешней политики обозначена защита государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, а также защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов.

Одним из ключевых инструментов, способных оказать воздействие одновременно как на внутренние, так и на внешние деструктивные факторы в сфере внешнеэкономической безопасности, следует считать товарную и географическую диверсификацию внешнеэкономической деятельности. Ведение внешнеэкономической деятельности по ограниченному перечню товарных позиций и на ограниченном числе рынков сбыта создает колоссальную угрозу для экономики открытого типа, поскольку возникает ее жесткая зависимость не только от экономических, но и от политических факторов, касающихся либо данных товаров, либо взаимоотношений между странами. Не имея других альтернатив

в виде рынков иных государств, и других, перспективных, товаров, страна неизбежно ухудшит свои позиции в сфере внешнеэкономической деятельности, а в худшем случае может потерять рычаги самостоятельного управления экономическими процессами и часть экономического суверенитета.

Важным является то, что товарная и географическая диверсификация является принципиальным условием не только для экспорта, но и для импорта. В случае с экспортом такая диверсификация будет обеспечивать устойчивое получение выручки, поступление валюты, от которого зависит пополнение золотовалютных резервов, обеспечение международных расчетов, организация бесперебойной поставки сырья и комплектующих. В случае с импортом товарная диверсификация необходима для того, чтобы на рынок поступали товары-аналоги, новинки, которые не производятся в стране и еще не известны отечественному потребителю и таким образом содействуют росту уровня и качества потребления, а географическая диверсификация импорта будет содействовать развитию здоровой конкуренции иностранных товаров на внутреннем рынке, установлению оптимальных цен, появлению аналогичных товаров более высокого качества. Если речь идет о товарах критического импорта (тех товаров, которые невозможно произвести в достаточном количестве в стране и без которых не смогут функционировать промышленное производство, инфраструктура государства, его социальная сфера), то в этом случае географическая диверсификация – это ключевой фактор не только внешнеэкономической, но и в целом национальной безопасности. Поэтому в данном случае географическая диверсификация импортных поставок таких товаров – обязательное условие, которое должно выполняться независимо от рыночной конъюнктуры, выгодных цен, условий поставок, сложившихся на каком-то одном рынке. Отказ от приобретения товаров только на этом рынке даже на таких выгодных условиях, в пользу их покупки на нескольких различных рынках даже по более высокой цене может привести к увеличению стоимости импорта, но такое увеличение следует рассматривать как плату за обеспечение внешнеэкономической и национальной безопасности и, в конечном счете, за сохранение суверенитета государства.

Для обеспечения товарной диверсификации экспорта А. Е. Дайнеко, Н. А. Абрамчук и Д. В. Береснев предлагают выявлять перспективные экспортные товары страны путем определения критериев отнесения товарной экспортной позиции к перспективной, а для определения новых рынков сбыта – путем установления уровня привлекательности стран мира с позиции реализации на их рынке белорусского товара [2].

Кроме перечисленного при проведении оценки перспектив товарной и географической диверсификации экспорта товара, по нашему мнению, должны учитываться, кроме прочих, следующие немаловажные в настоящее время факторы:

– транспортная доступность – с учетом вероятности доставки товара разными видами транспорта и наличия либо отсутствия свободного доступа к ним с учетом географического положения Беларуси, что может сказаться на конечной стоимости экспортируемой продукции и возможностях выполнения оговоренных условий поставок;

– политическая и геополитическая ситуация – в настоящее время с учетом политических конфликтов и геополитического противоборства могут возникнуть дополнительные препятствия для продвижения новых товаров или выхода на новые рынки, которые могут не иметь под собой никаких экономических оснований;

– возможное противодействие конкурентов, уже действующих на перспективных рынках, – здесь следует учитывать, что обычно конкуренты не заинтересованы в появлении новых игроков на рынках их товаров или в тех странах, где они уже работают, поэтому следует ожидать естественного противодействия с их стороны; особо важно его спрогнозировать, если эти конкуренты являются представителями более могущественных в экономическом и военно-политическом аспектах государств.

Что касается товарной и географической диверсификации импорта, то следует отметить, что во внимание должны приниматься такие же группы показателей, как и в случае с экспортом. Это особо касается необходимости непрерывных и надежных поставок товаров, относящихся к критическому импорту. В этом случае важной задачей обеспечения внешнеэкономической безопасности является нейтрализация факторов политически мотивированного воздействия на ценовые, транспортные и иные организационные условия таких импортных поставок в страну.

Если рассуждать о внутренних источниках деструктивного воздействия в сфере внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь, отметим, что в сложившихся условиях представляется целесообразным сосредоточить усилия в приоритетном порядке на управлении такими факторами, как:

- повышение конкурентоспособности;
- модернизация и совершенствование на всех уровнях экономики;
- развитие и дальнейшее расширение сферы услуг.

Повышение конкурентоспособности должно быть нацелено, прежде всего, на внешние рынки, где требования и стандарты часто оказываются более высокими, чем на внутренних рынках. Задача повышения конкурентоспособности должна решаться системно и синхронно сразу на всех уровнях: конкурентоспособности товаров и услуг, конкурентоспособности субъектов хозяйствования (предприятий), конкурентоспособности государства. Одним из главных факторов, определяющих *конкурентоспособность продукции* как на внутреннем, так и на внешнем рынке, является качество продукции (услуг). Для оценки *конкурентоспособности организации* может применяться сопоставление продукции организаций и ее качества, а также сравнение показателей эффективности деятельности и использования ресурсов организациями-конкурентами. *Конкурентоспособность государства* в экономической сфере определяется конкурентоспособностью его основных организаций, осуществляющих экспорт своей продукции (товаров и услуг). О ее состоянии можно судить на основе выборки ведущих экспортно ориентированных организаций и определения их показателей конкурентоспособности по вышеприведенным параметрам.

Модернизация, основанная на повышении наукоемкости и инновационности, — это ключевая цель для обеспечения устойчивого развития национальной экономики и обеспечения ее безопасности. При этом материальной основой для функционирования всех видов экономической деятельности является промышленное производство. От уровня развития промышленности зависит состояние всех без исключения отраслей, производящих как товары, так и услуги, а также востребованность этих товаров и услуг на внешнем рынке. Именно поэтому приоритет в вопросах модернизации и реализации инновационной политики должен отдаваться именно промышленности, состояние которой обуславливает уровень экономической и внешнеэкономической безопасности.

Развитие и дальнейшее расширение сферы услуг рассматривается как фактор обеспечения внешнеэкономической безопасности, потому что именно благодаря развитию сферы услуг, увеличению их доли во внешней торговле и в целом в национальной экономике неизбежно снижается зависимость от внешних факторов, как материальных (например: ресурсы, цены на них), так и нематериальных (например: логистика, политические препятствия). Поэтому поиск новых ниш, направлений и видов оказываемых услуг может явиться очень эффективным фактором как для роста национальной экономики, так и для обеспечения внешнеэкономической безопасности. В экономике развитых стран в настоящее время сфера услуг занимает ведущие позиции, достигая по удельному весу в ВВП 60 % и более. Несмотря на мнение о том, что такая ситуация возможна благодаря «паразитированию» на развивающихся странах и на их ресурсах, где структура экономики изменяется не настолько радикально, нельзя не признать, что именно новые технологии и переход к новым технологическим укладам определяют спрос на новые услуги не только в развитых странах, но и в странах третьего мира. При этом постиндустриальная экономика не предполагает отказ от развития материальных производств в пользу сферы услуг, наоборот появление новых услуг в высокотехнологичных сферах обуславливает появление новых высокотехнологичных и более дорогих товаров, но стоимость и объемы этих услуг растут опережающими темпами, благодаря чему увеличивается их доля. Это обстоятельство должно быть обязательно учтено при построении системы управления внешнеэкономической безопасностью. Развитие именно сферы услуг и их экспорта требует наименьших организационных затрат, не связано с преодолением столь же сильного сопротивления традиционных игроков мировых рынков, как в случае с экспортом товаров, где основные рыночные ниши уже поделены.

Также важно учесть, что при формировании новых услуг особое значение имеет творческая составляющая, определяющая уникальность услуги. Эта идея нашла свое отражение в Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года. В ней отмечено, что критерием качественных структурных преобразований должно стать увеличение доли валовой добавленной стоимости сферы услуг в валовом внутреннем продукте с 47,7 % в 2015 г. до 52–55 % в 2030 г.

Именно поэтому, наряду с укреплением научно-технологического потенциала, повышением конкурентоспособности продукции, организаций и страны, важным направлением укрепления внешнеэкономической безопасности следует рассматривать развитие сферы услуг. Благодаря высокой мобильности, адаптивности к изменениям любого характера, повышенной устойчивости в условиях обострения конкуренции, борьбы за ресурсы и геополитических противоречий, сфера услуг неизбежно станет дополнительным фактором обеспечения внешнеэкономической безопасности государства наряду с развитием традиционных сфер экономики, управлением модернизацией, научно-техническим развитием и конкурентоспособностью.

Заключение

Таким образом, отметим, что если экономика государства является открытой и при этом не имеет достаточной мощи в мировом масштабе, то в условиях экономической, политической, военной поляризации ведущих центров силы угроза существованию государства и нации многократно усиливается. Один из эффективных путей исполнения этой угрозы – это активизация механизмов воздействия деструктивных внешнеэкономических факторов на страну, чрезмерно зависящую от внешнеэкономической деятельности. Поэтому внешнеэкономическая безопасность должна гарантировать состояние защищенности государства и его экономики от опасностей и угроз, связанных с осуществлением внешнеэкономической деятельности.

Деструктивные факторы, проявляющиеся в виде рисков, вызовов, опасностей и угроз, могут иметь внешний и внутренний характер. Следует признать то, что возможности активного воздействия на внешние факторы внешнеэкономической безопасности существенно ограничены и базируются в первую очередь на таких ключевых принципах внешней политики Республики Беларусь, как добрососедство и многовекторность. Управление внутренними факторами внешнеэкономической безопасности целесообразно сконцентрировать на следующих ведущих и взаимосвязанных между собой направлениях:

- 1) повышении конкурентоспособности на уровне товара, предприятия, государства;
- 2) модернизации и совершенствовании, касающихся прежде всего промышленного производства;
- 3) дальнейшем стимулировании развития сферы услуг.

Успешное управление как внутренними, так и внешними перечисленными факторами, с одной стороны, возможно благодаря одному из инструментов обеспечения внешнеэкономической безопасности – товарной и географической диверсификации внешней торговли, а с другой – позволяет усовершенствовать этот инструмент и усилить его конструктивный результат.

Список использованных источников

1. Полоник, С. С. Теоретико-методологические основы обеспечения внешнеэкономической безопасности Республики Беларусь в условиях усиления международной конкуренции / С. С. Полоник, Э. В. Хоробрых, А. А. Литвинчук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 5. – С. 7–16.

2. Дайнеко, А. Е. Научные основы диверсификации экспорта товаров Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко, Н. А. Абрамчук, Д. В. Береснев // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2016. – Т. 60, № 1 (январь – февраль). – С. 116–122.

Поступила 19.05.2023

FOREIGN ECONOMIC SECURITY OF THE STATE:
THE CONCEPT AND SPECIFIC ROLE IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

A. P. Piatrou-Rudakouski

antonaap@tut.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Associate Professor of the Department “Customs Affair”

of the Belarusian State University of Transport

Gomel, Republic of Belarus

Abstract. The article notes that in the conditions of globalization of the world economy, foreign economic security is becoming one of the key areas of economic security. This is especially important for the Republic of Belarus, since it has an opened economy, which is highly dependent on the results of foreign economic activity, including both from the export and from import of goods. In such circumstances, the implementation of threats in the domain of foreign economic security may ultimately endanger the existence of the State and the nation.

Keywords: foreign economic security, risk, challenge, danger, threat, export, import, diversification, modernization, competitiveness.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-83-91>

УДК 339

JEL F19

Методика оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности

А. А. Вашило

vashchylahanna@gmail.com

старший преподаватель Института бизнеса
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В данной статье рассмотрена авторская методика оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. Также представлены результаты анкетирования по этой методике белорусских предприятий, занятых в сфере транспорта и логистики.

Ключевые слова: транспортно-логистические услуги, экономическая безопасность, Республика Беларусь, риски, экспорт.

Для цитирования: Вашило, А. А. Методика оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности / А. А. Вашило // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 83–91. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-83-91>

Введение

В рамках проведенной работы по изучению существующих в мире подходов в части определения рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности страны было установлено следующее. Существующие сегодня методики и подходы в целом оценивают риски транспортно-логистической отрасли исходя из их категоризации на несколько основных групп, в рамках которых существующие риски (рисковые события) могут быть определены в части их потенциального воздействия (эффектов) посредством математических и (или) экспертных оценок.

Так, например, в методике, предложенной Weizhe Mu, для определения логистических рисков, выделяются четыре большие группы рисков (экологические, управленческие, операционные, нормативные правовые) с детализацией на три последующие уровня и соответствующего определения математической вероятности их наступления¹. В другой методике авторами A. Tubis и S. Werbińska-Wojciechowska предлагается экспертным образом и используя математический аппарат оценивать транспортно-логистические риски через призму зрелости

¹ Mu Weizhe. Analysis and warning model of logistics risks of cross-border E-commerce [Electronic resource]. URL: <https://www.hindawi.com/journals/ddns/2022/5140939/> (date of application: 20.05.2023).

построенной системы риск-менеджмента страны/компании (наличие специальных знаний и компетенций; возможность отслеживания рисков и наличие практик по эффективной минимизации их наступления и др.)¹.

Основным преимуществом таких методик и подходов являются комплексность оценки и эффективность использования в отдельно взятый период времени, а недостатком – статичность, не учитывающая возможные изменения и соответствующие корректировки рисков (особенно в долгосрочной перспективе), свойственные конкретной стране/региону.

В Республике Беларусь оценкой уровня экономической безопасности в транспортной сфере занимается Ю. П. Якубук [1]. Проблемы экономической безопасности транспортной системы Беларуси проанализированы в статье С. Л. Шатрова и А. С. Писаревой [2]. Экономическая безопасность внешней торговли услугами Беларуси рассмотрена в работе Е. А. Милашевич [3].

Результаты и их обсуждение

Основная цель предлагаемой авторской методики заключается в комплексной оценке рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь.

Основными задачами данной методики выступают:

- определение категорий рисков и их последующая детализация;
- проведение экспертных опросов стейкхолдеров рынка транспортно-логистических услуг;
- формирование выводов и рекомендаций по итогам использования методики.

В основе предлагаемой методики находятся существующие наработки из академической², консалтинговой³, институциональной⁴ и профессиональной⁵ биз-

¹ Tubis A., Werbińska-Wojciechowska, S. Risk management maturity model for logistic processes [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/348438708_Risk_Management_Maturity_Model_for_Logistic_Processes (date of application: 18.05.2023).

² Mu Weizhe. Analysis and warning model of logistics risks of cross-border E-commerce ; Tubis A., Werbińska-Wojciechowska, S. Risk management maturity model for logistic processes.

³ A practical approach to supply-chain risk management [Electronic resource] / McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/a-practical-approach-to-supply-chain-risk-management> (date of application: 19.05.2023) ; Global risk report [Electronic resource] / World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2022.pdf (date of application: 17.05.2023).

⁴ Logistics performance index [Electronic resource] / The World Bank. 2023. URL: <https://lpi.worldbank.org/> (date of application: 21.05.2023) ; Logistics trend radar [Electronic resource]. URL: <https://www.dhl.com/global-en/home/insights-and-innovation/insights/logistics-trend-radar.html> (date of application: 22.05.2023).

⁵ Risk analysis of FedEx corporation [Electronic resource] / Infront Analytics, 2022. URL: <https://www.infrontanalytics.com/fe-EN/30245NU/FedEx-Corporation/gprv-risk> (date of application: 24.05.2023) ; 2022 Risk radar: transport and logistics sector [Electronic resource] / KPMG. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2022/02/2022-risk-radar-transport-and-logistics->

нес-среды с дополнениями (группой специфичных рисков), имеющих место быть в Республике Беларусь в настоящее время, исходя из геоэкономической ситуации и необходимости обеспечения национальной экономической безопасности.

При этом предполагается использовать подходы, построенные как на качественном, так и на количественном анализе, основываясь на лучших международных и национальных практиках для оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности.

Разрабатываемая методика может быть представлена посредством анализа таких групп рисков, как 1. Риски текущего состояния и развития транспортно-логистической инфраструктуры, 2. Стратегические риски, 3. Экономические риски, 4. Операционно-технологические риски, 5. Нормативные правовые риски, 6. Региональные (страновые) риски [4].

1. Стратегические риски. Такие риски определяются рисками (рисковыми событиями), связанными с текущим и перспективным состоянием рынка транспортно-логистических услуг с точки зрения системных факторов, влияющих на его структурную организацию:

- невозможностью обеспечения долгосрочной стабильной работы цепей поставок в контексте неопределенности внутренней и внешней среды бизнеса;
- угрозами национальных/глобальных партнерств и альянсов на рынок транспортно-логистических услуг (усиление конкуренции) и деятельность отдельных компаний;
- внедрением инновационных типов грузовых отправок посредством использования технологий автономных транспортных средств, включая беспилотные грузовые автомобили, дроны и др.;
- структурными изменениями, выражающимися в целесообразности проведения реструктуризации бизнеса и его переориентации под изменяющиеся потребности рынка в средне- и долгосрочной перспективе.

2. Экономические риски. Группа экономических рисков исходит из рисков / рисков событий, оказывающих влияние на национальную и мировую экономику с комплементарным воздействием на рынок транспортно-логистических услуг:

- снижение темпов роста международной и национальной экономики, выражаемое потенциально в негативных эффектах для рынка и соответствующих транспортно-логистических компаний;
- повышение общих издержек операционной деятельности ввиду кризисных явлений и (или) структурных преобразований рынка транспортно-логистических услуг;
- значительный уровень волатильности цен на энергоносители и ставок на перевозки, оказывающих негативное влияние на текущую и перспективную деятельность;

– рост ограничений доступа к финансовым ресурсам (как на национальном, так и международном рынке капитала), замедление (приостановление) инвестиционной деятельности.

3. Операционно-технологические риски. Данные риски определяют группу рисков / рисков событий для проведения оценки операционной и информационно-технологической составляющей рынка транспортно-логистических услуг, а именно:

– ограничение доступа к новейшим технологическим решениям рынка транспортно-логистических услуг, включая современное программное обеспечение по управлению цепями поставок;

– угрозы кадрового дефицита на рынке транспортно-логистических услуг, невозможность привлечения квалифицированного персонала в кратко- и среднесрочной перспективе;

– невозможность обеспечения надлежащего, относительно возможных угроз, уровня кибербезопасности компании;

– рост возможных перебоев в цепях поставок и возникновение проблем эффективного управления транспортно-логистической деятельностью.

4. Нормативные правовые риски. Группа нормативных правовых рисков оценивает риски / рисков события в части институционального состояния рынка и наличия эффектов для рынка транспортно-логистических услуг со стороны регуляторной среды в следующих аспектах:

– изменения в законодательстве и регулировании (включая налоговые), ведущие к ограничению развития бизнеса в сфере транспортно-логистических услуг и (или) негативным эффектам для транспортно-логистической деятельности;

– наличие коррупционных/мошеннических схем, ограничивающих правовое развитие рынка транспортно-логистических услуг с оказанием негативного влияния на деятельность компаний;

– рост ограничений на выполнение отдельных типов операций как внутри, так и за пределами страны базирования (экспортно-импортные операции);

– ограничение доступа к независимой процедуре по юридической защите прав и интересов.

5. Региональные (страновые) риски. Целесообразность выделения региональных (страновых) рисков возникла ввиду событий, происходящих в рамках геоэкономических изменений и санкционного давления на Республику Беларусь и Российскую Федерацию. В основе данной группы рисков находятся:

– неопределенность развития кризиса на Украине и его влияния на национальную экономику и, соответственно, рынок транспортно-логистических услуг;

– долгосрочная (5–10 лет и более) изоляция национальной экономики страны/региона, сдерживающая развитие рынка и компаний транспортно-логистических услуг;

– общие негативные эффекты санкционного давления, выраженные в частном влиянии на деятельность компании (ограничение доступа к технологиям, финансам, новым рынкам и пр.);

– потеря конкурентных преимуществ / сокращение доли бизнеса на ранее занимаемых рынках (сегментах).

В рамках настоящей методики совокупно предполагается экспертным путем оценивать 20 рисков / рискованных событий, влияющих на обеспечение экономической безопасности страны, распределенные на пять основных групп и имеющих следующее математическое выражение:

$$\frac{\sum_{i=1}^n TLi}{n}, \quad (1)$$

где TLi – экспертная оценка транспортно-логистических рисков, выполненная по факту заполнения анкетного листа; n – количество экспертов, принявших участие в оценке транспортно-логистических рисков.

По итогам проведения экспертной оценки предлагается ввести итоговую шкалу низких (0–66), средних (67–133) и высоких рисков (134–200) экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности.

Низкий уровень риска может быть определен как не несущий потенциально серьезных угроз для экономической безопасности предприятий и национальной экономики в целом. *Средний уровень риска* характеризуется наличием контролируемых угроз, т. е. при возникновении риска, предприятие или национальная экономика могут отреагировать, используя существующие модели по противодействию негативным угрозам (эффектам), вызванным теми или иными рисками / рискованными событиями. *Высокий уровень риска* может быть определен как имеющий существенный потенциал нанесения ущерба деятельности компаний и подрыва уровня обеспечения национальной экономической безопасности страны, даже при использовании стандартных мер реагирования.

Экспертная анкета для оценки рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности, исходя из ранее изложенной, может быть представлена в табличной форме (табл. 1), где респондентам предлагается оценить уровень воздействия групп рисков и конкретных рискованных событий на их компанию (деятельность).

Таблица 1. Экспертная анкета

Группа	Риск / Рисковое событие
Стратегические риски	Невозможность обеспечения долгосрочной стабильной работы цепей поставок
	Угрозы национальных/глобальных партнерств и альянсов (усиление конкуренции)
	Внедрение инновационных типов грузовых отправок (автономные автомобили, дроны и др.)
	Необходимость реструктуризации бизнеса и его переориентации под изменяющиеся потребности рынка

Окончание табл. 1

Группа	Риск / Рисковое событие
Экономические риски	Снижение темпов роста экономики, выраженное потенциально в негативных эффектах для рынка транспортно-логистических услуг
	Рост общих издержек операционной деятельности
	Значительный уровень волатильности цен на энергоносители и ставок на перевозки
	Рост ограничений доступа к финансовым ресурсам
Операционно-технологические риски	Ограничение доступа к новейшим технологическим решениям рынка, включая современное программное обеспечение
	Угрозы кадрового дефицита на рынке транспортно-логистических услуг
	Невозможность обеспечения надлежащего уровня кибербезопасности компании
	Рост возможных перебоев в цепях поставок
Нормативные правовые риски	Изменения в законодательстве и регулировании (включая налоговые)
	Наличие коррупционных/мошеннических схем, ограничивающих правовое развитие рынка
	Рост ограничений на выполнение отдельных типов операций (например, экспортно-импортные)
	Ограничение доступа к независимой процедуре по юридической защите прав и интересов
Региональные (страновые) риски	Неопределенность развития кризиса на Украине и его влияния на рынок транспортно-логистических услуг
	Долгосрочная (5–10 лет и более) изоляция национальной экономики страны/региона
	Негативные эффекты санкционного давления (ограничение доступа к технологиям, финансам)
	Потеря конкурентных преимуществ / сокращение бизнеса на занимаемых рынках (сегментах)

Примечание. Оценка производится по шкале от 0 до 10, где 0 – минимальное значение воздействия риска (не оказывает никакого влияния) и 10 – максимальное значение воздействия риска (оказывает критическое влияние).

В рамках апробации методики проведен опрос 371 транспортно-логистической компании, представляющей шесть областей Республики Беларусь. В г. Минске и Минской области опрошено 85 компаний, в Брестской – 75, в Гомельской – 58, в Витебской – 53, в Гродненской – 59, в Могилёвской области – 41 компания.

Статистическая выборка является небольшой, учитывая тот факт, что в Беларуси функционирует более 10,8 тыс. организаций различных форм собственности и более 37 тыс. индивидуальных предпринимателей в сфере транспорта¹. Доверительная вероятность выборки составляет 95 %, где ошибка выборки не превышает ± 5 %.

Опрос проведен посредством Google-формы с анкетой. Для обработки результатов анкетирования использована компьютерная программа для статисти-

¹ Транспорт и логистика [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/sfera-uslug/transport-i-logistika> (дата обращения: 20.05.2023).

ческой обработки данных IBM SPSS Statistics, версия 20. Все вопросы в анкете для респондентов являются обязательными для заполнения. Применена функция запрета для повторного заполнения Google-формы для одного и того же респондента. Также в онлайн-анкете использована функция проверки данных, позволяющая уже на этапе заполнения формы отсеять ответы, имеющие неверный формат или составленные не по правилам. Опрос проведен в период с 1 ноября 2022 г. по 20 января 2023 г.

В опросе приняли участие как малые и средние предприятия, работающие на рынке транспортно-логистических услуг, так и крупные компании, являющиеся членами Белорусской ассоциации международных автомобильных перевозчиков (БАМАП) и Белорусской ассоциации международных экспедиторов и логистики. Компании-респонденты в основном оказывают услуги по перевозке, транспортировке, погрузке и перегрузке на автомобильном и железнодорожном видах транспорта. Для одной компании использована одна анкета. Респонденты – ведущие специалисты, эксперты и руководители компаний в сфере транспортно-логистических услуг.

В агрегированном виде (с учетом полученных оценок по всем компаниям) результаты опроса компаний-респондентов имеют следующий вид (табл. 2).

Таблица 2. Экспертная анкета в агрегированном виде

Группа	Риск / Рисковое событие	Оценка
Стратегические риски	Невозможность обеспечения долгосрочной стабильной работы цепей поставок	1445
	Угрозы национальных/глобальных партнерств и альянсов (усиление конкуренции)	1343
	Внедрение инновационных типов грузовых отправок (автономные автомобили, дроны и др.)	1363
	Необходимость реструктуризации бизнеса и его переориентации под изменяющиеся потребности рынка	1335
	<i>Совокупная оценка по группе стратегических рисков</i>	<i>5486</i>
Экономические риски	Снижение темпов роста экономики, выраженное потенциально в негативных эффектах для рынка транспортно-логистических услуг	1300
	Рост общих издержек операционной деятельности	1352
	Значительный уровень волатильности цен на энергоносители и ставок на перевозки	1345
	Рост ограничений доступа к финансовым ресурсам	1368
	<i>Совокупная оценка по группе экономических рисков</i>	<i>5365</i>
Операционно-технологические риски	Ограничение доступа к новейшим технологическим решениям рынка, включая современное программное обеспечение	1355
	Угрозы кадрового дефицита на рынке транспортно-логистических услуг	1354
	Невозможность обеспечения надлежащего уровня кибербезопасности компании	1370
	Рост возможных перебоев в цепях поставок	1378
	<i>Совокупная оценка по группе операционно-технологических рисков</i>	<i>5457</i>

Окончание табл. 2

Группа	Риск / Рисковое событие	Оценка
Нормативные правовые риски	Изменения в законодательстве и регулировании (включая налоговые)	1345
	Наличие коррупционных/мошеннических схем, ограничивающих правовое развитие рынка	1330
	Рост ограничений на выполнение отдельных типов операций (например, экспортно-импортные)	1355
	Ограничение доступа к независимой процедуре по юридической защите прав и интересов	1375
	<i>Совокупная оценка по нормативно-правовым рискам</i>	<i>5405</i>
Региональные (страновые) риски	Неопределенность развития кризиса на Украине и его влияния на рынок транспортно-логистических услуг	1565
	Долгосрочная (5–10 лет и более) изоляция национальной экономики страны/региона	1484
	Негативные эффекты санкционного давления (ограничение доступа к технологиям, финансам)	1490
	Потеря конкурентных преимуществ / сокращение бизнеса на занимаемых рынках (сегментах)	1386
	<i>Совокупная оценка по региональным (страновым) рискам</i>	<i>5825</i>

Таким образом, общий уровень риска можно оценить следующим образом:

$$\frac{5486 + 5365 + 5457 + 5405 + 5825}{371} = 74,22.$$

Заключение

Соответственно, по результатам анкетирования белорусских компаний можно сделать вывод о попадании общей оценки в интервал средних (67–133) рисков экспорта транспортно-логистических услуг в аспекте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. Наибольшими рисками для экспорта транспортно-логистических услуг респонденты считают невозможность обеспечения долгосрочной стабильной работы цепей поставок; долгосрочную (5–10 лет и более) изоляцию национальной экономики страны/региона; неопределенность развития кризиса на Украине и его влияния на рынок транспортно-логистических услуг; негативные эффекты санкционного давления (ограничение доступа к технологиям, финансам).

Экспорт транспортно-логистических услуг является важной составляющей обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь, которая необходима для эффективного товарообмена на международных рынках и формирует положительное сальдо внешней торговли национальной экономики.

Список использованных источников

1. Якубук, Ю. П. Оценка уровня экономической безопасности в транспортной сфере Республики Беларусь / Ю. П. Якубук // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. /

Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 138–147. doi:10.47612/2789-5122-2023-6-138-147

2. Шатров, С. Л. Экономическая безопасность транспортной системы: сущность и идентификация угроз / С. Л. Шатров, А. С. Писарева // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : электрон. сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 13–14 окт. 2022 г. / Полоцк. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой. – Новополоцк, 2022. – С. 455–460.

3. Милашевич, Е. А. Экономическая безопасность внешней торговли услугами Беларуси: готова ли экономика страны к новым вызовам и угрозам? / Е. А. Милашевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 73–82. doi:10.47612/2789-5122-2022-5-73-82

4. Вашило, А. А. Риски и угрозы обеспечения экономической безопасности в сфере транспортно-логистических услуг / А. А. Вашило // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 148–156. doi:10.47612/2789-5122-2023-6-148-156

Поступила 26.07.2023

METHODOLOGY FOR ASSESSING RISKS
OF TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES EXPORT
IN TERMS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

H. A. Vashchyla

vashchylahanna@gmail.com

Senior Lecturer of the High School of Business
of the Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This article considers the author's methodology for assessing the risks of exporting transport and logistics services in the aspect of ensuring economic security of the Republic of Belarus. The results of the survey on this methodology of Belarusian enterprises engaged in the field of transport and logistics are also presented.

Keywords: transport and logistics services, economic security, Republic of Belarus, risks, export.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-92-106>

УДК 338

JEL O15

СТРАТЕГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ

А. Г. Боброва

bobrova@economics.basnet.by

кандидат экономических наук

руководитель центра человеческого развития и демографии
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

А. А. Пилютик

pilutic@gmail.com

кандидат экономических наук

заместитель директора по общим вопросам
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

А. И. Храмов

demography@economics.basnet.by

аспирант Института экономики Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Управление социальными процессами и качество жизни населения остаются ключевыми вопросами государственной политики в Республике Беларусь, требующими новых подходов к управлению с учетом современных вызовов. С этой целью предложена модель стратегии человеческого развития с обоснованием принципов, целей, новых подходов к управлению, путей и методов ее реализации. Проанализирован ряд государственных программ как основных инструментов реализации государственной политики в социальной сфере, непосредственно связанных с развитием человеческого капитала. Определен ряд основных категорий населения с преобладающей ролью семьи и молодежи в государственном управлении общественными процессами. Проанализирован ряд сценариев совершенствования существующих подходов к формированию стратегии человеческого развития, включающих сценарии модернизации оценки, развития ресурсов, развития политики, диверсификации. Представлен вывод о целесообразности пересмотра подходов к формированию политики, направленной на повышение качества жизни населения, путем преобразования цепочки управления с выделением в ней стратегии человеческого развития.

Ключевые слова: государственное управление общественными процессами, развитие человеческого капитала, стратегия человеческого развития, сценарные оценки.

Для цитирования: Боброва, А. Г. Стратегия человеческого развития как механизм государственного управления общественными процессами: на примере Беларуси / А. Г. Боброва, А. А. Пилюттик, А. И. Храмов // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 92–106. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-92-106>

Введение

В новых геополитических условиях повышается необходимость качественно нового уровня управления человеческим капиталом. Значительное число шагов, сделанных в мире в целом, и в Беларуси в частности в сторону обеспечения стабильности в обществе и роста благосостояния граждан за счет модернизации экономики, а также скромные достижения в этом вопросе определяют необходимость поиска решения сложнейших задач по формированию своевременных и конкретных механизмов по совершенствованию модели устойчивого социально-экономического развития [1, 2]. С целью развития человеческого капитала в Республике Беларусь предлагается разработать стратегию человеческого развития.

Результаты и их обсуждение

В Национальной стратегии устойчивого развития (далее – НСУР) многие пункты так или иначе связаны с человеческим капиталом. На национальном уровне он находится в ведении органов социальной политики, политики в области занятости, в поле зрения структурных фондов. Постановка задач НСУР сопряжена с целями глобальной Повестки-2030 и влиянием связанных с нею процессов на достижение Целей устойчивого развития¹.

В настоящее время в рамках заданных направлений устойчивого развития реализуется Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Улучшение качества жизни населения является первоочередной задачей государственной политики. Расширение возможностей для роста человеческого капитала и раскрытие его потенциала находят отражение во всех приоритетах развития страны на предстоящее пятилетие, таких как счастливая семья, сильные регионы, интеллектуальная страна и государство-партнер.

Программой социально-экономического развития предусмотрено выполнение целого комплекса задач по повышению качества жизни населения с акцен-

¹ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 29.07.2023).

том на обеспечение социальной безопасности и благополучия граждан. Основными инструментами для реализации поставленных по данным направлениям задач являются государственные программы, семь из которых непосредственно связаны с развитием человеческого капитала, что подтверждается основными целями. Каждая программа включает перечень мер и мероприятий, направленных на повышение качества жизни проживающих в стране.

Рассмотрение политики с точки зрения населения, на которое направлено действие программ, позволило выявить в его составе следующие категории: дети, молодежь, семья, мужчины, женщины, пенсионеры, инвалиды, бедные, мигранты, рабочие, сельхозработники, безработные. При этом две категории – семья и молодежь – являются объектами для всех программ (табл. 1).

Таблица 1. Основные категории населения, на которые направлена реализация отдельных государственных программ на 2021–2025 годы

Категория населения	Государственная программа						
	«Здоровье народа и демографическая безопасность»	«Социальная защита»	«Рынок труда и содействие занятости»	«Образование и молодежная политика»	«Обеспечение правопорядка», подпрограмма «Миграция»	«Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов»	«Преодоление последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»
Дети	+	+	–	+	–	+	+
Молодежь	+	+	+	+	+	+	+
Семья	+	+	+	+	+	+	+
Мужчины	+	–	+	+	+	–	+
Женщины	+	–	+	+	+	–	+
Пенсионеры	–	+	–	–	–	–	+
Инвалиды	–	+	+	+	–	–	+
Бедные	–	+	–	–	+	–	+
Мигранты	–	–	+	+	+	–	+
Рабочие	–	–	+	+	+	+	+
Сельхозработники	–	–	+	+	+	+	+
Безработные	–	+	+	+	+	–	+

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

¹ О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28// Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/204148/%D0%97%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5%20%D0> (дата обращения: 22.06.2023) ; О государственной программе «Социальная защита» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 2020 г., № 748// Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/203336/%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%8> (дата обращения: 22.06.2023) ; О государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Мини-

Ретроспективный анализ социально-экономической политики Республики Беларусь по категориям населения также свидетельствует о преобладающей роли семьи и молодежи в государственном управлении общественными процессами.

В последние годы все большее значение приобретает «стратегия человеческого развития, которая вырабатывается на национальном уровне. Эта стратегия служит цели улучшения социальных стандартов жизни людей. Исследование проблемы соотношения стратегии человеческого развития с внутринациональными проблемами в области гарантирования права человека на достойную жизнь, представляется актуальным и важным направлением научного исследования» [3].

Считаем целесообразным пересмотреть подход к формированию политики, направленной на повышение качества жизни населения, и преобразовать цепочку управления в части выделения стратегии человеческого развития с последующей реализацией поставленных целей и задач четырьмя государственными программами (рис. 1).

Данный подход позволяет акцентировать внимание на важнейших объектах социально-экономической политики и усилить меры в их отношении, а также оптимизировать и (или) сократить государственные расходы на управление общественными процессами.

Важнейшим элементом управления является оценка эффективности политики. В настоящее время мониторинг осуществляется на основе сопоставлений планируемых и фактически израсходованных средств. Качественный анализ включает в себя степень достижения целевых индикаторов для каждой программы отдельно. Заказчик обосновывает цель, задачи, выбор индикаторов и оценивает эффективность реализации программы.

Качественной сводной оценки эффективности программ для повышения качества жизни населения не производится. Решением данной проблемы мо-

стров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 777 // Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/below/177317/#m100021> (дата обращения: 22.06.2023) ; О государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 57 // Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/below/177574/#m100024> ((дата обращения: 22.06.2023) ; О государственной программе «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 февр. 2021 г., № 99 // Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/below/204295/%d0%b3%d0> ((дата обращения: 22.06.2023) ; Об утверждении государственной программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 дек. 2021 г., № 719 // Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/below/204155/%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%83%d0%b4%d0%b0%d1%80%d1%81%d1%82%d0> (дата обращения: 22.06.2023) ; О государственной программе по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 марта 2021 г., № 159 // Илех. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/below/204335/%d0%b3%d0%be%d1%81%d1%83%d0%b4%d0%b0%d1%80%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%b5%d0%bd%d0%bd%d0%b0%d1%8f%20%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b3%d1%80%d0%b0> (дата обращения: 22.06.2023).

Рис. 1. Новый подход к формированию политики, направленной на повышение качества жизни населения

жет стать сводный качественный и независимый аудит выполнения программ. Целевым индикатором видится рост благосостояния каждой децильной группы населения как необходимого условия для роста человеческого капитала. Общая цель позволяет избежать противоречий оценок достижения отдельных параметров. К примеру, сокращение рождаемости является невыполнением части программ демографической безопасности, но при этом может сопровождаться ростом человеческого капитала в части повышения уровня ответственного родительства; рост расходов на пособия может скрывать рост числа нуждающихся в социальной поддержке; рост расходов на поддержку безработных может указывать на распространение безработицы.

Учитывая наличие единой цели, общих целевых групп населения, общих проблем оценки эффективности программ, пересечение и (или) дублирование мероприятий, проблем недостаточного финансирования отдельных направлений, а также общих индикаторов и точек роста, предлагаем следующую модель стратегии человеческого развития, выполняющую стимулирующие и программно-целевые функции (рис. 2).

Стратегии человеческого развития предполагает обеспечение трех основных принципов – сбалансированности, децентрализации и синергии – и определяет цели и основные задачи, стоящие перед государством, в сфере человеческого развития как направления обеспечения национальной безопасности страны, а также индикаторы достижения целей, что обеспечивает возможность проведения мониторинга, эффективного планирования, надлежащего оценивания социальных инвестиций в человеческий потенциал.

Рис. 2. Разработка стратегии государственных программ

Правовой основой Стратегии являются акты законодательства Республики Беларусь и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

При разработке Стратегии учтены провозглашенные резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 глобальные цели устойчивого развития до 2030 года.

Цель реализации Стратегии человеческого развития. Данной целью является создание условий для всестороннего развития человека на протяжении жизни, расширение возможностей реализации потенциала и свободы личности, ее гражданской активности ради формирования сплоченного общества граждан, способных к активному участию в гармоничном, сбалансированном и устойчивом развитии государства.

Достижением этой цели предполагается улучшить такие основные показатели человеческого развития, как продолжительность жизни, доступ к высококачественным услугам здравоохранения, доступ к качественному образованию в течение жизни, достойный уровень жизни, оптимизация связи между экономическим ростом и человеческим развитием, в частности путем увеличения инвестиций в качественное обновление инфраструктуры ключевых сфер человеческого развития, развития социальной сферы и справедливого распределения экономических ресурсов.

Стратегия человеческого развития имеет следующие основные цели:

1) улучшение медико-демографической ситуации – государство обязуется создать сбалансированную систему здравоохранения, внедрять новейшие медицинские технологии, развивать эффективную государственную систему общественного здоровья, стимулировать рождаемость, поддерживать активное долголетие;

2) построение инклюзивного и инновационного общества – государство обязуется создать равные условия доступа к качественному дошкольному и школьному образованию, обеспечить качественное профессиональное и специальное профессиональное образование, высшее образование и развитие образования взрослых, а также равный доступ к современному рынку труда.

3) сокращение неравенства и бедности – государство планирует содействовать становлению среднего класса, стимулировать занятость, совершенствовать систему государственных социальных стандартов и гарантий, повышать пенсии, улучшать адресность социальной поддержки, развивать систему предоставления административных и социальных услуг, обеспечивать интеграцию людей с инвалидностью в общество, формировать и поддерживать семейные ценности, обеспечивать соблюдение прав человека;

4) формирование патриотического воспитания и молодежная политика;

5) продвижение принципов безопасной окружающей среды – государство обязуется создать условия для сохранения природного капитала путем повышения ресурсо- и энергоэффективности и экологической ответственности производителей и потребителей.

Нами представлен анализ развития сценариев совершенствования существующего подхода к формированию политики, направленной на повышение качества жизни населения в Республике Беларусь (табл. 2).

Таблица 2. Анализ развития сценариев совершенствования существующего подхода к формированию политики по повышению качества жизни

Сценарий изменений		ПОЛИТИКА	
		существующая	модернизированная
РЕСУРСЫ	существующие	Регулярный мониторинг выполнения программы независимым аудитором	Оптимизация структуры государственных расходов
	модернизированные	Учет региональной специфики	Децентрализация постановки и решения задач

При условии сохранения существующих ресурсов и семь программ в качестве источника улучшения выделено внедрение регулярного мониторинга выполнения программ независимым аудитором, к примеру Национальная академия наук Беларуси.

Проведение оценки эффективности стратегии включает несколько последовательных этапов:

- 1) проверку соответствия прогнозных и реальных индикаторов;
- 2) проверку степени выполнения мероприятий;
- 3) анализ расходной части;
- 4) анализ степени участия ответственных исполнителей в выполнении, включая оценку работы по внесению изменений и разработке предложений по совершенствованию мер реализации государственной программы и др.

5) интегральную оценку эффективности реализации стратегии.

При условии сохранения существующей политики, но и привлечении дополнительных ресурсов эффективность реализации программ может быть повышена за счет углубления анализа территорий и учета региональной специфики при постановке и решении задач по повышению качества жизни населения.

Сценарная оценка, учитывающая условия формирования политики, ресурсное обеспечение, наличие обобщающего показателя, возможности оценки эффективности и источников роста, позволяет констатировать, что наиболее благоприятным исходом видится внедрение стратегии человеческого развития даже без дополнительного увеличения ресурсов (табл. 3–6). В табл. 7 описаны возможности в реализации каждого варианта, представлены ключевые направления.

Таблица 3. Шаг 1: Рассмотрение возможностей роста с текущими ресурсами и текущей политикой

Сценарий модернизации оценки	Возможности и перспективы роста с текущими ресурсами		
	возможны	вероятны	невозможны
<i>Описать текущие ресурсы и текущую политику</i>	Текущие ресурсы: финансы, управление, кадры. Текущая политика: 7 госпрограмм + отдельные концепции/планы		
Темп роста ВВП	Высокие	Замедляющиеся, но растущие	Стагнация или снижение
Достижение установленных целевых индикаторов и показателей	Все	Более 90 %	Менее 90 %
Степень выполнения мероприятий	Максимальная	Умеренная	Низкая
Степень выполнения расходных обязательств	В полном объеме	Чуть выше/ниже плана	Значительное расхождение с планом
Осуществление оценки эффективности деятельности ответственного исполнителя	Есть	–	Нет
Внесение изменений в планы реализации мер и значения показателей	Да	–	Нет
Возможности к высокому уровню инвестиций	Есть	–	Нет

Таблица 4. Шаг 2: Рассмотрение возможностей выхода с текущей политикой, но новыми ресурсами

Сценарий развития ресурсов	Продвижение государства вперед с текущей политикой, но новыми ресурсами		
	возможно	вероятно	невозможно
<i>Описать новые ресурсы и текущую политику</i>	Новые ресурсы: рост финансов, вовлечение бизнеса и гражданского общества. Текущая политика: 7 госпрограмм + отдельные концепции/планы		

Окончание табл. 4

Сценарий развития ресурсов	Продвижение государства вперед с текущей политикой, но новыми ресурсами		
	возможно	вероятно	невозможно
Эффективность реализации мер/мероприятий	Да	Есть мелкие недочеты	Нет, необходимо совершенствовать меры/мероприятия, индикаторы
Количество акторов	Государство, бизнес, гражданское общество	Государство, бизнес	Государство
Входные барьеры для роста финансирования	Практически отсутствуют	Есть, но недостаточно высокие	Высокий уровень входных барьеров
Углубление региональной специфики	Глубокое до уровня районов, городов	До уровня областей	Без учета
Эффективная реализация других релевантных программ	Да	–	Нет
Дополнительные источники для инвестирования	Да	–	Нет

Таблица 5. Шаг 3: Рассмотрение возможностей продвижения новой политики с текущими ресурсами

Сценарий развития политики	Успешное продвижение стратегии с текущими ресурсами		
	возможно	вероятно	невозможно
<i>Описать текущие ресурсы и текущую политику</i>	Текущие ресурсы: финансы, управление, кадры. Новая политика: стратегия + 4 госпрограммы		
Темпы роста индекса человеческого развития	Высокий	Замедляющийся, но растущий	Стагнация или снижение
Объем финансирования программ	Высокий	Средний	Низкий
Текущий подход к выстраиванию политики устарел, имеет недостатки	Нет	Намечаются тенденции к снижению эффективности от реализации отдельных мер	Да
Оценка эффективности реализации программ независимым аудитором	Да	–	Нет
Децентрализация постановки и решения задач человеческого развития	Да	–	Нет
Инновационность к формированию политики	Да	–	Нет

Таблица 6. Шаг 4: Рассмотрение возможностей создания новой политики с новыми ресурсами

Сценарий развития ресурсов	Успешное продвижение стратегии с новыми ресурсами		
	возможно	вероятно	невозможно
Описать новые ресурсы и текущую политику	Новые ресурсы: рост финансов, вовлечение бизнеса и гражданского общества. Текущая политика: 7 госпрограмм + отдельные концепции/планы		
Эффективность реализации мер/мероприятий	Да	Есть мелкие недочеты	Нет, необходимо совершенствовать меры/мероприятия, индикаторы
Количество акторов	Государство, бизнес, гражданское общество	Государство, бизнес	Государство
Входные барьеры для роста финансирования	Практически отсутствуют	Есть, но недостаточно высокие	Высокий уровень входных барьеров
Углубление региональной специфики	Глубокое до уровня районов, городов	До уровня областей	Без учета
Эффективная реализация других релевантных программ	Да	–	Нет
Дополнительные источники для инвестирования	Да	–	Нет
Если бы политика применялась			
Сценарий развития политики	Успешное продвижение стратегии с текущими ресурсами		
	возможно	вероятно	невозможно
Описать текущие ресурсы и текущую политику	Текущие ресурсы: финансы, управление, кадры. Новая политика: стратегия + 4 госпрограммы		
Темпы роста индекса человеческого развития	Высокий	Замедляющийся, но растущий	Стагнация или снижение
Объем финансирования программ	Высокий	Средний	Низкий
Текущий подход к выстраиванию политики устарел, имеет недостатки	Нет	Намечаются тенденции к снижению эффективности от реализации отдельных мер	Да

Окончание табл. 6

Сценарий развития ресурсов	Успешное продвижение стратегии с новыми ресурсами	
	возможно	вероятно невозможно
Оценка эффективности реализации программ независимым аудитором	Да	– Нет
Децентрализация постановки и решения задач человеческого развития	Да	– Нет
Инновационность к формированию политики	Да	– Нет
Если бы поменялись политика и ресурсы		
Сценарий диверсификации	Вопрос: Есть ли необходимость?	
	возможно	вероятно невозможно
Описать текущие ресурсы и текущую политику	Новые ресурсы: рост финансов, вовлечение гражданского общества и бизнеса. Новая политика: стратегия + 4 госпрограммы	
Темпы роста валового внутреннего продукта на душу населения	Высокий	Замедляющийся, но растущий Низкий
Синергия с другими программами	Высокий уровень	Средний уровень Низкий уровень
Имеются дополнительные источники роста для развития	Да	– Нет
Проводится независимый аудит эффективности реализации программ и имеется свобода в оценках	Да	– Нет
Возможные внешние риски	Минимальны и отсутствуют	– Есть

Таблица 7. Шаг 5: Результаты анализа в сводном виде и направления работ на будущий период

Вариант	Возможность		Описание изменений	Ключевые источники роста*
	на текущий период	с модернизацией		
Сценарий модернизации оценки	Вероятна	Возможна	Есть все шансы на повышение эффективности реализации политики. Несмотря на низкие возможности к дополнительному инвестированию, необходимо привлекать независимого аудитора для адекватной и своевременной корректировке мер, мероприятий и индикаторов	1. Дополнительное образование 2. Нормирование 3. Страхование 4. Наука и просвещение
Сценарий развития ресурсов	Вероятна	Возможна	Государство обладает достаточными ресурсами для развития государственной политики с усилением институтов гражданского общества и привлечением местного населения к постановке и решению проблем человеческого развития посредством учета региональных особенностей	
Сценарий развития политики	Невозможна	Возможна	Оптимизация структуры государственных расходов за счет синергии государственных программ и достижения единой крупной цели – повышения качества жизни населения. Государство обладает достаточными ресурсами и возможностями для ее реализации	
Сценарий диверсификации	Вероятна	Возможна	Есть возможности роста. Децентрализация постановки и решения человеческого развития представляется необходимым шагом для дальнейшего привлечения независимого аудитора развития политики	

* Перечислены без учета порядка приоритетности:
П р и м е ч а н и е. Таблица составлена на основе [3–6].

Заключение

Исследование показало, что сегодня в стране реализуется комплекс мероприятий, направленных на создание условий для устойчивого, всеохватного и поступательного экономического роста, всеобщего процветания и достойной работы для всех с учетом разных возможностей. Реализован ряд программ, позволивших укрепить физическое и психическое здоровье, повысить благосостояние и увеличить среднюю продолжительность жизни. Все больше средств затрачивается на создание инфраструктуры, содействие индустриализации и инновациям, обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.

Вместе с тем в последние годы в области социального развития страны реализуются главным образом те меры, которые были выработаны еще в начале 2000-х годов, с некоторыми изменениями количественного, но не качественного характера [7, 8]. Следует вырабатывать новые подходы к решению социальных проблем общества, чтобы в итоге достичь качественного, коренного изменения положения человека в стране, обеспечив ему свободное развитие и право на достойную жизнь. Это требует внедрения новых подходов к управлению, среди которых, на наш взгляд, наиболее продуктивной является разработка стратегии человеческого развития. Органы государственного управления всех уровней могут интегрировать стратегию развития человеческого потенциала в свои системы управления, гарантируя, что социальное развитие является центральным элементом их политики и программ. Сделав анализ различных программ и политик, можно выделить методы интеграции стратегии развития человеческого потенциала, такие как:

- целенаправленная разработка политики – органы государственного управления должны выявлять и расставлять приоритеты, учитывая политическую, экономическую и социальную обстановку в отношении конкретных потребностей и проблем населения, формулируя целенаправленную, точечную политику и программы для эффективного решения, внедрения;

- распределение ресурсов – следует выделять ресурсы для поддержки реализации стратегий развития человеческого потенциала, а правительствам применять инновационные механизмы финансирования, партнерства и международное сотрудничество для привлечения дополнительных ресурсов;

- вовлечение в процесс формирования стратегии заинтересованные стороны – органам государственного управления следует поощрять активное участие заинтересованных сторон, включая общественные организации, научные круги, частный сектор и физических лиц, в разработке, реализации и мониторинге стратегий развития человеческого потенциала;

- данные и принятие решений на основе фактических данных – органам государственного управления следует уделять особое внимание при сборе, оценке, анализе и мониторинге данных для принятия решений и отслеживания прогресса в достижении целей и задач стратегий развития человеческого потенциала;

– наращивание потенциала – правительству следует инвестировать в наращивание институционального потенциала для эффективного осуществления стратегий развития человеческого потенциала и управления ими, обеспечивая координацию и сотрудничество между различными правительственными ведомствами;

– сотрудничество и обмен знаниями – органам государственного управления следует поощрять сотрудничество, обмен знаниями и повышение квалификации сотрудников, создавать условия для получения передового опыта и для внедрения инновационных подходов к реализации стратегий развития человеческого потенциала.

Стратегия развития человеческого потенциала является жизненно важным механизмом государственного управления социальными процессами. С теми принципами, которые были определены для социального развития страны в начале тысячелетия, реализовать цели устойчивого развития можно на уровне минимальных стандартов жизни, но не получится качественно изменить ситуацию с реализацией права на достойную жизнь. Государственное управление социальными процессами ставит во главу угла благополучие человека, способствует социальной справедливости и инклюзивности и обеспечивает устойчивое и инклюзивное развитие. Политики и заинтересованные стороны должны признать важность стратегии развития человеческого потенциала и предпринять действия по ее интеграции в системы управления, расставить приоритеты в социальном развитии и работать над достижением целей и задач таких стратегий. Поступая таким образом, мы способны создать справедливое, инклюзивное и устойчивое общество, в котором каждый человек может процветать и полностью раскрыть свой потенциал.

Список использованных источников

1. Бобрик, М. Ю. Специфика формирования и накопления человеческого капитала и человеческого потенциала в условиях развития цифровой экономики // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Вып. 1. – 2020. – С. 87–95.
2. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Право и экономика, 2006. – 396 с.
3. Логвинова, И. Н. Стратегия человеческого развития: от международных принципов к внутринациональному праву / И. Н. Логвинова // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 29–32.
4. Олейникова, Е. Г. Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] / Е. Г. Олейникова // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 3. – Режим доступа: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2013-3/oleynikova.pdf. – Дата доступа: 12.11.2021.
5. Schultz T. Investment in Human Capital / T. Schultz // American Economic Review. – 1961. – Vol. 51, № 1. – P. 1–17.
6. Becker G. Investment in human capital: A. Theoretical analysis / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70, № 5. – P. 9–49.

7. Тезадова, Д. А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели / Д. А. Тезадова // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – Т. 16, № 3. – С. 90–106.

8. Морова, А. П. Модель социальной политики в Республике Беларусь: генезис и законодательное обеспечение / А. П. Морова // Социология. – 2012. – № 1. – С. 64–76.

Поступила 01.09.2023

HUMAN DEVELOPMENT STRATEGY
IN STATE MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES:
EXAMPLE OF BELARUS

A. G. Bobrova

bobrova@economics.basnet.by

Candidate of Sciences in Economics

Head of the Center for Human Development and Demography
of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

A. A. Piliutsik

pilutic@gmail.com

Candidate of Sciences in Economics

Deputy Director for General Affairs
of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

A. I. Khramov

demography@economics.basnet.by

Postgraduate student of the Institute of Economics
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The management of social processes and the quality of life of the population remain the key issues of state policy in the Republic of Belarus, requiring new approaches to management taking into account modern challenges. To this end, the model of human development strategy with the substantiation of principles, objectives, new approaches to management, ways and methods of its realization is proposed. A number of state programs, as the main instrument of implementation of state policy in the social sphere, directly related to the development of human capital are analyzed. A number of main categories of the population with the predominant role of family and youth in the state management of social processes has been identified. A number of scenarios for improving the existing approaches to the formation of human development strategy are analyzed, including scenarios of modernization of assessment, resource development, policy development, diversification. The conclusion is presented on the expediency of revising approaches to policy making aimed at improving the quality of life of the population by transforming the chain of command with the allocation of human development strategy in it.

Keywords: state management of social processes, human capital development, human development strategy, scenario assessments.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-107-114>

УДК 331.101

JEL J24, H5, H7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АГРАРНОЙ СФЕРЕ

Т. А. Тетеринец

s_secretary@economics.basnet.by

кандидат экономических наук, доцент

ученый секретарь Института экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Индустриализация и глобализация общества актуализируют задачу генерации новых идей и их воплощения в практическую деятельность. Подобные трансформации обуславливают как структурные изменения человеческого капитала, существенно увеличивая долю нематериальной составляющей, так и процесс его капитализации. Объективным условием успешной реализации последнего являются не столько способности получения знаний, сколько возможности их эффективного использования и последующего приращения. Дальнейшее развитие категориального аппарата существенно углубило и масштабировало определение понятия «человеческий капитал». Сфера его инвестирования была существенно расширена, учитывая вложения в воспитание, здоровье, образование, науку, информационное и культурное обслуживание, искусство. В состав инвестиций включаются расходы, направленные на повышение качества жизни населения, обеспечение его безопасности, развитие гражданского общества, институциональное обслуживание человеческого капитала. Характерной чертой действующих подходов управления человеческим капиталом в аграрной сфере, ориентированных на масштабирование и углубление инструментов своевременного получения знаний, выступает своевременность их передачи. Скорость капитализации человеческого потенциала обусловлена темпами научно-технологического развития и интенсификаций сельскохозяйственного производства. Существующая тесная взаимосвязь между величиной человеческого капитала и его носителями предопределяет необходимость его постоянного и своевременного обновления – для индивида, и создание благоприятных условий и предпосылок – для общества и государства.

Ключевые слова: управление, развитие, концепция, человеческий капитал, аграрный сектор, аграрный менеджмент.

Для цитирования: Тетеринец, Т. А. Теоретические основы управления развитием человеческого капитала в аграрной сфере / Т. А. Тетеринец // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 107–114. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-107-114>

Введение

Ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса и ориентация на инновационное развитие формируют новые черты человеческого капитала в аграрном секторе. Автоматизация и роботизация технологических процессов стимулируют решение проблемы подготовки высокопрофессиональных кадров, обладающих разносторонним компетенциями, стремящихся к постоянному обновлению своих знаний. Появляется новая концепция управления персоналом: как системы взглядов на трактовку сущности, содержания, целей, задач, прин-

ципов и методов управления человеческим капиталом. Ее основу составляют возрастающая роль личности работника, знание его мотивационных установок, умение их формировать и направлять в соответствии с целями и задачами, стоящими перед организацией [1].

Основы современного аграрного менеджмента образуют новый механизм управления человеческим капиталом, акцентирующий инновационно-инвестиционный вектор развития аграрного сектора. Формирование личности как основы человеческого капитала предопределяется не только модернизацией производственной сферы, но и ее окружением. В этой связи большое значение приобретает состояние социальной инфраструктуры сельских территорий и перспективы ее развития. Данное обстоятельство усиливается необходимостью закрепления трудовых ресурсов на местах. Несмотря на глубокое проникновение компьютерных и цифровых технологий в сферу реального производства, особенности сельскохозяйственного процесса предопределяют фактическое наличие человека на рабочем месте, вследствие чего состояние и величина человеческого капитала в аграрном секторе обуславливается концентрацией в нем кадрового потенциала. Усиление отраслевой трудовой миграции в данном случае способствует вымыванию человеческого капитала, тем самым снижая возможности его накопления и приращения [2].

Результаты и их обсуждение

Генезис понятия «человеческий капитал» корнями уходит во времена зарождения первых цивилизаций на земле. Однако до настоящего времени среди исследователей нет единого мнения относительно трактовки сущности данного термина. Формирование классической теории человеческого капитала можно отнести к эпохе зарождения капитализма. Это обусловлено научными работами таких ученых, как У. Петти, А. Смит и Д. Рикардо. Первая попытка определения стоимостной оценки производительных качеств человека сделал У. Петти, являющийся родоначальником школы классической политэкономии [3].

Огромную роль в развитии концептуальных основ формирования капитала сыграли научные труды К. Маркса. Согласно его теории, производственные капиталистические отношения материализуются не только в произведенных стоимостях, но и идентифицируются результатами живого труда [4]. В процессе развития общественно-экономических отношений человеческий капитал приобретает форму рабочей силы, которая в процессе взаимодействия работника и нанимателя принимает форму товара. Соединение факторов производства с трудовыми ресурсами позволяет образовать избыток стоимости, созданной трудом работников и превышающей количественную величину его рабочей силы, что в совокупности и составляет прибавочную стоимость.

Основоположниками современной теории человеческого капитала являются лауреаты Нобелевской премии Т. Шульц и Г. Беккер. Процесс повышения качества труда работников Т. Шульц рассматривает как закономерный итог

дополнительных инвестиционных вложений в обучение. В этой связи человеческий капитал приобретает конкретную стоимостную оценку, и его величина определяется величиной дополнительного дохода, полученного за счет новых знаний, навыков и интеллектуальных способностей [5, 6]. В своих трудах Г. Беккер изложил макроэкономический фундамент теории индивидуального человеческого капитала, согласно которой экономическое поведение человека определяется его стремлением к максимизации полезности в результате выбора из нескольких альтернатив. Под человеческим капиталом он понимал совокупность знаний, навыков, опыта и мотиваций, которые могут использоваться индивидом в процессе своей трудовой деятельности [7–9]. В его исследованиях подчеркивается особая природа человеческого капитала с позиции двух аспектов: инвестиционной – как источник будущих доходов, и человеческой – как составная часть природного потенциала человека.

На этапе перехода к рыночным отношениям появился ряд монографических исследований человеческого капитала российских ученых, пытающихся адаптировать сложившуюся концепцию и сформировать новый категориальный аппарат, соответствующий социально-экономическим условиям развития. По мнению С. А. Дятлова, содержание категории «человеческий капитал» характеризуется структурно-функциональной иерархичностью и не может быть целостно отражено в едином определении [10]. М. М. Критский считает, что человеческий капитал – это «всеобще-конкретная форма человеческой жизнедеятельности, ассимилирующая предшествующие формы (потребительскую и производственную), адекватные эпохам присваивающего и производящего хозяйства, и осуществляющаяся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию» [11].

Отдельного внимания заслуживают труды белорусских ученых, внесших значительный вклад в развитие концепции человеческого капитала на современном этапе. С. Ю. Солодовников в своих исследованиях направлений повышения экономического эффекта в Беларуси вследствие роста социального потенциала общества, а также и совершенствования форм его капитализации большое внимание уделяет сущности социального капитала как экономического ресурса [12]. Исследования В. В. Богатыревой позволили сделать следующие заключения: «человеческий капитал формируется и растет за счет инвестиций в него; человеческий капитал есть часть задействованного в производственно-хозяйственной деятельности имеющегося потенциала; важнейшим фактором роста человеческого капитала является повышение образования его носителя» [13]. Анализ публикаций А. В. Бондаря, Е. В. Ванкевич, И. В. Корнеевца, С. А. Кристиневича позволяют выявить общность взглядов на данную концепцию и отметить единство подходов к определению этой категории. Согласно их исследованиям, человеческий капитал представляет собой систему социально-экономических отношений, возникающих вследствие формирования и реализации способностей к трудовой и предпринимательской деятельности с целью повышения собственных и национальных доходов [14–17].

На данном этапе организационно-структурных преобразований экономики кардинально трансформируются сущностное содержание и структура человеческого капитала, в том числе и в аграрном секторе. Усиливается влияние инвестиционной составляющей, являющейся объективной предпосылкой формирования человеческого капитала и одним из элементов образования добавленной стоимости. Важными качественными и количественными его компонентами выступают физическое, психическое и социальное здоровье, уровень знаний, профессиональная компетентность, мотивация, инновационные способности, интеллектуальная активность, мобильность, креативность, которые формируются в процессе вложений в индивида.

Формирование и развитие концептуальных основ управления человеческим капиталом претерпевало существенные трансформации в процессе изменения общественных укладов. Проникающие во все сферы жизнедеятельности общества индустриальные и институциональные преобразования затрагивают и аграрный сектор, способствуя появлению новой формы человеческого капитала – аграрного. Его отличительной чертой является пространственно-отраслевая проекция формирования исходного человеческого потенциала, трансформируемого, с учетом демографических характеристик местного населения, уровня образования работников, состояния социальной инфраструктуры сельских территорий, параметров производственного потенциала организаций аграрного сектора, специфики его функционирования, инвестиционной обеспеченности и инновационной насыщенности агропромышленного комплекса, в аграрный человеческий капитал.

В научной литературе представлены различные подходы к пониманию аграрного человеческого капитала с позиции его территориально-отраслевого формирования, управления и мотивации, а также воздействия на развитие сельских территорий. И. Г. Свистунова считает, что сельский человеческий капитал – это «категория, отражающая трудоспособность субъектов, проживающих на определенной территории, заданную их природными характеристиками, а также являющуюся объектом и результатом постоянного воздействия взаимодействующей, разноуровневой совокупности факторов: базовых, корпоративных, отраслевых, территориальных и национальных» [18, с. 18]. Е. И. Метелькова человеческий капитал сельских территорий рассматривает как «совокупность элементов человеческого потенциала, формируемого в условиях сельского образа жизни со свойственным ему уровнем социальной и культурной институционализации, реализованных в его экономической деятельности на данной территории и обеспечивающих получение дохода его носителями, приращение добавленной стоимости определенной территории, а также их вклада в экономический рост национальной экономики и развитие социума» [19, с. 347]. В. Г. Закшевский и З. В. Гаврилова дают следующее определение «совокупность врожденных и накопленных физических и умственных способностей и качеств сельского населения, приобретенных знаний и умений, которые могут быть им использованы с целью получения дохода или социального

эффекта, заключающегося в социальной адаптации человека на селе и обеспечении его общественной активности» [20, с. 204]. Н. Н. Рябчикова считает, что центральным звеном управления развитием человеческого капитала агропромышленного комплекса являются сотрудники сельскохозяйственных организаций и местное население [21, с. 307]. Не отрицая ценности сложившихся суждений и принимая во внимание разносторонность взглядов, тем не менее в их основе четко не конкретизируется объект исследования – сельское население, занятое сельское население, работники сельскохозяйственных организаций.

Обобщая изложенные подходы к формированию теоретических основ управления развитием человеческого капитала, следует отметить, что приоритеты и направления развития аграрного сектора обуславливают необходимость их адаптации к реалиям современного времени. Выявленные преобразования затрагивают не только усовершенствование категориального аппарата, но и меняют содержательный контекст менеджмента, основанного на обеспечении капитализации человеческого потенциала, выступающей объективным условием формирования человеческого капитала, в том числе в аграрной сфере.

В контексте вышеизложенного под аграрным человеческим капиталом понимается количественная и качественная мера создания добавленной стоимости в аграрном секторе, продуцируемая человеком, формируемая под воздействием формального, неформального и информального взаимодействия аграрного социума, сложившейся общественно-экономической формации, научно-технологического уклада, социальных институтов, характеризующаяся постоянством движения и приращения, обеспечивающая создание новых форм капитала (знаний, новшеств, продуктов и услуг) в материальной и нематериальной формах. Отличительные особенности и социально-экономическая значимость формирования аграрного человеческого капитала и развития выдвигают в качестве актуальной задачу совершенствования методов и способов управления этим процессом. В современных условиях прогрессивного роста экономических систем последнее условие является ключевым вследствие эмпирически доказанной эффективности использования человеческого капитала как возобновляемого ресурса и приоритетности знаний как движущей силы поступательного движения общества.

Заключение

Базируясь на исходной парадигме капитализации аграрного человеческого потенциала, сложившиеся концепции трансформируются в усовершенствованный контекст содержательного смысла управления развитием аграрного человеческого капитала, существенно расширяющего границы и глубину понятия «управление персоналом». Вследствие этого аграрный человеческий капитал рассматривается во взаимодействии перечисленных ниже понятий:

– человеческие ресурсы как количественный эквивалент сельского населения, характеризующиеся способностью индивидов к осуществлению опреде-

ленного вида деятельности, обусловленной объективными предпосылками их формирования в аграрном секторе;

– трудовые ресурсы (рабочая сила) как расчетная величина населения, задействованная в аграрном секторе и выступающая экономическим фактором производства, обеспечивающим достижение исходных целей деятельности сельскохозяйственных организаций;

– персонал, являющийся неотъемлемой и важнейшей частью производственно-организационной системы аграрного сектора экономики, деятельность которого основана на двустороннем характере взаимоотношений;

– нематериальный актив как составная часть капитала организаций аграрного сектора, который в совокупности с материализованной основой факторов производства представляет собой невещественную форму в виде знаний, умений, навыков, опыта;

– инновационный капитал как качественная мера капитализации аграрного человеческого потенциала, обеспечивающий создание прибавочной стоимости в аграрном секторе экономики;

– система трансфера знаний, реализуемая в виде циркулярной модели их расширенного воспроизводства, формирующая рекурсивную форму капитализации аграрного человеческого потенциала.

Особенности жизненного уклада сельского населения, состояние социальной инфраструктуры в совокупности с весомостью аграрных видов деятельности, определяющих величину и перспективы увеличения валового регионального продукта, переопределяют формирование новой модели человеческого капитала, принимающей форму аграрного. Такой подход обусловлен изучением специфики функционирования аграрной сферы, выявлением отличительных аспектов формирования, накопления и сохранения человеческого капитала в разрезе сельских территорий.

Список использованных источников

1. Бельский, В. И. Проблемные вопросы формирования кадрового потенциала для инновационной деятельности / В. И. Бельский, Л. Г. Тригубович // Наука и инновации. – 2017. – № 12. – С. 41–45.
2. Гусаков, В. Г. Факторы и методы эффективного хозяйствования. Ч. 3. Мотивация труда и закрепление кадров, производительность труда / В. Г. Гусаков // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. агр. навук. – 2020. – Т. 58, № 3. – С. 263–267.
3. Петти, У. Политическая арифметика. Экономические и статистические работы / У. Петти. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 324 с.
4. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 1, кн. 1. – 907 с.
5. Schultz, T. W. Capital formation by education / T. W. Schultz // Journal of Political Economy. – 1960. – Vol. 68. – P. 571–583.
6. Schultz, T. W. Investment in human capital. The role of education and of research / T. W. Schultz. – New York : The Free Press, 1971. – 272 p.
7. Becker, G. Human capital / G. Becker. – New York : Columbia University Press, 1964.
8. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории : пер с англ. / Г. Беккер ; науч. ред. Р. И. Капелюшников. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

9. Becker, G. Investment in human capital: theoretical analysis / G. Becker // *Journal of Political Economy*. – 1962. – Vol. 72. – P. 321–340.
10. The impact of network human capital on economic growth of supply chain in digital economy / S. A. Dyatlov [et al.] // *International journal of supply chain management (IJSCM)*. – 2018. – Vol. 7, № 5. – P. 877–885.
11. Критский, М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 156 с.
12. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // *Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки*. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
13. Богатырева, В. В. Человеческий капитал как фактор повышения инвестиционной активности и экономического роста / В. В. Богатырева // *Экономический вестник Донбасса*. – 2018. – № 2. – С. 21–25.
14. Бондарь, А. В. Знания как экономический ресурс и объект управления в постиндустриальном обществе / А. В. Бондарь, К. Н. Жукова // *Белорусский экономический журнал*. – 2013. – № 1. – С. 88–101.
15. Ванкевич, Е. В. Социальный стандарт как способ повышения эффективности использования человеческого капитала на микроуровне / Е. В. Ванкевич // *Проблемы модернизации экономики Беларуси и России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24–25 марта 2005 г. / Бел. гос. эконом. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]*. – Минск, 2005. – С. 447–448.
16. Корнеевец, И. В. Человеческий капитал: проблемы формирования, накопления и использования / И. В. Корнеевец ; под общ. науч. ред. проф. А. В. Бондаря. – Минск : БГЭУ, 2008. – 223 с.
17. Кристиневич, С. А. Институциональные условия воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике / С. А. Кристиневич, С. А. Омелянюк. – Брест: Изд-во БрГТУ, 2008. – 152 с.
18. Свистунова, И. Г. Формирование и развитие человеческого капитала сельских территорий / И. Г. Свистунова. – Ставрополь : Секвойя, 2018. – 178 с.
19. Метелькова, Е. И. Теоретико-методологические аспекты формирования человеческого капитала сельских территорий / Е. И. Метелькова // *Вестн. АПК Ставрополя*. – 2015. – № 4 (20). – С. 346–350.
20. Закшевский, В. Г. Методические подходы к измерению человеческого капитала сельских территорий / В. Г. Закшевский, З. В. Гаврилова // *Продовольственная политика и безопасность*. – 2019. – № 4. – С. 203–218.
21. Рябчикова, Н. Н. Институциональные аспекты развития человеческого капитала в агропромышленном кластере / Н. Н. Рябчикова // *Продовольственная политика и безопасность*. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 303–316.

Поступила 20.07.2023

THEORETICAL FOUNDATIONS OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT MANAGEMENT IN AGRARIAN SPHERE

T. A. Tsetsyarynets

s_secretary@economics.basnet.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Scientific secretary

of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Industrialization and globalization of society actualize the task of generating new ideas and translating them into practical activities. Such transformations cause both structural changes in human capital, significantly increasing the share of the intangible component, and the process of its capitalization. The objective condition for the successful realization of the latter is not so much the ability to obtain knowledge, but rather the possibility of its effective use and subsequent increment. Further

development of the categorical apparatus has significantly deepened and scaled up the definition of “human capital”. The scope of its investment was significantly expanded, taking into account investments in upbringing, health, education, science, information and cultural services, and art. Investments include expenditures aimed at improving the quality of life of the population, ensuring its security, development of civil society, and institutional maintenance of human capital. Timeliness of knowledge transfer is a characteristic feature of the current approaches to human capital management in the agricultural sector, which are focused on scaling up and deepening the tools for timely knowledge acquisition. The rate of capitalization of human potential is conditioned by the pace of scientific and technological development and intensification of agricultural production. The existing close relationship between the value of human capital and its carriers predetermines the need for its constant and timely renewal – for the individual, and the creation of favorable conditions and prerequisites – for society and the state.

Keywords: management, development, concept, human capital, agrarian sector, agrarian administration.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-115-126>

УДК 331.5 (476)

JEL J01

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСАМ ГИБКОЙ ЗАНЯТОСТИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ И С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н. Н. Морозова

morozova7373@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент

заведующий отделом экономики сферы услуг

Института экономики Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Рассмотрена концепция новой парадигмы условий существования мира и ее влияние на трансформацию рынка труда. Разработана концептуальная схема занятости в условиях ВАНИ-мира под влиянием цифровизации и представлены авторские определения цифрового рынка труда и флексификации. С целью обоснования политики занятости и поддержания стабильного рынка труда под влиянием внешних глобальных факторов в рамках теоретического генезиса аргументированы гипотезы: цифровизация и условия нелинейного характера усиливают процессы по развитию нестандартных форм занятости; главным индикатором гибкости рынка труда выступает эластичность занятости по выпуску продукции.

Ключевые слова: рынок труда, занятость населения, нестандартные формы занятости, флексификация труда, цифровизация, сфера производства, сфера услуг, эластичность, ВАНИ-мир.

Для цитирования: Морозова, Н. Н. Методологические подходы к вопросам гибкой занятости в новых реалиях и с развитием цифровизации / Н. Н. Морозова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 115–126. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-115-126>

Введение

Основными драйверами экономической трансформации процессов на рынке труда можно считать ускоренные темпы цифровизации, быстрый рост масштабов гиг-экономики, изменения в формах занятости, деловой среде и моделях управления работниками. Ситуация на рынке труда в ближайшее время будет характеризоваться следующими особенностями:

- 1) распространением удаленных форм занятости населения;
- 2) развитием цифровых платформ и соответственно цифровой занятости;
- 3) потребностью в кадрах с цифровой грамотностью;
- 4) ростом конкуренции за высокотехнологичные рабочие места;
- 5) дефицитом квалифицированных кадров, особенно «синих воротничков», сотрудников рабочих специальностей, где процессы цифровизации еще слабо развиты.

Катализатором обозначенных трендов выступает внутренняя и внешняя среда. Развитию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) благоприятствовали изданные в нашей стране нормативные правовые

документы. В частности, были приняты «Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы», «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года», Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы; постановление коллегии Минсвязи и информатизации «О вопросах цифровой трансформации в Республике Беларусь» от 24 января 2018 г. № 3/2 и др. К внешним факторам, трансформирующим сферу занятости, следует отнести пандемию COVID-19 (с 2020 г.) и усиливающиеся с 2022 г. последующие политические и экономические изменения под воздействием санкционного давления коллективного Запада, что существенно приумножило турбулентность социально-экономических процессов, происходящих с высоким уровнем неопределенности и непредсказуемости, когда сложно просчитать все детерминанты, их влияние на эффективность процессов занятости, конкурентоспособность организации различных видов деятельности и результаты работы малого и среднего предпринимательства (далее – МСП).

Особенности гиг-экономики: доминирование новых видов частичной занятости (фриланс; трудоустройство через мобильные приложения, особенности в сфере услуг сервиса и доставки; работа на заказ); работодатель предпочитает заключать краткосрочный трудовой договор, а не длительные трудовые отношения. Для новых реалий социально-экономического развития, характеризующегося высокой степенью неопределенности, непредсказуемости, нелинейности, сложности и неоднозначности в условиях ускоренной цифровой трансформации встает вопрос о методологическом дискурсе в области регулирования и управления процессами занятости на рынке труда. Стратегия развития занятости в новых реалиях с использованием ИКТ требует не только переосмысления предпосылок неоклассической парадигмы, но и анализа и систематизации последних результатов на теоретико-методологическом уровне, а также предусматривает выработку мер по управлению занятостью на рынке труда в связи с возникающими новыми «вызовами».

Вопросы развития белорусской социально-экономической модели рассматривали ученые нашей страны: В. Г. Гусаков, В. Л. Гурский, А. И. Лученок, Т. С. Вертинская и др. [1]. Эффективность инвестиционной политики с учетом устойчивого развития в части влияния на трудовые ресурсы с позиции занятости, уровня оплаты и квалификации персонала нашли отражение в публикациях Д. В. Мухи [2, с. 15]. В то же время аспекты нелинейного характера процессов занятости требуют большего изучения. Информационно-аналитической базой для исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь (далее – Белстата).

Результаты и их обсуждение

Новая реальность характеризуется тем, что крупные организации и МСП могут быть подвержены влиянию внешних факторов в любое время, а большие производства пострадать в одночасье из-за возникновения так называемой тре-

щины. Например, вспомним как пандемия повлияла на сферу туризма, торговли и общественного питания и т. п., что безусловно сказалось на системе рынка труда и трансформации форм занятости (дистанционная, гибкая, частичная или неполная). Мир постоянно меняется, что влечет трансформацию подходов к его восприятию и регулированию хозяйственной деятельности, – бизнес-процессам и занятости. Существенно модифицировались труд и результаты бизнес-среды в связи с появлением сети Интернет. Генезис процессов, связанных с компьютеризацией, позволил выявить ключевые парадигмы и условия существования мира (рис. 1).

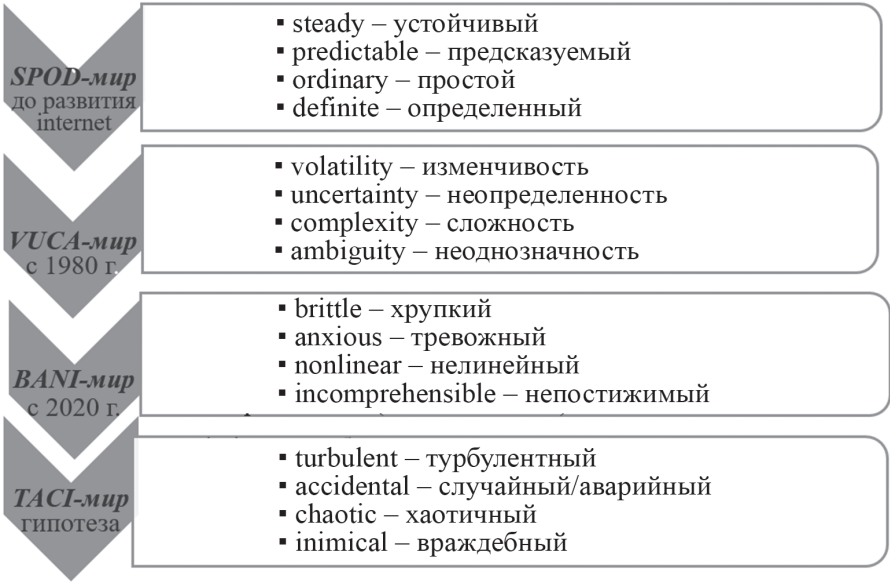

Рис. 1. Сущность парадигм и условий существования мира

Использование парадигмы SPOD предполагало наличие знаний алгоритмической грамотности и модели решения алгоритма, а сама структура представляла гарант относительно предсказуемой линейной траектории жизни: школа, учебное заведение, работа по профессии, повышение по службе, пенсия. С развитием технологий SPOD-мир трансформировался в VUCA-мир, требующий принятия правильных решений не по стандартным алгоритмам, а с учетом меняющихся тенденций, технологий и бизнес-процессов, который возник в работе Военного колледжа армии США в конце 1980-х годов, а с 2000 г. появился в бизнес-стратегиях. Он подразумевает сложность в принятии грамотных решений в парадигме частых, внезапных и запутанных технологических изменений. *Инструменты парадигмы не говорят, что произойдет, а позволяют понять параметры того, что может произойти в изменчивом мире.* Как отмечают российские исследователи, «использование парадигмы VUCA (особенно после мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.) помогло компаниям правильно

позиционировать себя в условиях все более неопределенной среды, создавать новые бизнес-модели, разрабатывать гибкие стратегии и лучше понимать поведение конкурентов и предпочтения своих клиентов» [3, с. 96].

Последние годы мир сталкивается с «новыми вызовами», «новой реальностью», характеризующимися высокой степенью нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности [3–5]. Структура BANI-мира, введенная Д. Кашио, создателем онлайн-ресурса «Open the Future», предусматривает такие условия, что наряду с нестабильностью проявляется хаотичность и результаты трудно предвидеть, поскольку они совершенно непредсказуемы. Через эту парадигму можно увидеть и структурировать то, что происходит в мире. При этом BANI не отменяет концепт VUCA, а переформатирует его, поскольку после 1990-х годов начали появляться явления, которых не было ранее, например, массовая цифровизация¹. Д. Кашио считает, что «большее количество данных – даже больших данных – может быть контрпродуктивным, подавляя нашу способность понимать мир»². В то время как непостижимость присуща системам искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые мы начинаем активно использовать. При этом система ИИ не статична, а постоянно усложняется, и в результате даже ее создателям не просто принимать разного рода решения. Относительно нелинейности, она четко наблюдалась в разгар кризиса с COVID-19, когда масштабы пандемии выходили далеко за рамки имеющегося опыта, а принятие решений по функционированию или остановке предприятий осуществлялось на основе интуиции и ответственности государственных структур и руководства страны. В Республике Беларусь грамотный подход к ситуации позволил не останавливать производства, а работать в прежнем режиме с пристальным вниманием к здоровью людей, что положительно сказалось на экономических показателях. Следовательно, BANI-мир инициирует поиски востребованных моделей образования, механизма управления, креативного мышления.

Понятие сущности **BANI-мира** позволяет нам структурировать происходящее и трансформировать деятельность в направлении достижения результата, что можно достичь с помощью таких действий, как хрупкость и уязвимость за счет развития устойчивости; тревожность и беспокойство о будущем – оценкой и концентрацией внимания на том, что происходит сейчас; нелинейность требует гибкости в принятии решений и флексибилизации труда; непостижимость предполагает «трансцензуальное мышление». Последнее, т. е. трансцензуальное мышление, как отмечают экономисты, формируется в широком контексте оргкультуры цифрового сознания, без чего невозможно настроить персонал организации на позитивное восприятие иммерсионных практик управления и продуктивное использование цифровых технологий [6, с. 5].

¹ VUCA, BANI и SHIVA: буквы, объясняющие мир [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4> (дата обращения: 22.06.2023).

² Какой мир пришел на смену VUCA? BANI как новый способ осмыслить меняющуюся реальность [Электронный ресурс] // BITOBE. URL: <https://blog.bitobe.ru/article/kakoy-mir-prishel-na-smenu-vuca> (дата обращения: 24.06.2023).

Сегодня С. Дерябин, практик в области психологии управления, выдвигает гипотезу о *ТАСИ-мире*, которая включает следующие составляющие: турбулентность, что предполагает увеличение скорости разнонаправленных изменений; случайность – неизвестность, непредсказуемость, неопределенность, неуправляемость; хаотичность, когда происходят размывание, подмена ценностей, иррациональность, разрушение логики и правил; враждебность – искажение информации, цинизм, рост бессмысленной агрессии, ненависть, ощущение опасности и глобальной экзистенциальной угрозы.

Теоретический анализ дает основание утверждать, что новые реалии – это условия жизни, присущие настоящему времени, включающие в себя современные факторы развития технологий, социально-экономические изменения, экологические проблемы, международные отношения и влияющие на все сферы жизни человека, что предполагает умение адаптироваться к происходящему и находить способы справляться с трудностями, занимая определенное положение на рынке труда.

В каждом мире жизненный цикл нового вида занятости на индивидуальном и организационном уровне представляет собой интервал времени, по истечении которого как работник, так и работодатель перестает получать ожидаемый доход в виде заработной платы либо прибыли соответственно, а акт работы становится рутинным. Следует отметить, что продолжительность видов и форм занятости может значительно различаться в зависимости от вида экономической деятельности и профессиональной группы работников, так как процессы цифровизации неодинаково проникают в отрасли сферы производства (далее – СП) и сферы услуг (далее – СУ). Важное значение имеет адаптация занятости населения к новым реалиям социально-экономической среды. В числе приобретающих устойчивый характер выступает концепция гибкого рынка труда, направленная на устранение негативных последствий структурной перестройки экономики за счет появления и распространения новых форм занятости, расширения сферы социального обеспечения, введения в деятельность организаций гибкого рабочего времени, ненормированного рабочего времени / часов. Это все диверсифицирует инструменты рынка труда, которые адаптируются к рыночному спросу и предложению рабочей силы, повышая гибкость заработной платы. Мы считаем, что *«флексibilизация цифрового рынка труда – процесс повышения экономической адаптивности и умения приспосабливаться к новым условиям цифрового мира с использованием нестандартных форм сферы приложения труда и видов платформенной занятости, сопровождающийся индивидуальным подходом к оплате труда, направленный на повышение гибкости участников рынка труда к экономическим, правовым, социальным и технологическим изменениям, осуществляемый через триаду: работодателей – работников – институты рынка труда»*. Проведенное нами ранее исследование выявило, что «понятие гибкости имеет отношение к диапазону работ, границам профессий, интенсификации усилий, производительности труда, навыкам, системе оплаты труда, а само становление гибкого рынка труда является объек-

тивным процессом, связанным с существенными изменениями техники, технологии, цифровизации, организации производства и управления» [7, с. 110]. В последнее время формируется новый «генотип» работника. «Развитие цифровой и институциональной экономики приводит к трансформации институтов занятости с появлением современных трендов нестандартных форм приложения труда и уровня развития человеческого капитала, поэтому нами ранее были предложены получающие развитие сегодня в новых условиях нестандартные формы занятости (далее – НФЗ)» [8, с. 50]. Складывающаяся под воздействием факторов занятость в новых реалиях является результатом взаимодействия развития рабочей силы как субъекта, рабочих мест как объектов при включении работников в социально-трудовые отношения (институциональная составляющая), что в итоге формирует цифровой рынок труда (рис. 2). Официального определения понятиям «аутстаффинг» и «аутсорсинг» в законодательстве до настоящего времени нет, их можно рассматривать как разновидность заемного труда либо как услугу кадрового субподряда, отличающихся предметом договора (при аутстаффинге заказывается трудовая единица-персонал с нужной квалификацией; при аутсорсинге – трудовая услуга, не нанимая специалиста, а обеспечивая рабочий процесс).

Охарактеризуем получающие развитие НФЗ:

– аутстаффинг – предоставление в аренду персонала компанией-исполнителем для выполнения работы на территории компании-заказчика. При этом заказчик услуги аутстаффинга ничем не рискует, а лишь закрывает потребности своего бизнеса, а между организацией, которая оказывает услуги и ее исполнителями заключается трудовой договор. Аутстаффинг наиболее популярен для ведения бизнеса: в сфере производства – это строительство; в сфере услуг – общественное питание и клининговые услуги;

– аутсорсинг – передача части производственных функций (непрофильных видов деятельности заказчика услуги, сезонного бизнеса, на старте бизнеса) сторонней компании или ИП, не предусматривающая передачу персонала под контроль или руководство организации-заказчика (например: ведение бухгалтерского, налогового или кадрового учета, юридическое сопровождение и т. д.);

– аутплейсмент – экологичное, или так называемое мягкое увольнение, предусматривающее комплекс мероприятий, которое работодатель проводит при сокращении персонала, в частности, размещение персонала за пределами компании при расторжении трудового договора между работодателем и работниками, помощь в поиске новой работы и дальнейшем трудоустройстве;

– смартстаффинг или грамотный подбор персонала – технология, позволяющая организациям предоставлять и привлекать временно доступный персонал нужной квалификации по требованию для эффективного управления доступностью профильных кадровых ресурсов. В этом случае владелец ресурса предоставляет на открытый рынок труда, т. е. специализированные информационно-торговые интернет-площадки, информацию о доступной на определенный период времени профессиональной компетенции своего штатного работника

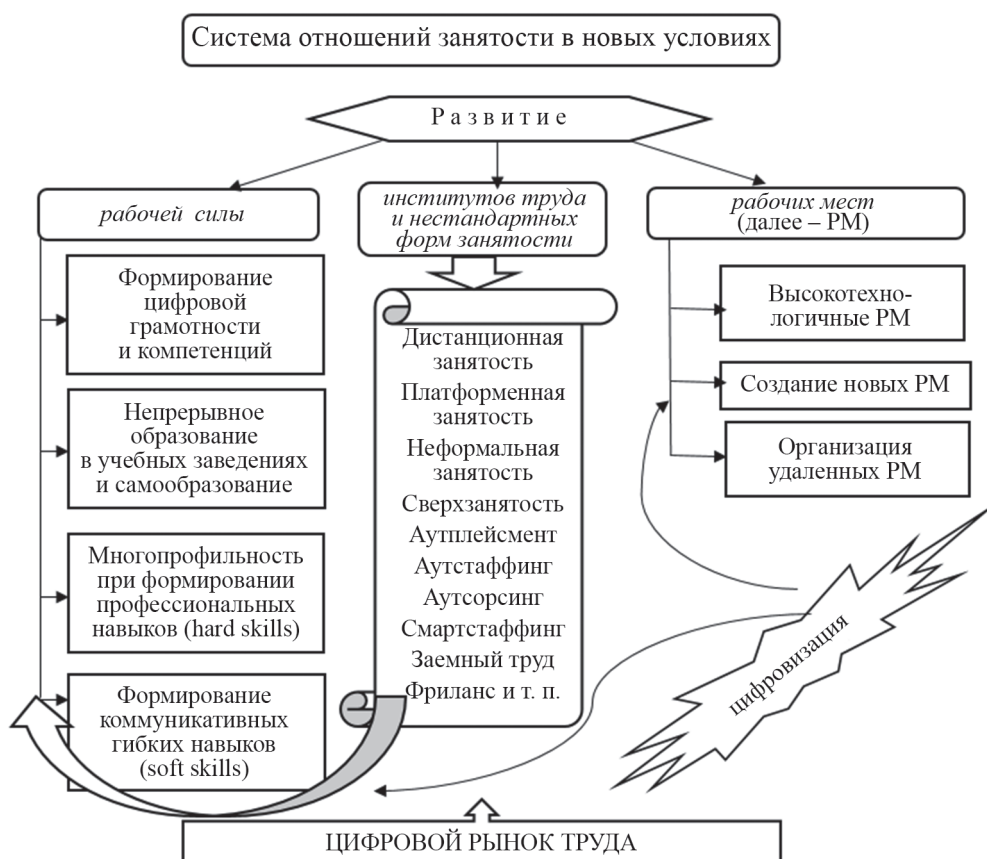

Рис. 2. Концептуальная схема занятости в условиях нового типа существования мира и под влиянием цифровизации

и о готовности предложить ее потребителю по определенной рыночной цене (стоимости человека-часа, консалто-дня и т. д.).

В современном мире работнику для сохранения и поддержания своей конкурентоспособности данные схемы работы также выгодны.

Изученные ранее методологические подходы к оценке рынка труда позволили сформулировать данную дефиницию: «цифровой рынок труда – это система общественных отношений, где формируется цифровая занятость с неограниченным уровнем трудовой мобильности, а спрос и предложение на трудовые цифровые услуги, осуществляемые с использованием информационно коммуникационных технологий, выполняются дистанционно на специальных онлайн-платформах и где организовываются условия найма, оплаты и оценка результатов труда» [9, с. 106].

Изучение занятости на рынке труда в условиях BANI-мира с позиции синергетического подхода позволяет изучать ситуацию через отраслевую структуру приложения труда, уровень образования, профессиональную квалифи-

кацию и навыки. Современный рынок труда стал свидетелем возникновения новых форм взаимоотношений между нанимателем и работником под влиянием нелинейности и неравновесности, меняющих общую картину занятости. Поэтому в новых реалиях наряду с концепцией гибкого рынка труда появляется необходимость в применении концепции «flexicurity», обеспечивающей социальные гарантии работникам и повышающей флексибилизацию рынка труда, что позволит примирить потребность работодателей в гибкой рабочей силе с потребностью рабочих в безопасности (уверенность в отсутствии длительной безработицы). Флексикурیتی, или «гибкая защищенность», сочетает в себе гибкость рынка труда, проявляющуюся в быстром увольнении не заинтересованного в результатах труда работника; социальную безопасность за счет соцподдержки человека, ищущего работу; активную политику занятости на рынке труда с правами и обязанностями безработных.

Анализ состояния занятости в республике свидетельствует об уменьшении числа работающих, причем в первую очередь вследствие демографической ситуации, связанной с сокращением населения. В структуре СП и СУ эта ситуация различается (рис. 3).

Рис. 3. Рассредоточение занятого населения по сферам и регионам Беларуси в 2022 г.

Примечание. Рисунок создан на основе расчетов по данным Белстата

В 2010 г. в СП было задействовано 44,6% занятых, в 2018 г. – 39,4, в 2022 г. – 34,4 %, и это притом, что еще имело место сокращение общего числа занятых. В то же время в СУ наблюдалась обратная тенденция: 2010 г. – 55,4 %, 2018 г. – 60,6, 2022 г. – 61,6 %, что объясняется переходом от индустриального к постиндустриальному развитию. Заметим, что среднегодовые темпы сокращения занятых за последние 5 лет (с 2018 по 2022 г.) в производстве были практически в 4 раза выше, чем в сфере услуг. Среди СП большая часть занятых сосредоточена в промышленности, а в сфере услуг превалирует торговля. Причем

концентрация занятости в региональном разрезе также отличается по сферам приложения труда.

Для оценки региональных различий на рынке труда нами был рассчитан коэффициент эластичности занятости населения (далее – $K_{эл.зн.}$) по валовому региональному продукту (далее – ВРП) как показатель, отражающий гибкость занятости (см. таблицу).

Показатели для оценки гибкой занятости по регионам Беларуси

Регион	Численность занятых (employed-E), тыс. человек			Валовой региональный продукт (ВРП)-V			Темп роста ВРП (сопо- ставимые цены), %	$K_{эл.зн.}$ по ВРП $\Delta E / \left(\frac{E_{t-1} + E_t}{2} \right)$ $\Delta V / \left(\frac{V_{t-1} + V_t}{2} \right)$
				текущие цены, тыс. руб.		% к ВВП		
	2021 г.	2022 г.	ΔE	2021 г.	2022 г.	2022 г.		
Брестская область	580,2	574,9	−5,3	18 635 358	21 791 374	11,4	98,2	−0,059
Витебская область	474,4	466,2	−8,2	14 800 292	16 643 090	8,7	98,0	−0,149
Гомельская область	579,7	572,3	−7,4	21 268 061	22 643 378	11,8	96,8	−0,205
Гродненская область	454,3	446,7	−7,6	18 300 107	20 321 601	10,6	96,6	−0,161
г. Минск	1074,0	1044,7	−29,3	56 921 282	58 910 660	30,8	93,8	−0,805
Минская область	684,2	678,9	−5,3	33 801 787	35 868 152	18,8	91,0	−0,131
Могилёвская область	437,7	430,6	−7,1	13 152 160	15 195 763	7,9	97,4	−0,113
Всего	4284,5	4214,3	−70,2	176 879 047	191 374 018	100,0	95,3	−0,210

Примечание. Расчет показателей осуществлен на основе данных Белстата.

Занятость эластична, когда коэффициент по модулю больше 1, а в промежутке от 0 до 1 занятость считается неэластичной. Отметим на основе расчетов, с учетом изменения ВРП за счет влияния двух факторов (объема и цены), для областей Беларуси характерна низкая эластичность занятости. Однако для седьмого региона – г. Минска – рынок труда отличается большей гибкостью, поэтому его можно описать, как сильный с точки зрения квалификации работников, уровня оплаты труда, высокопроизводительных рабочих мест, больших возможностей для трудоустройства, применения НФЗ. Следовательно, уровень занятости в областях страны зависит от региональной экономики и ее структуры.

Можно сделать вывод, что занятость населения по областям слабо адаптирована к новым условиям BANI-мира, а тем более к приближающемуся TACI-миру, что несет угрозы развитию региональной экономики и требует выработки и реализации соответствующих управленческих решений, направленных на повышение устойчивости и эластичности занятости за счет совершенствования институциональной базы, создания высокотехнологичных рабочих мест в сфере услуг, создания стимулов для динамичного развития экономики. В этой связи

совершенствование правовых, организационных и экономических условий будет способствовать распространению НФЗ.

К работникам на современном рынке труда предъявляются требования, связанные с уникальными востребованными компетенциями, в том числе цифровыми, и возможностью их применения для получения большей прибыли в ходе деятельности организации. В свою очередь, работники заинтересованы в обмене своих знаний, навыков и умений на соответствующую зарплату, соразмерную их способностям. Поэтому спрос на труд зависит от уровня заработной платы и конкуренции на рынке труда. Последняя оценивается посредством коэффициента напряженности (отношение количества соискателей/безработных к числу вакантных должностей), как в целом, так и для каждого региона по отдельным профессиям.

Заключение

Для обеспечения эффективной занятости, поддержания стабильного рынка труда и адаптации трудоспособного населения к трансформации внешней среды в условиях функционирования, сформированного под влиянием глобальных факторов BANI-мира, необходимо не пассивное выжидание, а навыки и следующие конкретные действия, в частности:

1) адаптация под новую структуру занятости населения в постиндустриальном направлении, сопровождающуюся ростом числа занятых в сфере услуг и предприятиях МСП;

2) повышение мобильности работников, предполагающее: наличие навыков для быстрой смены работы в случае ликвидации или потери рабочего места; использование гибкого графика для совмещения разного рода работ (зачастую в несмежных профессиях) в случаях нахождения симбиоза между потребностями организации (в дополнительном привлечении на незанятые рабочие места) и работника (желании получения дополнительного дохода / заработной платы за счет своего личного времени) соответственно;

3) формирование внутренней мотивации к непрерывному обучению и, при необходимости, многократной смене своей профессиональной деятельности на протяжении жизни, следуя так называемой концепции «life-long learning» («обучение в течение всей жизни»), выходящей за пределы классического образования в ответ на требования информационного общества и развивая новые компетенции, в том числе цифровые;

4) рынок труда все больше нуждается в мультифункциональных специалистах, такой категории работников, которая способна быстро адаптироваться в меняющемся мире;

5) в трансформирующейся организации необходима синергия между людьми, которые понимают «старый бизнес», и «новыми людьми», которые работают по-другому, с четким пониманием процессов и того, какие цифровые навыки необходимы для решения тех или иных задач;

б) переход к новой модели общества и экономики влечет за собой ускорение трансформационных процессов во всех сферах жизни, характеризующихся нестабильностью и неопределенностью, вследствие чего реакция занятости населения на такие изменения проявляется в активном формировании и распространении нестандартных форм занятости (дистанционная занятость, платформенная занятость, фриланс и т. д.).

Список использованных источников

1. Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика / под науч. ред. В. Г. Гусакова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 666 с.
2. Муха, Д. В. Эффективность реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого развития / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 9–18. doi:10.47612/2789-5122-2023-6-9-18
3. Костенко, Е. П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов / Е. П. Костенко // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2021. – № 12 (4). – С. 94–109.
4. Федченко, А. А. Количественная оценка адаптации занятости населения в российских регионах к условиям неопределенности / А. А. Федченко, Н. В. Дорохова, Е. С. Дашкова // Экономика региона. – 2023. – № 19 (2). – С. 410–421.
5. Bennett, N. What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world / N. Bennett, G. J. Lemoine // Business Horizons. – 2014. – № 57 (3). – С. 311–317.
6. Акперов, И. Г. Роль цифрового сознания в управлении изменениями / И. Г. Акперов, Б. В. Мартынов, Е. С. Прокопенко // Вестник университета. – 2022. – № 11. – С. 5–10.
7. Морозова, Н. Н. Флексибилизация рынка труда с учетом развития современных навыков работника и нестандартных форм занятости / Н. Н. Морозова // Науч. труды Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманит. Науки : сб. науч. ст. / РИВШ. – Минск : РИВШ, 2022. – Вып. 15. – С. 102–111.
8. Морозова, Н. Н. Институциональные механизмы развития человеческого капитала и трансформации занятости на рынке труда / Н. Н. Морозова // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 1 (75). – С. 43–51.
9. Морозова, Н. Н. Методологические подходы к оценке рынка труда и интеллектуального потенциала его субъектов в условиях цифровой экономики / Н. Н. Морозова // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – Вып. 25. – С. 99–117.

Поступила 20.06.2023

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ISSUES OF FLEXIBLE EMPLOYMENT IN THE NEW REALITIES AND WITH THE DEVELOPMENT OF DIGITALIZATION

N. N. Morozova

morozova7373@mail.ru

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Head of the Department of Economics of the Service Sector

of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article reveals the concept of a new paradigm of the conditions for the existence of the world and its impact on the transformation of the labor market. A conceptual scheme of employment

in the conditions of the BANI-world under the influence of digitalization has been developed and the author's definitions of the digital labor market and flexibilization are presented. In order to substantiate the employment policy and maintain a stable labor market under the influence of external global factors, hypotheses are reasoned within the framework of the theoretical genesis: digitalization and non-linear conditions strengthen the processes for the development of non-standard forms of employment; the main indicator of labor market flexibility is the elasticity of employment by output.

Keywords: labor market, employment of the population, non-standard forms of employment, labor flexibilization, digitalization, production, services, elasticity, BANI-world.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-127-145>

УДК [316.74:37+37.014](1–67ЕАЭС)

JEL F15, F62, H43, I25, L32

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ЕАЭС

Е. В. Тулейко

e_tulejko@mail.ru

заведующий сектором глобальной экономики центра мировой экономики
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлен методический подход к оценке социально-интеграционного эффекта реализации совместных проектов государственно-частного партнерства в образовательной сфере ЕАЭС, дано определение понятия социально-интеграционного эффекта проекта государственно-частного партнерства, обоснованы цель, алгоритм проведения и критерии оценки социально-интеграционных эффектов, осуществлена апробация методического подхода на примере Евразийского сетевого университета.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, Евразийский экономический союз, Евразийский сетевой университет, методический подход, образование, оценка, проект, социально-интеграционный эффект.

Для цитирования: Тулейко, Е. В. Методический подход к оценке социально-интеграционного эффекта реализации совместных проектов государственно-частного партнерства в образовательной сфере ЕАЭС / Е. В. Тулейко // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 127–145. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-127-145>

Введение

Учет экономических, социальных и экологических факторов является важным условием для поддержки проекта и принятия инвестиционных решений. Это способствует повышению стандартов и качества инвестиционной деятельности, созданию новых инструментов для оценки воздействия программ и проектов, снижает риски их реализации, а также позволяет принимать наиболее эффективные управленческие решения.

Анализ реализации социальной политики в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) показывает, что существует несколько взаимосвязанных и взаимодополняемых методических подходов к оценке социальных эффектов программ и проектов на уровне интеграционного объединения, включая сферу образования. Указанные подходы можно условно разделить на следующие группы.

Во-первых, использование системы индикаторов интеграции. В ЕАЭС индикаторы интеграции сгруппированы по блокам: институциональная инте-

грация, интеграция на основных рынках, макроэкономическая конвергенция. В частности, интеграция на основных рынках включает в себя показатель «интеграция на рынке капитала» (доля прямых иностранных инвестиций из других государств-членов в общем объеме поступивших прямых иностранных инвестиций); согласованная политика на рынке капитала (инвестиции, движение капитала); согласованная политика на рынке труда (регулирование рынка труда, наличие согласованных политик пенсионного, медицинского и социального обеспечения, возможность признания документов об образовании и профессиональной подготовке, введение общих требований к компетенциям выпускников, наличие совместных образовательных программ/проектов¹.

Во-вторых, отслеживание позиций стран – членов Союза в рейтингах (индексах). Применительно к социальной сфере такими рейтингами являются: индекс социального прогресса (Social Progress Index); индекс человеческого развития (Human Development Index); сводный индекс инклюзивного роста Европейской экономической комиссии (далее – ЕЭК).

В-третьих, проведение мониторинга реализации основных направлений интеграции, которые отражаются в докладах, рабочих документах и аналитических материалах ЕЭК и иных компетентных органов ЕАЭС (статистика ЕЭК «Рынок труда», мониторинг взаимных инвестиций Евразийского банка развития, публикации департамента макроэкономической политики ЕЭК, доклады о результатах мониторинга и анализа национальных программ повышения квалификации исследователей государств-членов и др.).

В-четвертых, осуществление оценки влияния интеграционных процессов на достижение целей устойчивого развития (далее – ЦУР), предполагающей анализ влияния экономической интеграции в рамках ЕАЭС на достижение ЦУР с учетом реализуемых мер и политик (доклад ЕЭК «Показатели достижения ЦУР в регионе Евразийского экономического союза», статистический сборник по показателям достижения ЦУР в регионе ЕАЭС, методика оценки инклюзивности экономического роста).

Вышеназванная методика предполагает оценку инклюзивности экономики и экономического роста с учетом показателей прогресса, достигнутого в рамках борьбы с бедностью и неравенством, обеспечения экономического роста и занятости, развития инфраструктуры, совершенствования образования и здравоохранения².

Научное обоснование и определение социальных эффектов от реализации проектов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в рамках интеграционного объединения слабо разработано. На национальном уровне в каче-

¹ Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 21.07.2023).

² Методика оценки инклюзивности экономического роста [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_makroec_pol/sustainable_and_inclusive.php (дата обращения: 21.07.2023).

стве социальных эффектов реализации проектов ГЧП в сфере образования отмечаются следующие: рост объема оказания платных услуг (профессиональное образование); оценка вклада учреждений высшего образования в социально-экономическое развитие территорий (высшее образование); повышение качества жизни в виде изменения доходов населения, повышения занятости населения, личностный и профессиональный рост и связанные с ним жизненные изменения (дополнительное образование) и др.¹ [1].

С учетом активизации процессов реализации межгосударственных проектов и необходимости оценки их влияния на интеграцию, а также отсутствия научных подходов к оценке социально-интеграционного эффекта реализации совместных проектов актуальным является дополнительное обоснование его содержания и алгоритма применения для развития инвестиционной деятельности в сфере образования в странах – участницах ЕАЭС.

Результаты и их обсуждение

В исследовании нами разработан методический подход к оценке проектов ГЧП в сфере образования в региональном объединении. *Основными отличиями предложенного здесь методического подхода от существующих в литературе и практике являются нижеперечисленные.*

1. Впервые для проектов ГЧП, включая проекты в сфере образования, поставлена задача и предложено ее решение по оценке социально-интеграционного эффекта проекта ГЧП в рамках ЕАЭС.

2. Раскрыто содержание понятия социально-интеграционного эффекта проекта ГЧП в сфере образования в рамках регионального объединения.

3. Предложены критерии определения социально-интеграционных эффектов проектов ГЧП в сфере образования с учетом авторской классификации проектов ГЧП, отражающие их вклад в различные виды единого экономического пространства ЕАЭС.

4. В соответствии с предложенными критериями определены количественные и качественные показатели социально-интеграционного эффекта проектов ГЧП в сфере образования в рамках регионального объединения.

Цель методической разработки состоит в выявлении и оценке возникающих социально-интеграционных эффектов проектов ГЧП в сфере образования, реализуемых странами – членами ЕАЭС на совместной основе.

Под социально-интеграционным эффектом проекта ГЧП в сфере образования понимается совокупность результатов (последствий) проекта в социальной сфере по различным направлениям интеграции, рассчитанных в соответствии с установленными критериями и их показателями во взаимосвязи с типом про-

¹ Маргилевская Е. В. Экономический механизм государственно-частного партнерства в сфере предоставления образовательных услуг в профессиональном образовании : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Ин-т эконом. и сервиса Федерал. гос. бюджет. образоват. учреждения высш. образования Уфимск. гос. техн. нефтяного ун-та. М., 2018. С. 8–9.

екта и выражаемых в дополнительных выгодах для стран-членов и регионального экономического объединения в целом.

Оценка социально-интеграционного эффекта – измеренное при помощи количественных и качественных показателей социальное воздействие проекта и его результатов на уровне интеграционного объединения.

Реализация методического подхода включает в себя три основных этапа, представленных на рис. 1.

Рис. 1. Алгоритм оценки социально-интеграционного эффекта от реализации проектов ГЧП в сфере образования

Так, в соответствии с алгоритмом оценки социально-интеграционного эффекта от реализации проектов ГЧП в сфере образования *на первом этапе* определяется *тип проекта ГЧП*.

1. ГЧП, ориентированное на инфраструктурное и ресурсное обеспечение сферы образования в ЕАЭС. Предполагает финансирование, проектирование, возведение, реконструкцию, реставрацию, ремонт, модернизацию, техническое обслуживание и эксплуатацию объектов совместной образовательной инфраструктуры (совместные учреждения образования, ресурсные центры и др.).

2. ГЧП, ориентированное на развитие навыков в соответствии с потребностями рынка труда Союза. Направлено на формирование актуальных зна-

ний и навыков в соответствии со спросом на компетенции и квалификацию граждан стран – членов ЕАЭС (сетевые учреждения образования, совместные экспертные советы по профессиональным навыкам, центры профессионального развития по приоритетным направлениям евразийской интеграции).

3. ГЧП, ориентированное на развитие системы образования и образовательного процесса в рамках интеграционного объединения. Предусматривает совместное участие в управлении образовательной деятельностью и совершенствование образовательного процесса (разработка совместных образовательных стандартов и программ, внедрение новых форм и моделей обучения в учреждениях образования ЕАЭС).

4. ГЧП, ориентированное на научную деятельность и инновации в условиях регионального экономического объединения. Предполагает создание совместной инновационной инфраструктуры в сфере образования, развитие механизмов взаимодействия между образованием, наукой и практикой, внедрение современных образовательных технологий в рамках ЕАЭС (евразийские технопарки, научно-образовательные консорциумы ЕАЭС, совместные цифровые образовательные платформы).

На втором этапе осуществляется оценка вклада проекта в интеграцию. Анализ социальной политики ЕАЭС и функциональное назначение проектов ГЧП в сфере образования позволяют выявить критерии оценки социально-интеграционного эффекта от их реализации.

1. Вклад в формирование единого образовательного пространства. В соответствии с нормативными правовыми актами¹ под *единым образовательным пространством* понимается общность принципов государственной политики в сфере образования, согласованность государственных образовательных стандартов, программ, стандартов и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров и программ, равные возможности и свободная реализация прав граждан на получение образования в образовательном учреждении на территории государств – участников интеграционного объединения.

В научных работах единое образовательное пространство ЕАЭС понимается как система социально-экономических и организационно-управленческих механизмов межгосударственного сотрудничества в области образования, основанная на единстве принципов, норм и требований к подготовке кадров².

¹ Концепция формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств ; Модельный образовательный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общая часть) ; Решение межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества «О межгосударственной программе реализации концепции формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств» (Москва, 29 ноября 2001 г.) и др.

² Чугрина М. А. Формирование единого образовательного пространства как фактор экономической интеграции стран ЕАЭС : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Федерал. гос. автоном. образоват. учреждения высш. образования «Российский университет дружбы народов». М. : РУДН, 2019. 31 с.

В качестве критериев, характеризующих формирование единого образовательного пространства, выделяются следующие: образовательная мобильность преподавателей и студентов, рост экспорта образовательных услуг в рамках регионального объединения, согласованность образовательных программ в ЕАЭС, создание совместной образовательной инфраструктуры и др. [2, 3].

С учетом вышеизложенного, вклад социальных проектов ГЧП в формирование единого образовательного пространства в ЕАЭС может выражаться в создании совместной образовательной инфраструктуры, повышении академической мобильности и др.

2. *Вклад в формирование единого научно-инновационного пространства.* На межгосударственном уровне единое научно-инновационное пространство рассматривается как элемент нивелирования проблем, связанных с существенными различиями в администрировании науки, законодательных инструментах регулирования научной и инновационной деятельности и механизмах внедрения научных разработок в экономику»¹.

Стратегическими направлениями научно-технологического развития ЕАЭС являются следующие: реализация согласованных государствами-членами совместных программ и высокотехнологичных проектов; стимулирование проведения научно-исследовательских работ на основе совместно определяемых приоритетов научно-технического прогресса; создание механизма реализации совместных инфраструктурных проектов, инвестиционных и научно-технологических консорциумов; формирование «территории инноваций» и др.²

В научной среде отмечается, что индикаторами высокой степени интегрированности в научно-технологической и инновационной сферах в виде научно-инновационного пространства являются сформированность евразийской инновационной системы, проведение согласованной научно-технологической политики, достаточно высокий уровень гармонизации национальных законодательств в рассматриваемой сфере и их согласованность с нормами интеграционного права, соотношение национальных стратегий и приоритетов в сфере научно-технологического и инновационного развития, реализация значимых интеграционных проектов.

Следует также отметить, что формирование евразийского научно-инновационного пространства тесно связано с *цифровым пространством Союза*, под которым понимается «пространство, интегрирующее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур, на основе норм регулирования, механиз-

¹ Михаил Мясникович предложил создать единое научно-инновационное пространство в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/mikhail-myasnikovich-predlozhit-sozdat-edinoe-nauchno-innovatsionnoe-prostranstvo-v-ramkakh-eaes-22/> (дата обращения: 21.07.2023).

² Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 22.07.2023).

мов организации, управления и использования»¹. В указанном аспекте важным является развитие цифровых технологий в науке и образовании стран – членов ЕАЭС, включая создание единой научно-образовательной сетевой инфраструктуры Союза, развитие цифровых сервисов науки и образования.

Таким образом, вклад проектов ГЧП в сфере образования отражает результаты инновационной деятельности, предусмотренной проектом, и может выражаться как в развитии исследовательско-технологической инфраструктуры, так и в создании условий для активизации совместных научно-исследовательских работ по социальной проблематике.

3. Вклад в формирование единого рынка труда. В научных исследованиях под *единым рынком труда* понимается, прежде всего, «совокупность экономических и социальных механизмов, норм, инструментов, обеспечивающих взаимодействие спроса на труд и его предложение на межгосударственном уровне, общие стандарты социально-трудовых отношений» [4, с. 53].

На межгосударственном уровне в качестве приоритетных направлений интеграции в сфере трудовой миграции являются дальнейшее обеспечение свободного передвижения трудовых ресурсов в рамках Союза, содействие трудоустройству и занятости трудящихся в государствах-членах, проведение сопоставимости образовательных систем и программ государств-членов и др.²

В ЕАЭС придается высокое значение развитию кадрового потенциала и образовательному сотрудничеству в целях формирования высококвалифицированного единого рынка труда. В этих целях реализуется ряд инициатив и проектов по следующим направлениям: запускаются магистерские программы в области евразийской интеграции (программа «Евразийская интеграция» Томского государственного университета и Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова), создаются сетевые структуры, направленные на формирование и развитие компетенций для конкурентоспособных экономик стран-членов (Евразийский сетевой университет, World Skills Eurasia), включая финансовый рынок ЕАЭС (Сетевой финансовый институт), формируются научные кадры (Евразийский сектор на базе НИУ ВШЭ) и аналитики в области евразийской экономической интеграции (Евразийский информационно-аналитический консорциум – ЕИАК) и др.

Следовательно, вклад проектов ГЧП в формирование единого рынка труда может выражаться в создании условий и формировании организационных структур, направленных на развитие компетенций, непрерывное образование кадров Союза, сохранение талантливых специалистов стран – членов ЕАЭС в соответствии с потребностями единого рынка труда.

4. Вклад в развитие рынка капитала. Инвестиционное сотрудничество стран ЕАЭС является одним из ключевых факторов развития евразийской эко-

¹ Об основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2026 года [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения: 21.07.2023).

² Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

номической интеграции. Поэтапная либерализация условий осуществления инвестиций закреплена в Договоре о ЕАЭС, а улучшение делового и инвестиционного климата с учетом наилучших международных и национальных практик выступает одной из мер реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

В научных исследованиях в качестве ключевых направлений развития инвестиционной деятельности в рамках интеграционного объединения выделяются такие, как гармонизация национальных законодательств государств – членов ЕАЭС в сфере регулирования инвестиционной деятельности, улучшение инвестиционного и делового климата в странах ЕАЭС, формирование общего финансового рынка стран ЕАЭС и др. [5].

Важнейшими и наиболее значимыми показателями инвестиционного сотрудничества в рамках ЕАЭС являются взаимные прямые иностранные инвестиции. Значительное внимание в странах – членах ЕАЭС уделяется социальному инвестированию, предполагающему объединение ресурсов для решения социальных проблем и реализации социальных проектов с целью достижения социального результата. Социальные инвестиции направлены на достижение социальных результатов и повышение эффективности социальной политики регионального объединения, в частности, в таких областях, как социальная защита, занятость, здравоохранение, культура, образование и др. С целью реализации такого рода проектов создаются фонды социальных программ, ассоциации социальных предпринимателей, используются различные финансовые инструменты (крупфайдинг, облигации социального воздействия, Social Impact Bond) и др.

С учетом вышеизложенного, вклад проектов ГЧП в сфере образования в развитие инвестиционного сотрудничества может выражаться в росте взаимных инвестиций в образовательные проекты, а также в развитии методических основ планирования, отбора и финансирования такого рода проектов.

5. *Вклад в достижение ЦУР.* Реализация ЦУР на евразийском пространстве осуществляется на уровне отдельных государств и интеграционного процесса в рамках ЕАЭС. В настоящее время в ЕАЭС разработана Методика оценки инклюзивности экономик государств – членов ЕАЭС, в 2019 г. ЕЭК опубликован статистический сборник по показателям достижения ЦУР в регионе ЕАЭС, организовывается региональный форум ЕАЭС по ЦУР ООН.

Следует отметить, что ЦУР 4 (качественное образование) рассматривается во взаимосвязи с ЦУР 8 (обеспечение занятости) и ЦУР 9 (создание инновационной инфраструктуры), а для оценки достижения вышеуказанных ЦУР используются следующие показатели¹:

– обеспеченность школ основными услугами, коэффициент охвата средним

¹ Методика оценки инклюзивности экономик государств – членов ЕАЭС года [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1fb/Protokol-NTS.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

образованием, ожидаемая продолжительность обучения, гендерный паритет учащихся и др. (ЦУР 4);

– динамика реального валового внутреннего продукта на одного занятого, уровень безработицы и др. (ЦУР 8);

– расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, количество исследователей, производительность труда; уровень занятости и др. (ЦУР 9).

Соответственно, вклад проектов ГЧП в достижение ЦУР позволяет установить влияние проекта на ЦУР 4 в части повышения доступности образовательной инфраструктуры и услуг для граждан ЕАЭС во взаимосвязи с такими областями, как обеспечение занятости и создание инновационной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что с учетом специфики проектов ГЧП в сфере образования при оценке социально-интеграционного эффекта может быть использован как один, так и несколько (все) критериев.

С учетом вышеизложенного, представим потенциальный вклад проектов ГЧП в сфере образования в интеграцию (рис. 2).

Для оценки социально-интеграционного эффекта проектов ГЧП в сфере образования могут быть использованы показатели, описанные в табл. 1.

Необходимо отметить, что не все показатели могут быть оценены на этапе инициации проекта и в зависимости от цели оценки могут быть использованы на этапе реализации проекта. Кроме того, сами показатели тесно связаны между собой, т. е. один и тот же показатель может одновременно вносить вклад в различные направления интеграции.

При проведении оценки вклада проекта ГЧП в сфере образования в интеграцию осуществляется выбор соответствующих ему показателей.

На третьем этапе выполняется интерпретация значений показателей социально-интеграционного эффекта проекта ГЧП в сфере образования в региональном объединении в соответствии с табл. 2.

При оценке сравнительного преимущества либо необходимости рассмотрения альтернативных проектов значения показателей сравниваются. На основе этого и с учетом приоритетов интеграционного объединения формируется предпочтительность проекта по сравнению с остальными в рамках выбранных показателей и критериев вклада.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время апробация методического подхода затруднена незначительным количеством межгосударственных проектов ГЧП в сфере образования, а также информации по ним. Сетевые формы ГЧП в сфере образования в ЕАЭС, такие как Евразийский сетевой университет (далее – ЕСУ), Евразийский финансовый университет и другие только начинают получать свое распространение.

Несмотря на это, можно уже говорить о потенциальном социально-интеграционном эффекте от создания, в частности, Евразийского сетевого университета. Модель сетевого университета повторяет аналогичные проекты, созданные под эгидой Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых

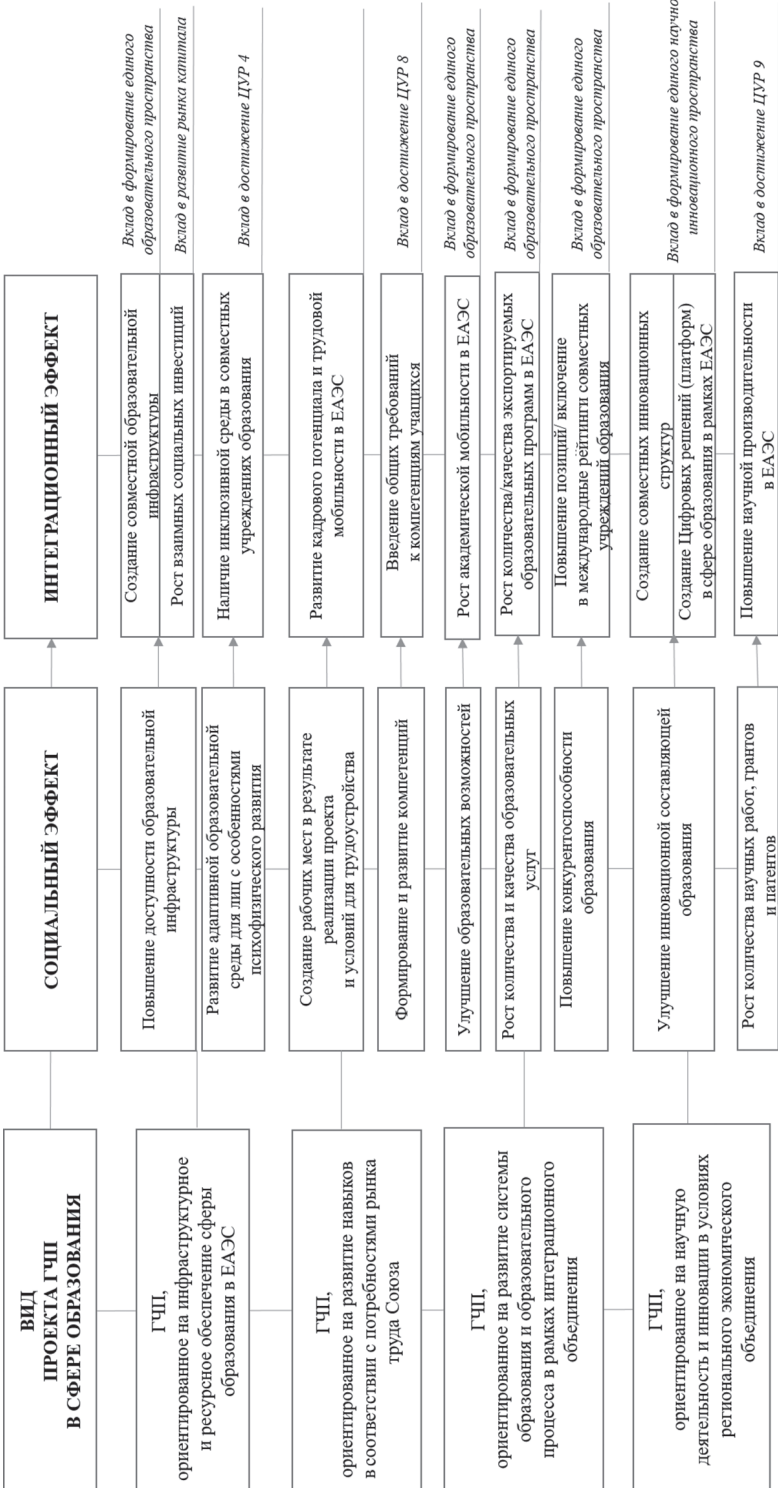

Рис. 2. Вклад проектов ГЧП в сфере образования в интеграцию

Таблица 1. Показатели социально-интеграционного эффекта проектов ГЧП в сфере образования

Критерий	Эффект	Показатель
Вклад проекта в формирование единого образовательного пространства	Создание совместной образовательной инфраструктуры	Количество совместно создаваемой инфраструктуры, единиц
	Повышение позиций/ включение в международные рейтинги совместных учреждений образования	Количество включенных в международные рейтинги совместных учреждений образования, единиц
	Рост академической мобильности в ЕАЭС	Численность студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из государств – членов ЕАЭС (на начало учебного года) человек
		Количество выданных двойных дипломов, единиц
	Рост количества/качества экспортируемых образовательных программ в ЕАЭС	Количество совместно реализуемых/согласованных образовательных программ, единиц
Вклад проекта в формирование единого научно-технологического пространства	Создание совместных инновационных структур	Количество научно-образовательных мероприятий, заключенных межвузовских соглашений и меморандумов, единиц
	Создание цифровых решений (платформ) в сфере образования в рамках ЕАЭС	Количество созданных совместных инновационных структур, единиц
		Количество созданных совместных цифровых решений, единиц
Вклад проекта в развитие рынка капитала		Процентное соотношение взаимных социальных инвестиций в проект от стран-членов ЕАЭС, %
	Рост взаимных социальных инвестиций	Наличие методик планирования и реализации проектов, стандартов и организационных структур в области ГЧП в сфере образования в рамках ЕАЭС

Окончание табл. 1

Критерий	Эффект	Показатель
Вклад проекта в формирование единого рынка труда	Развитие кадрового потенциала и трудовой мобильности в ЕАЭС	Количество создаваемых рабочих мест в соответствии с Проектом (количество людей, прямо или косвенно занятых в реализации проекта), единиц
		Численность выпускников, работающих на совместных предприятиях, человек
		Наличие совместных центров развития карьеры, оказывающих образовательные услуги, предлагающие планы обучения / карьерного развития в рамках ЕАЭС
		Наличие межгосударственного кадрового реестра ЕАЭС, предоставляющего доступ к образовательному контенту и программам стран – членов ЕАЭС / осуществляющего мониторинг компетенций и оценку квалификации кадров стран – членов Союза
Вклад проекта в достижение ЦУР	Создание безбарьерной образовательной среды в совместных учреждениях образования	Количество безбарьерной среды в совместных учреждениях образования / сервисов, единиц
	Введение общих требований к компетенциям учащимся	Наличие общих требований к компетенциям учащихся
	Повышение научной производительности в ЕАЭС	Количество опубликованных научных работ в соответствии с Проектом, единиц
		Количество зарегистрированных научных журналов, единиц
		Количество совместных патентов и опубликованных патентных заявок, работ в соответствии с Проектом, единиц

Таблица 2. Интерпретация значений показателей социально-интеграционного эффекта проекта государственно-частного партнерства в сфере образования в региональном объединении

Показатель	Значение показателя**	Экспертная оценка*	
		Присваиваемый балл***	Вклад в интеграцию
Вклад проекта в формирование единого образовательного пространства			
Количество совместно создаваемой образовательной инфраструктуры, единиц	В соответствии с проектом	0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество включенных в международные рейтинги совместных учреждений образования, единиц		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Численность студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из государств – членов ЕАЭС (на начало учебного года), человек		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество выданных двойных дипломов, единиц		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество совместно реализуемых/согласованных образовательных программ, единиц		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество научно-образовательных мероприятий, заключенных межвузовских соглашений и меморандумов, единиц	0	Отсутствует	
	3	Умеренный	
	5	Высокий	
Вклад проекта в формирование единого научно-технологического пространства			
Количество созданных совместных инновационных структур, единиц	В соответствии с проектом	0	отсутствует
		3	умеренный
		5	высокий
Количество созданных совместных цифровых решений (платформ) и сервисов, единиц		0	отсутствует
		3	умеренный
	5	высокий	
Вклад проекта в развитие рынка капитала			
Процентное соотношение взаимных социальных инвестиций в проект от стран-членов ЕАЭС, %****	40	0	Низкий
	60–80	3	Умеренный
	100	5	Высокий
Наличие методик планирования и реализации проектов, стандартов и организационных структур в области ГЧП в сфере образования в рамках ЕАЭС	Отсутствие	0	Отсутствует
	Наличие	5	Высокий
Вклад проекта в формирование единого рынка труда			
Количество создаваемых рабочих мест в соответствии с Проектом (количество людей, прямо или косвенно занятых в реализации проекта), человек	В соответствии с проектом	0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий

Окончание табл. 2

Численность выпускников, работающих на совместных предприятиях, человек	В соответствии с проектом	0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Наличие совместных центров развития карьеры, оказывающих образовательные услуги, предлагающие планы обучения / карьерного развития в рамках ЕАЭС	Отсутствие	0	Отсутствует
	Наличие	5	Высокий
Наличие межгосударственного кадрового реестра ЕАЭС, предоставляющего доступ к образовательному контенту и программам стран-членов ЕАЭС / осуществляющего мониторинг компетенций и оценку квалификации кадров стран – членов Союза	Отсутствие	0	Отсутствует
	Наличие	5	Высокий
Вклад проекта в достижение ЦУР			
Количество безбарьерной среды в совместных учреждениях образования / сервисов, единиц	В соответствии с проектом	0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Наличие общих требований к совместным образовательным программам и компетенциям учащихся	Отсутствие	0	Отсутствует
	Наличие	5	Высокий
Количество опубликованных научных работ в соответствии с Проектом, единиц	В соответствии с проектом	0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество зарегистрированных научных журналов, единиц		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий
Количество совместных патентов и опубликованных патентных заявок, работ в соответствии с Проектом, единиц		0	Отсутствует
		3	Умеренный
		5	Высокий

* Экспертная оценка может осуществляться государственными органами, органами ЕАЭС, инициаторами проекта и иными уполномоченными и заинтересованными в оценке структурами.

** Значение *количественных* показателей приводится в соответствии с документами по проекту (техничко-экономическим обоснованием, планами работы) либо результатами проекта в зависимости от этапа реализации проекта, на котором осуществляется оценка. Значение *качественных* показателей осуществляется по принципу выполнения/невыполнения показателя по проекту.

*** Оценка осуществляется на основе присвоения баллов, где «0» – показатель не выполняется, «3» – показатель выполняется не в полном объеме (ниже заявляемых значений по проекту) либо имеет среднее значение в сравнении с аналогичными проектами, «5» – показатель выполнен в полном объеме (выше заявляемых по проекту значений) либо выше в сравнении с аналогичными проектами. Каждому присваиваемому баллу соответствует вербальный аналог, отражающий вклад показателя по различным направлениям интеграции.

**** Значение показателя «40 %» указывает на участие в проекте двух стран – членов ЕАЭС, «60–80 %» – трех-четырех стран Союза, «100 %» – всех стран ЕАЭС.

Государств и БРИКС. Основной миссией университета является установление связей между различными акторами в рамках ЕАЭС: «между вузами, вузами и публичной властью, бизнесом, общественными организациями, организациями культуры, академическими структурами»¹.

Основными задачами ЕСУ являются:

- организация и реализация текущей и опережающей подготовки квалифицированных кадров в сетевой форме в соответствии с существующими и перспективными потребностями рынка труда ЕАЭС;
- проведение постоянного мониторинга и анализа существующих и прогнозирования перспективных потребностей в квалифицированных кадрах на рынке труда ЕАЭС;
- организация и реализация передовых научных исследований;
- внедрение подходов и инструментов, обеспечивающих свободное перемещение образовательных услуг и подготовку кадров в рамках ЕАЭС и др.

ЕСУ представляет собой научно-образовательный консорциум без образования юридического лица. Структурные подразделения ЕСУ закреплены за конкретными вузами – участниками Меморандума о взаимопонимании по созданию ЕСУ².

Рассмотрим, представленный методический подход к оценке социально-интеграционного эффекта от создания ЕСУ.

Во-первых, определим тип проекта ГЧП. Так, ЕСУ в соответствии с целями и задачами деятельности относится к ГЧП, ориентированному на развитие навыков в соответствии с потребностями рынка труда Союза.

Во-вторых, оценим вклад ЕСУ в интеграцию. С учетом информации, представленной на сайте ЕСУ, а также содержащейся в проекте Плана работы ЕСУ на 2023/24 учебный год, потенциальный вклад ЕСУ в интеграцию будет заключаться в следующем:

1. Вклад в формирование единого образовательного пространства:

а) создание совместной образовательной инфраструктуры. Несмотря на то что ЕСУ сформирован как научно-образовательный консорциум, его структурные подразделения закреплены за вузами-участниками. В рамках ЕСУ предполагается развитие приоритетных образовательных и научных проектов на евразийском пространстве, которые будут работать на базе центров компетенций: Центр научного сотрудничества, Центр IT-технологий, Центр компетенций (депозитарий), Центр образовательных программ и методического обеспечения, а также Центр стратегического развития и международного сотрудничества;

б) рост количества/качества экспортируемых образовательных программ

¹ ЕСУ / Евразийский сетевой университет [Электронный ресурс]. URL: <http://esuniversity.ru/o-nas/> (дата обращения: 22.07.2023).

² Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/79d/25.05.2022-g-Memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sozdaniyu-Earziyskogo-setevogo-universiteta.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).

в ЕАЭС. В настоящее время информация по разработанным совместным программам отсутствует. Вместе с этим в течение 2023–2024 гг. будут разработаны:

- магистерская образовательная программа по направлению 30.04.02 – Менеджмент «Управление внешнеэкономической деятельностью организации в рамках ЕАЭС»;

- программа дополнительной профессиональной подготовки «Стратегическое планирование и макроэкономическое прогнозирование: теоретические основы и практики ЕАЭС»;

- учебно-методическая программа обучения магистрантов по техническим специальностям».

В рамках ЕСУ в марте 2023 г. уже был проведен первый Форум ЕСУ. Планируется организация и проведение первого Форума образования, науки и бизнеса под эгидой ЕСУ, а также организация и участие в XIII Евразийском экономическом форуме и XV Евразийском научном форуме.

2. Вклад в формирование единого научно-технологического пространства:

- создание цифровых решений (платформ) в сфере образования в рамках ЕАЭС. В настоящее время разработан официальный сайт ЕСУ и осуществляется его наполнение. Планируется создание электронной базы научных журналов вузов – участников ЕСУ;

- в перспективе будут разработаны онлайн программы (дистанционного образования), а также осуществлена цифровизация в сфере работы с документами об образовании и проверке их подлинности.

3. Вклад в развитие рынка капитала: рост взаимных социальных инвестиций. Если при подписании Меморандума о взаимопонимании по созданию ЕСУ принимали участие только Беларусь, Россия и Кыргызстан, то в настоящее время участниками ЕСУ являются учреждения высшего образования всех стран – членов ЕАЭС.

4. Вклад проекта в формирование единого рынка труда. Очевидно, что создание ЕСУ нацелено на профессиональную подготовку кадров для единого рынка труда ЕАЭС. Вместе с этим по причине того, что ЕСУ только формируется, на данном этапе оценить его вклад в это направление интеграции не представляется возможным.

5. Вклад проекта в достижение ЦУР: повышение научной производительности в ЕАЭС. В ЕСУ в 2023–2024 гг. планируется разработка научного журнала.

В-третьих, определим потенциальный социально-интеграционный эффект от создания ЕСУ с учетом оценки вклада ЕСУ в интеграцию и имеющихся данных (табл. 3).

Таким образом, несмотря на то что ЕСУ функционирует только один год, можно уже утверждать о его существенном вкладе по различным направлениям интеграции. В настоящий период наиболее высокий социально-интеграционный эффект наблюдается во вкладе ЕСУ в формирование единого образовательного пространства и развитие рынка капитала, что обусловлено развернутой структурой подразделений ЕСУ, а также инвестициями и участием в образо-

Таблица 3. Социально-интеграционный эффект ЕСУ

Показатель	Значение показателя	Экспертная оценка*	
		Присваиваемый балл	Вклад в интеграцию
Вклад проекта в формирование единого образовательного пространства			
Количество совместно создаваемой образовательной инфраструктуры, единиц	27**	5	Высокий
Количество совместно реализуемых/согласованных образовательных программ, единиц	3	3	Умеренный
Количество научно-образовательных мероприятий, заключенных межвузовских соглашений и меморандумов, единиц	4	3	Умеренный
Вклад проекта в формирование единого научно-технологического пространства			
Количество созданных совместных цифровых решений (платформ) и сервисов, единиц	2	3	Умеренный
Вклад проекта в развитие рынка капитала			
Процентное соотношение взаимных социальных инвестиций в проект от стран-членов ЕАЭС, %	100	5	Высокий
Вклад проекта в достижение ЦУР			
Количество зарегистрированных научных журналов, единиц	1	3	Умеренный

* Оценка проведена исходя из анализа практики реализации аналогичных проектов.

** По состоянию на март 2023 г. создано 22 структурных подразделения ЕСУ и 5 центров компетенций.

Пр и м е ч а н и е. Таблица составлена на основе ¹.

вательном проекте всех стран – членов ЕАЭС. Идет поэтапное и системное движение в направлении обеспечения вклада в единое научно-технологическое пространство и ЦУР. С учетом этапа институционального оформления ЕСУ, отсутствия данных о распределении квот на подготовку студентов из стран ЕАЭС и информации об их трудоустройстве оценка вклада в формирование единого рынка труда сегодня затруднена. Полагаем, что более полную оценку вклада в указанные направления интеграции можно будет дать на последующих этапах формирования и деятельности ЕСУ.

Выводы

1. Предлагаемый методический подход представляет собой новый взгляд на оценку социального влияния проектов ГЧП в сфере образования в рамках регионального объединения и служит основой для сравнения и приоритизации альтернативных проектов. Включение количественных и качественных показателей в оценку такого рода проектов будет способствовать эффективности принятия решений по их реализации.

¹ Предварительный план работы научно-образовательного консорциума «ЕСУ» на 2023–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://esuniversity.ru/o-nas/> (дата обращения: 24.07.2023).

2. Основными результатами применения рассмотренного в исследовании методического подхода будут следующие: унификация терминологии и перечня показателей социально-интеграционного эффекта проектов ГЧП в сфере образования в рамках интеграционного объединения, а также подходов к их определению; сравнение альтернативных (взаимоисключающих) проектов и (или) сравнительного преимущества, их приоритизация; принятие решений о поддержке и реализации проекта, а также оценки социальных последствий реализации проекта в рамках ЕАЭС.

3. Оценка социально-интеграционного эффекта проектов ГЧП в зависимости от их вида может осуществляться: на прединвестиционной стадии, в том числе при разработке предложения о реализации проекта ГЧП, в целях оценки потенциальных эффектов от проекта; на стадии реализации в целях осуществления мониторинга и контроля исполнения обязательств по проекту, а также своевременного выявления отклонений по проекту; на стадии завершения в целях определения степени достижения стратегических целей проекта.

4. Апробация методического подхода на примере ЕСУ позволила выявить потенциальный социально-интеграционный эффект от реализации образовательного проекта, включая его вклад в формирование единого образовательного пространства, единого научно-технологического пространства, развитие рынка капитала и достижение ЦУР в соответствии с этапом реализации.

5. С учетом тенденции углубления межгосударственного сотрудничества, появления новых форм взаимодействия, система показателей вклада проектов ГЧП в сфере образования в интеграцию может быть усовершенствована и дополнена. Включение критерия прогресса в достижении ЦУР и ее задач в оценку проектов ГЧП в сфере образования в рамках ЕАЭС позволит дополнительно оценивать их влияние на ЦУР 4, 8 и 9.

Список использованных источников

1. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России / О. В. Лешуков [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. – М. : НИУ ВШЭ, 2017. – 30 с.
2. Константинова, Л. В. Эффективность интеграционных процессов в сфере образования стран – членов ЕАЭС / Л. В. Константинова, Е. В. Шубенкова, Е. А. Войкина // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 35–38.
3. Титаренко, Л. Г. Интеграционные образовательные процессы в евразийском измерении / Л. Г. Титаренко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 51. – С. 1087–1090.
4. Осадчая, Г. И. Формирование единого рынка труда евразийского экономического союза: эффекты для России / Г.И. Осадчая // Соис (Социологические исследования). – 2017. – № 11. – С. 53–64.
5. Абрамов, В. Л. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств – членов ЕАЭС в инвестиционной сфере / В. Л. Абрамов, П. В. Алексеев // Финансы: теория и практика. – 2017. – № 4. – С. 116–125.

Поступила 26.07.2023

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ASSESSMENT
OF THE SOCIO-INTEGRATION EFFECT OF THE IMPLEMENTATION
OF JOINT PROJECTS OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
IN THE FIELD OF EDUCATION IN THE EAEU

Ye. V. Tuleika

e_tulejko@mail.ru

Head of the Global Economy Sector of the World Economy Center
of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents a methodological approach to assessing the social-integration effect of the implementation of joint projects of public-private partnership in the field of education in the EAEU, defines the concept of social-integration effect of PPP project in the field of education within the regional association, substantiates the purpose, algorithm and evaluation criteria, and tests the methodological approach on the example of the Eurasian Network University.

Keywords: public-private partnership, Eurasian Economic Union, Eurasian Network University, methodological approach, education, evaluation, project, social-integration effect.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-146-159>

УДК 330.15

JEL Q57

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ

Д. В. Самцова

samtsova_d@mail.ru

аспирант Института экономики Национальной академии наук Беларуси
младший научный сотрудник сектора эколого-экономических исследований
Центра человеческого развития и демографии Института экономики
Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлен анализ исторического развития концепции экосистемных услуг, систематизированного в пять последовательных этапов: господство концепции энвайронментализма, переход к экономике природопользования, начало профильных научных исследований и практическое применение концепции экосистемных услуг, широкая интеграция концепции в «зеленую» экономику, стремление к устойчивому развитию. Выявлены актуальные направления современных научных исследований в области экосистемных услуг.

Ключевые слова: экосистемные услуги, зарубежный опыт, оценка экосистемных услуг, классификация экосистемных услуг.

Для цитирования: Самцова, Д. В. Эволюция концепции экосистемных услуг / Д. В. Самцова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 7. – С. 146–159. <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2023-7-146-159>

Введение

В конце 1990-х годов научное сообщество столкнулось с проблемой недооценки роли природных ресурсов, существующих в виде уникальных и незаменимых экосистем, что обусловило необходимость разработки новых методов и подходов к оценке и учету этих ресурсов. В ответ на указанную проблему сформировалась концепция экосистемных услуг, призванная выявить и оценить разнообразные выгоды, которые приносят экосистемы человечеству.

Определение термина «экосистемные услуги» в настоящее время вызывает активные дискуссии в научном сообществе, и сравнение различных определений этого понятия представляет собой важную задачу в области управления природными ресурсами. Наиболее известной и общепринятой интерпретацией экосистемных услуг (далее – ЭУ) является определение их как выгод, которые

человек получает от нормально функционирующих экосистем. Данные выгоды включают в себя следующие виды услуг: обеспечивающие (сырье, продукты питания, чистая вода), регулирующие (регулирование наводнений и засух; контроль болезней растений, животных и человека), поддерживающие (круговорот веществ, почвообразование), культурные (рекреационные, духовные и другие нематериальные блага).

В числе зарубежных ученых, занимавшихся исследованием ЭУ, следует выделить G. C. Daily, B. Burkhard, F. Muller, D. Pearce, J. Maes, R. Constanza. В странах Содружества Независимых Государств в данной области отмечаются работы Е. П. Кузьмичева, А. Е. Назаренко, Р. А. Перелет, А. Ш. Ходжаева, С. Н. Бобылева. Основной вклад в исследование экосистемных услуг в Беларуси внесли А. В. Неверов [1], О. А. Варапаева [2], О. В. Тишкович и В. М. Яцухно [3], Е. В. Лаевская [4] и др.

Изучение истории развития концепции экосистемных услуг позволяет проследить эволюцию знаний о роли экосистем в обеспечении человеческого благополучия. На фоне расширения последствий экологических проблем это знание способствует адаптации научных подходов и принятию более обоснованных решений в управлении окружающей средой.

Цель работы – изучить историю развития концепции экосистемных услуг.

Результаты и их обсуждение

Систематизация научной литературы позволила выделить пять этапов эволюции научных теорий и определения экосистемных услуг, начиная с 1960-х годов (см. рисунок).

Энвайроментализм (1960–1970 гг.). Со второй половины 1960-х годов формированию концепции экосистемных услуг способствовало развитие и дальнейшее господство в научных кругах течения энвайроментализма – философско-социальной теории, которая акцентирует внимание на значимости окружающей природной среды и ее взаимосвязи с человеком. Это десятилетие характеризуется первыми общественными акциями по охране окружающей среды и соответствующими публикациями в научной и научно-популярной сферах (Р. Карсон «Тихая весна», 1962 г.). В разных странах получает развитие природоохранное законодательство. Так, в США в 1963 г. принят Закон о чистом воздухе, первый и основополагающий законодательный акт в области охраны окружающей среды, а в 1970 г. создано Агентство по охране окружающей среды США (EPA USA).

Первым общепризнанным упоминанием термина «экосистемные услуги» считается научный труд «Вымирание: причины и последствия исчезновения видов», опубликованный в 1981 г. [6]. Однако проведенный нами анализ научной литературы показал, что предпосылки к формированию понятия «экосистемные услуги» были заложены ранее в трудах Р. Карсона «Тихая весна» (1962 г.) и Д. Медоуз «Пределы роста» (1972 г.). В первой работе поднимается

Энвайроментализм (1960–1970 гг.)	• первые общественные акции в защиту окружающей среды; • научные и научно-популярные публикации о роли окружающей среды в жизнедеятельности человека; • первые законы в области охраны окружающей среды; • возрастание интереса к проблемам окружающей среды
Экономика природопользования (1971–1980 гг.)	• начало этапа ознаменовано нефтяным кризисом и публикацией Р. Карсона «Тихая весна»; • господство экономики природопользования; • первые заявления о необходимости разработки концепции устойчивого развития
Экологическая экономика (1981–1990 гг.)	• детализация законодательства в области охраны окружающей среды в части ответственности за ущерб; • первое самостоятельное употребление термина «экосистемные услуги»; • первая научная работа по оценке экосистем; • первое практическое применение стоимостной оценки экосистемных услуг
Зеленая экономика (1990–2014 гг.)	• развитие концепции зеленой экономики; • развертывание междисциплинарных исследований в области оценки экосистемных услуг, разработка схем платежей за экосистемные услуги; • закрепление экосистемных услуг в экологических политиках разных стран
Устойчивое развитие (2015 г. – настоящее время)	• развитие концепции устойчивого развития и принятие Целей устойчивого развития; • широкое применение геоинформационных систем и систем дистанционного зондирования; • развитие глобальных платформ и баз данных; • широкое применение стоимостных оценок экосистемных услуг и внедрение схем платежей за экосистемные услуги

Этапы развития концепции экосистемных услуг, 1960 г. – настоящее время.

П р и м е ч а н и е. Рисунок создан на основе [5]

вопрос о негативном влиянии химических пестицидов, особенно ДДТ, на экосистемы и здоровье человека. Р. Карсон доказывает, что применение пестицидов вызывает загрязнение водных источников и почв, и, как следствие, сокращение биоразнообразия. Подчеркивается важность понимания взаимосвязей между компонентами окружающей среды и аккуратного использования химических веществ с целью сохранения экосистемных услуг. Во второй работе отражены аспекты предела роста человеческой экономики, связываемые с ограниченными ресурсами планеты. Автор предостерегает от бесконтрольного потребления ресурсов, что может привести к истощению ключевых обеспечивающих ЭУ, таких как чистая вода и плодородная почва. Д. Медоуз отмечает важность устойчивого подхода с целью обеспечения долгосрочного благополучия планеты и сохранению ЭУ для будущих поколений.

В работе К. Boulding обозначена регулирующая роль экосистемных услуг – аккумуляция и переработка отходов экосистемами, в то время как ранее эко-

системы изучались лишь как источник обеспечивающих услуг¹. Культурные экосистемные услуги рассматривались в работе J. V. Krutilla, в которой утверждалось, что человек ценит чудеса природы просто за их существование, а общество получает полезный эффект через косвенное использование природных территорий [7].

Не обозначая экосистемные услуги как отдельную концепцию, экологи впервые начали предлагать методики оценки вклада природных ресурсов в экологию. Так «энергетический анализ», автором которого является Н. Т. Odum, основан на принципах термодинамики, согласно которым солнечная энергия считается единственным первичным вкладом в экосистему Земли. Данный подход предполагает, что ценность вклада солнечной энергии определяется не предпочтениями человека, а непосредственно общей объективной оценкой вклада экосистемы, подвергаемой воздействию солнечной энергии, в благополучие человека [8].

Экономика природопользования (1971–1980 гг.). Данная экономическая теория, сосредоточенная на оптимальном управлении природными ресурсами и экосистемами, стала решением задачи срочной разработки эффективных стратегий управления природными ресурсами, вызванной резким ухудшением состояния окружающей среды во второй половине XX в. Период с 1970 г. по 1980-е годы отмечается серьезными экологическими кризисами, связанными с загрязнением воздуха, воды и почв, сокращением биоразнообразия и т. д. Индустриализация и рост потребления природных ресурсов привел к осознанию, что чрезмерное их использование и нерациональное управление экосистемами могут привести к серьезным негативным последствиям для человека и окружающей среды.

Появление экономики природопользования оказало значительное воздействие на развитие мирового хозяйства. Эта теория способствовала формированию устойчивых методов природопользования, стимулировала инновации в области экологических технологий и разработку экономических механизмов, направленных на сохранение природных ресурсов. Внедрение принципов экономики природопользования способствовало переходу к более устойчивому и ответственному использованию природных ресурсов в различных секторах экономики, в первую очередь в энергетике, сельском и лесном хозяйстве.

Десятилетие 1970-х годов началось с нефтяного кризиса в 1973 г. и предшествующей ему публикации «Пределы роста» для Римского клуба. В качестве ответа на данную публикацию экономистом Н. Daly была предложена концепция «экономики устойчивого состояния», в которой подчеркивалось, что экономика как сфера деятельности человека является лишь составной частью глобальной мировой экосистемы. В ограниченных территориальных и ресурсных рамках

¹ Boulding K. E. The Economics of the coming spaceship Earth [Electronic resource] // The College of Natural Sciences. The University of Texas. URL: http://arachnid.biosci.utexas.edu/courses/THOC/Readings/Boulding_SpaceShipEarth.pdf (date of application: 29.08.2023).

экономика не может расти вечно, потому в конце концов перед человечеством возникнет необходимость приведения всей деятельности на рельсы устойчивого состояния [9].

Н. Т. Odum обобщил свои идеи, полученные в результате изучения энергии, циркулирующей в экосистемах, и ее роли в решении социально-экономических проблем, в монографии «Окружающая среда, сила и общество», что также ознаменовало собой выход исследований на междисциплинарный уровень [10].

Необходимо отметить, что экономисты этого периода выступали против энергетического подхода, ссылаясь на то, что стоимость услуг определяется исключительно готовностью платить, а не количеством энергии, затраченной на их производство. Особой популярностью в тот период пользовалось направление экономики окружающей среды. Объектами исследования обычно выступали значимые в экономике источники природных ресурсов: лес, месторождения полезных ископаемых, ресурсы растительного и животного мира. При этом окружающая среда рассматривалась и как среда, через которую протекали потоки отходов, и как источник услуг. Однако уже в следующем десятилетии это искусственное разделение окружающей среды и природных ресурсов было опровергнуто.

В указанный период все больше исследователей стали переносить экологические проблемы в экономическое поле с целью подчеркнуть зависимость общества от окружающей среды и повысить интерес руководящих лиц и общественности к проблемам сохранения биоразнообразия. В защиту своего мнения исследователи утверждали, что внедрение концепции ЭУ необходимо для демонстрации того, как снижение биоразнообразия влияет на функции экосистем, от которых зависит благосостояние людей.

Экологическая экономика (1981–1990 гг.). Оформившаяся в конце 1970-х годов экологическая экономика способствовала закреплению в общественном сознании тезиса о необходимости охраны окружающей среды. Исследования в этой области повлияли на изменение поведения бизнеса в сторону более ответственного отношения к окружающей среде. Идеи, развиваемые экологической экономикой, оказали влияние на политические решения и законодательство во многих странах, что проявилось, например, в принятии законов об охране окружающей среды в целом и отдельных ее компонентов в частности и внедрении экономических механизмов регулирования выбросов.

В начале 1980-х годов возрос интерес к оценочным исследованиям экосистемных услуг. Так, в США был принят Закон о комплексных мерах по реагированию на окружающую среду, компенсации и ответственности (CERCLA), который установил ответственность за ущерб, нанесенный окружающей среде в результате выбросов загрязняющих веществ. Вместе с этим вышел Указ Президента США от 17 февраля 1981 г. № 12911, согласно которому все ключевые нормативно-правовые акты подлежали экспертизе и анализу затрат и выгод, вызванных их реализацией. При этом по вопросу наличия взаимосвязи между энергозатратами на производство, определению стоимости и итоговой цены

все еще существовали разногласия между экологами и экономистами. Однако вместе с тем это десятилетие ознаменовалось первой научной работой по оценке экосистем, написанной совместно представителями экономических и экологических наук [11]. Кроме впервые самостоятельного употребления термина «экосистемные услуги» в монографии «Вымирание: причины и последствия исчезновения видов» Р. R. Ehrlich, отмечается практическое применение стоимостной оценки ЭУ при оценке ущерба, принесенного окружающей среде в результате разлива нефти при аварии танкера Exxon Valdez в 1989 г.¹

Концепция экосистемных услуг и связанная с ним концепция природного капитала расширили понимание значения окружающей среды для нормальной жизнедеятельности человека. Именно благодаря исследованиям, появившимся в этот период, в общественном сознании закрепилось понимание того, что экосистемы являются таким же естественным капиталом, как человеческий, социальный, экономический и др.

Зеленая экономика (1990–2014 гг.). К началу XX в. научное сообщество организованно пришло к пониманию взаимосвязи между экосистемными услугами и благосостоянием человека (см. таблицу). Благосостояние подразумевает наличие пяти основных компонентов: базовые материальные потребности, здоровье, хорошие социальные отношения, безопасность и свободу выбора и действий. Последний компонент находится под влиянием других составляющих благосостояния, подразумевая, что ощущение безопасности, хорошего здоровья, материальной обеспеченности и существования стабильных социальных связей дает человеку уверенность в себе и способности воплощать свои цели и стремления. Экосистемы служат фундаментом благосостояния путем предоставления поддерживающих, регулирующих, предоставляющих и культурных услуг. Благосостояние также зависит от достижений сферы услуг и внедрения новых технологий.

Взаимосвязь между экосистемными услугами и благосостоянием человека

Компонент благосостояния	Экосистемные услуги
<i>Базовые материальные потребности</i>	
Продовольствие	Обеспечивающие услуги: обеспечение продовольствием. Поддерживающие услуги: биоразнообразие способствует предотвращению распространения вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. Культурные услуги: агроландшафты и традиционные сельские практики способствуют сохранению устойчивых систем продовольственного обеспечения

¹ Exxon to pay record one billion dollars in criminal fines and civil damages in connection with Alaskan oil spill [Electronic resource] // US Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/history/epa-history-exxon-valdez-oil-spill> (date of application: 29.08.2023).

Продолжение табл.

Компонент благосостояния	Экосистемные услуги
Чистая вода	Регулирующие услуги: регулирование водного баланса, фильтрация и улучшение качества воды. Поддерживающие услуги: водные экосистемы являются местом обитания водных организмов, которые влияют на качество экосистем водных ресурсов. Культурные услуги: водные экосистемы имеют культурное значение для людей и могут служить местами для отдыха и рекреации
Доход и занятость	Обеспечивающие услуги: экосистемы являются основой для ведения сельского и лесного хозяйства, рыболовства и туризма, создавая источники дохода и занятости. Культурные услуги: традиционные занятия, связанные с использованием природных ресурсов, могут быть частью культурного наследия и способствовать культурному развитию общества
Обеспеченность жильем	Обеспечивающие услуги: обеспечение стройматериалами (например, древесиной), необходимыми для строительства жилищ. Культурные услуги: привлекательность окружающей среды оказывает влияние на культурное наследие и сохранение уникальных практик строительства в разных регионах
<i>Здоровье человека</i>	
Хорошее самочувствие	Обеспечивающие услуги: обеспечение здоровой пищей и лекарственными растениями, поддерживающими здоровье человека. Регулирующие услуги: регулирование климата и поддержание чистоты воздуха, что положительно влияет на состояние здоровья Поддерживающие услуги: нормально функционирующие экосистемы обеспечивают циклы миграции воды и химических элементов, влияя на качество почвы и, как следствие, продуктов питания. Культурные услуги: природные ландшафты влияют на психологическое здоровье, способствуют отдыху и восстановлению организма
<i>Социальные взаимоотношения</i>	
Нормы и ценности	Культурные услуги: природные ландшафты влияют на формирование норм и ценностей в обществе, на мировоззрение и моральные убеждения человека отдельно
Взаимное общественное согласие	Обеспечивающие услуги: экосистемы являются средой для создания рабочих мест и источников дохода, что приводит к формированию социальных и экономических связей, способствующих взаимодействию и сотрудничеству. Культурные услуги: привлекательные ландшафты служат местами встреч и общения, способствуя укреплению социальных связей

Окончание табл.

Компонент благосостояния	Экосистемные услуги
<i>Безопасность</i>	
Личная безопасность	Обеспечивающие услуги: экосистемы создают естественные барьеры и места укрытия, что способствует защите от потенциальных опасностей. Регулирующие услуги: разнообразие биологических видов в экосистемах поддерживает баланс популяций живых организмов, предотвращая вспышки болезней, угрожающих здоровью человека
Доступ к ресурсам	Обеспечивающие услуги: экосистемы предоставляют базовые ресурсы (пища, чистая вода), которые являются основой для устойчивого обеспечения человеческих потребностей. Регулирующие услуги: экосистемы регулируют водные ресурсы, поддерживая водный баланс, что имеет первостепенное значение для сельского хозяйства
Защита от стихийных бедствий	Регулирующие услуги: экосистемы способны смягчать последствия природных катастроф, что имеет важное значение для человеческого благосостояния

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Цели тысячелетия, принятые в рамках ООН в 2000 г., были направлены на решение множества глобальных проблем, включая бедность, голод, неграмотность, гендерное неравенство, детскую смертность и др. Обеспечение благосостояния человека стало центральной задачей для достижения этих целей. Первоначально, цели тысячелетия ставили перед собой задачу улучшить качество жизни людей по всему миру, особенно в слаборазвитых странах. Достижение данных целей напрямую связано с обеспечением базовых материальных потребностей, доступом к образованию и здравоохранению, что, в свою очередь, способствует повышению уровня жизни и общего благосостояния. Многие цели тысячелетия также прямо или косвенно связаны с экосистемными услугами, предоставляемыми природными экосистемами. Сохранение биоразнообразия, устойчивое управление природными ресурсами и борьба с изменением климата имеют важное значение для обеспечения долгосрочного стабильного функционирования общества.

В период, совпадающий с принятием Целей тысячелетия, наблюдался интенсивный прогресс в развитии концепции зеленой экономики. Этот период характеризовался осознанием неотъемлемой связи между экономическими и экологическими аспектами, а также приоритетностью устойчивого развития. Зеленая экономика стала средством для достижения Целей тысячелетия, предлагая инновационные подходы к использованию природных ресурсов, снижению загрязнения и обеспечению устойчивого развития.

¹ Экосистемы и благосостояние человека: синтез : доклад международной программы «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (рус.) [Электронный ресурс] // Millennium Ecosystem Assessment. URL: <https://www.millenniumassessment.org/documents/document.791.aspx.pdf> (дата обращения: 29.08.2023).

Зеленая экономика представляет собой экономическую модель, в которой приоритет отдается экологической устойчивости, эффективному использованию ресурсов и снижению выбросов загрязняющих веществ. Она стремится создать баланс между экономическим ростом, социальным развитием и охраной окружающей среды. Внедрение инновационных технологий, снижение выбросов, развитие возобновляемых источников энергии – все это составляет основу зеленой экономики.

В 2011 г. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП, UNEP) в 2011 г. опубликовала доклад «Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности», что дало стимул для развития зеленой экономики. В 2012 г. на Конференции ООН по устойчивому развитию (РиО+20) было усилено внимание к зеленой экономике как инструменту достижения устойчивого развития.

В это время предпринимались значительные шаги для внедрения принципов зеленой экономики на глобальном и национальном уровнях:

- международная интеграция – концепция зеленой экономики активно интегрировалась в деятельность международных организаций (например, ООН и Всемирный банк);

- разработка методологий и индикаторов оценки – были разработаны такие индексы, как индекс экологической устойчивости (Environmental Sustainability Index, ESI) и экологический след (Ecological Footprint);

- интеграция на национальном уровне – страны разрабатывали национальные стратегии зеленой экономики, включающие в себя меры по энергоэффективности, расширению использования возобновляемых источников энергии и др.;

- развитие зеленых технологий – проводилась активная разработка и внедрение процессов, продуктов и сервисов, способствующих снижению выбросов парниковых газов, оптимизации энергопотребления, улучшению управления отходами и водными ресурсами;

- связь с устойчивым развитием – в 2010–2014 гг. концепция зеленой экономики начала интегрироваться в планы устойчивого развития и стала важным элементом достижения Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), принятых в 2015 г.

Начало XXI в. для процесса развития теории экосистемных услуг ознаменовалось двумя значимыми междисциплинарными исследованиями: «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (Millennium ecosystem assessment – MEA) и «Природные услуги: зависимость общества от природных экосистем» (Nature's services: societal dependence on natural ecosystems). Во втором труде представлен анализ ряда исследований, касающихся значимости естественных экосистем и их функций, которые предоставляют разнообразные «природные услуги» для общества. Авторы рассуждают о том, как экосистемы способны к регулированию климата, обеспечению плодородия почв, поддержанию

биоразнообразия и т. д. В работе отражена важность сохранения ЭУ для устойчивого развития экономик стран мира.

Отчет МЕА является первым исключительно научным трудом, в котором систематизирована вся имеющаяся на тот момент (2005 г.) информация об экосистемных услугах, и представляет собой результат исследования состояния мировых экосистем и угроз, создаваемых деятельностью человека. Группой американских ученых под руководством G. S. Daily в рамках данного проекта были изучены характер и ценность экосистемных услуг, нанесенный человечеством совокупный ущерб окружающей среде и его последствия для общества, а также разработана одна из первых классификаций экосистемных услуг и проведена оценка их экономической ценности. Данная работа коренным образом изменила картину исследований, перенесла акцент с экологических процессов и функций на сами услуги.

После дела, связанного с аварией нефтяного танкера на Аляске, внимание мирового научного сообщества было привлечено к принципиально новой методике оценки ущерба окружающей среде: оценке утерянного неиспользованного капитала (contingent valuation). Для анализа опыта применения оценки ЭУ по данному делу Национальное управление океанических и атмосферных исследований США (NOAA) создало специальную комиссию. В январе 1993 г. комиссия представила отчет, в котором утверждалось, что условные оценки следует считать надежными в случае их применения в целях определения ущерба окружающей среде, включая ценность неиспользования¹. Впоследствии подходы, представленные в этом отчете, стали основой для дальнейших междисциплинарных исследований в области оценки экосистемных услуг и разработки схем платежей за ЭУ.

Большой вклад в формирование методологии оценки стоимости экосистемных услуг сыграла публикация R. Costanza и C. Folke, в которой авторами были выделены 17 ключевых услуг, оказываемых биосферой Земли, стоимость которых оценена в 33 трлн долл. США².

Устойчивое развитие (2015 г. – настоящее время). В 2015 г. в рамках ООН были приняты Цели устойчивого развития (ЦУР), включающие 17 целей и 169 подцелей по трем ключевым направлениям: социальные, экономические и экологические. Они ориентированы на обеспечение устойчивого развития путем решения глобальных проблем, таких как бедность, голод, неравенство, изменение климата, охрана окружающей среды, обеспечение качественного образования и здравоохранения, содействие экономическому росту и др. Планируется, что ЦУР будут реализованы к 2030 г.

¹ Arrow K. Report of the NOAA panel on contingent valuation [Electronic resource] // Disciplinas da USP Ambiente Virtual De Apoio À Graduação E Pós-Graduação. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5021379/mod_resource/content/0/Arow_WTP.pdf (date of application: 29.08.2023).

² Constanza R., Folke C. Valuing ecosystem services with efficiency, fairness, and sustainability as goals [Electronic resource] // Robert Costanza webpage. URL: http://www.robertcostanza.com/wp-content/uploads/2017/02/1997_C_Costanza_Folke_C4inDaily.pdf (date of application: 29.08.2023).

ЦУР играют важную роль в процессе глобализации, поскольку представляют собой универсальный набор целей и задач для всех стран, независимо от их уровня развития. Они способствуют формированию общего понимания необходимости сотрудничества в достижении устойчивого развития и создают основу для глобального партнерства. ЦУР способствовали изменению подходов к охране окружающей среды, создав акценты на борьбе с изменением климата, снижении загрязнения и сохранении биоразнообразия. ЦУР стимулируют переход к зеленой экономике, внедрение инноваций и технологий, способствующих снижению негативного воздействия на окружающую среду.

После принятия ЦУР концепция экосистемных услуг вышла на глобальный уровень, обретая более широкое признание и получила распространение в различных отраслях экономики. Масштабирование оценки ЭУ на отраслевом уровне позволяет выявлять и оценивать их влияние на различные аспекты общественного благосостояния. ЭУ получили возможность интегрироваться в аграрный, лесохозяйственный и другие сектора, что способствовало более точному анализу и прогнозированию последствий решений в этих сферах. Такой масштабный подход позволяет при принятии решений учесть не только экономические, но и экологические, а также социальные аспекты.

В настоящее время исследования экосистемных услуг и их практическое применение (экономическая оценка) распространились по всему миру и играют ключевую роль в разработке стратегий управления природными ресурсами и охраны окружающей среды. Лидерами в этой сфере выступают страны Евросоюза, многие из которых к настоящему времени провели соответствующие оценки на национальном уровне [12].

В период с 2015 г. исследования в области ЭУ приобрели значительную актуальность, отражая широкий спектр практических интересов по таким направлениям, как:

- мониторинг ЭУ – разработка и совершенствование методик учета и мониторинга экосистемных услуг, разработка индикаторов, применение геоинформационных систем), изучение пространственно-временной неоднородности ЭУ;

- экономическая оценка ЭУ – выявление и количественная оценка экономической ценности ЭУ. В рамках этого направления разрабатываются методы оценки стоимости услуг. Оценка охватывает разные типы земель, включая леса, сельскохозяйственные угодья, водные экосистемы, городские территории;

- планирование землепользования – разработка стратегий и инструментов для управления земельными ресурсами с учетом максимизации предоставления ЭУ, анализ оптимальных сценариев землепользования, достижение баланса между потребностями различных секторов (сельское хозяйство, промышленность, охрана природы), разработка инструментов для принятия решений;

- адаптация к изменению климата – исследования направлены на установление роли ЭУ в адаптации к новым климатическим условиям, изучение спо-

способности экосистем смягчать последствия экстремальных погодных явлений (наводнения, засухи и ураганы);

– социально-экономические аспекты ЭУ – изучение вопросов социальной справедливости, а именно доступности ЭУ для различных слоев населения, социальные последствия ухудшения поступления и (или) использования услуг.

Выводы

1. Концепция экосистемных услуг формировалась с целью придания экономического значения традиционным проблемам природопользования, функционирования природных и природно-техногенных систем, охраны окружающей среды в целом. Многочисленные научные исследования привели к пониманию того, что каждый элемент окружающей среды обладает ценностью, которую необходимо учитывать при формировании стратегий хозяйственной деятельности, что не только обуславливает существование нынешних, но также способствует обеспечению устойчивого развития будущих поколений.

Изучение истории развития концепции экосистемных услуг имеет важное значение по нескольким причинам. Во-первых, анализ исторического пути развития этой концепции позволяет лучше понимать причину изменения взглядов на роль экосистем в обеспечении человеческого благополучия. Выделение ключевых этапов этих изменений дает возможность проследить разновременное трансформирование восприятия экосистем как природных комплексов. Во-вторых, анализ истории концепции экосистемных услуг дает возможность разработать современные решения экологических проблем. Знание результатов выполненных проектов служит основой для разработки более эффективных стратегий и политик в области охраны природы и устойчивого развития.

2. Историю развития концепции экосистемных услуг целесообразно разделить на пять этапов:

– энвайроментализм (1960–1970 гг.) – основное внимание уделено проблемам окружающей среды. Положено начало общему осознанию важности охраны окружающей среды, созданы предпосылки для появления концепции экосистемных услуг;

– экономика природопользования (1971–1980 гг.) – смещение акцента с охраны окружающей среды на оптимизацию использования природных ресурсов с учетом экономической эффективности; разработка методов оценки стоимости природных ресурсов и их внедрению в экономическую практику;

– экологическая экономика (1981–1990 гг.) – интеграция экономических и экологических аспектов в единую систему. Экологическая экономика придала большое значение устойчивому развитию, балансу между экономическими и экологическими целями, а также созданию экономических инструментов регулирования природопользования;

– зеленая экономика (1990–2014 гг.) – усилено внимание к экологической устойчивости и внедрению инноваций, способствующих сокращению негатив-

ного воздействия на окружающую среду. Этап характеризуется активным развитием экологических технологий;

– устойчивое развитие (2015 г. – настоящее время) – основное внимание уделяется сохранению природных ресурсов и экосистем для будущих поколений, учету экологических факторов в различных аспектах хозяйственной и социальной деятельности.

3. Анализ тенденций развития концепции позволил выявить перспективные направления исследований в области экосистемных услуг:

– мониторинг ЭУ – разработка новых методов учета, индикаторов оценки, применение геоинформационных систем, анализ пространственно-временной неоднородности ЭУ;

– экономическая оценка ЭУ – выявление, количественная и качественная оценка стоимости услуг на разных типах земель;

– планирование землепользования – разработка стратегий и инструментов, соблюдение баланса интересов секторов экономики;

– адаптация к изменению климата – выявление роли ЭУ в адаптации и смягчении последствий экстремальных погодных явлений;

– социально-экономические аспекты ЭУ – обеспечение доступности, исследование социальных последствий изменения в предоставлении услуг.

Список использованных источников

1. Неверов, А. В. Экосистемные услуги лесов Беларуси: физическое и стоимостное измерение / А. В. Неверов, Х. А. Бахед // Белорусский экономический журнал. – 2022. – № 2. – С. 107–121.
2. Варапаева, О. А. Методика стоимостной оценки экосистемных услуг и биоразнообразия на примере лесных фитоценозов Брестской области / О. А. Варапаева, Я. Г. Смаль, В. М. Мисюченко // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – Минск : БГТУ, 2019. – № 1 (220). – С. 59–64.
3. Тишкович, О. В. Эколого-экономическая оценка ущерба от водной эрозии почв сельскохозяйственных земель административных районов Беларуси / О. В. Тишкович, В. М. Яцухно // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии : науч.-метод. журн. – 2020. – № 3. – С. 212–216.
4. Лаевская, Е. В. К вопросу о правовых инструментах «зеленой» экономики в Республике Беларусь / Е. В. Лаевская // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – С. 106–130.
5. Розенберг, А. Г. Истоки современной истории экосистемных услуг / А. Г. Розенберг // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2017. – Т. 26, № 1. – С. 5–14.
6. Erlich, P. R. Extinction: the causes and consequences of the disappearance of species / P. R. Erlich, A. H. Erlich. – Gollancz, 1981. – 305 p.
7. Krutilla, J. V. Conservation reconsidered / J. V. Krutilla // The American Economic Review. – 1967. – № 54 (4). – P. 777–789.
8. Odum, H. T. Energetics of food production. The world food problem / H. T. Odum // Report of the President's Science Advisory Committee / Panel on World Food Supply. – New York : The Whitehouse, 1967. – Vol. 3. – С. 55–94.
9. Daly, H. E. Steady-state economics / H. E. Daly, J. Farley. – Washington DC : Island Press, 2010. – 318 p.

10. Odum, H. T. Environment, Power, and Society / H. T. Odum. – New York : Columbia University Press, 1971. – 418 p.
11. Farber, S. The economic value of wetlands systems / S. Farber, R. Constanza // Journal of Environmental Management. – 1987. – № 24 (1). – P. 41–51.
12. A synthesis of approaches to assess and value ecosystem services in the EU in the context of TEEB : final report / R. Brouwer [et al.]. – New York : Univ. of Amsterdam, 2013. – 144 p.

Поступила 20.09.2023

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF ECOSYSTEM SERVICES

D. V. Samtsova

samtsova_d@mail.ru

Postgraduate student of the Institute of Economics
of the National Academy of Sciences of Belarus

Junior Researcher of the Ecological and Economic Research Sector
of the Center of Human Development and Demography
of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents an analysis of the historical development of the concept of ecosystem services, systematized in five successive stages: the dominance of the concept of environmentalism, the transition to environmental economics, the beginning of specialized scientific research and the practical application of the concept of ecosystem services, the widespread integration of the concept into the “green” economy and the desire towards sustainable development. Current directions of modern scientific research in the field of ecosystem services have been identified.

Keywords: ecosystem services, foreign experience, assessment of ecosystem services, classification of ecosystem services.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Научные статьи, написанные на русском, белорусском или английском языках и ранее не опубликованные в других изданиях, принимаются в формате в виде файла **MS Word** по e-mail: **vestnik_ie@economics.basnet.by**.

При оформлении статьи необходимо **строго следовать нижеуказанным правилам и рекомендациям**, в ином случае редакционный совет оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, несоблюдение авторских прав, а также опубликование содержащихся в статьях данных и информации в открытой печати.

Регистрационная форма автора статьи

1.	Фамилия, имя, отчество (полностью)	
2.	Место работы, должность	
3.	Ученая степень, ученое звание	
4.	Почтовый адрес (с почтовым индексом)	
5.	Контактный телефон и e-mail	
6.	Название статьи	
7.	Дата представления статьи в редакцию	

Технические требования к оформлению

Автор, желающий опубликовать статью в сборнике, должен представить в редакцию статью объемом до 40 000 знаков (с пробелами) – для доктора наук и 15 500–20 000 знаков (с пробелами) – для кандидата наук или соискателя, а также регистрационную форму автора статьи.

Параметры страницы

Поля: верхнее, нижнее, левое – 2,0 см; правое – 1,5 см.

Ориентация: книжная.

Размер бумаги: A4 (210 × 297 мм).

Шрифт: Times New Roman, кегль 12 для всех элементов статьи (в таблицах допускается уменьшение кегля до 10).

Абзац

Отступ: перед – 0 см, после – 0 см.

Интервал: перед – 0 см, после – 0 см.

Первая строка: 0,6 см.

Междустрочный интервал: одинарный.

Абзац → Положение на странице → Запрет висячих строк.

Макет

Расстановка переносов → Параметры расстановки переносов → Автоматическая расстановка переносов.

Ширина зоны переноса слов – 0,63 см.

Максимальное число последовательных переносов – 4.

Заголовки, наименование должности, названия таблиц и рисунков не должны содержать переносы.

Страницы не нумеруются.

УДК набирается курсивом и указывается слева в верхнем углу страницы.

JEL набирается курсивом и помещается на следующей за **УДК** строке.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и информация об авторах указываются на русском и английском языках. По центру полужирным шрифтом прописными буквами размещается название статьи. Затем по центру полужирным шрифтом строчными буквами – инициалы и фамилия автора, ниже обычным шрифтом: адрес электронной почты; статус; занимаемая должность, полное наименование места учебы или работы; город, страна. Через интервал ниже обычным шрифтом (выравнивание по ширине) приводится аннотация (название этой рубрики – полужирный курсив) – до 10 строк. На следующей строке обычным шрифтом (выравнивание по ширине) перечисляется до 10 ключевых слов/словосочетаний (название этой рубрики – полужирный курсив).

Далее следует текст статьи, разделенный на структурные части (введение, результаты и их обсуждение, заключение/выводы, список использованных источников), название которых печатается строчным полужирным шрифтом с выравниванием по центру.

В разделе «Введение» дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и получает обоснование цель работы и, если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями, доказываемая актуальность статьи. Во введении следует избегать специфических понятий и терминов. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором статьи научных достижений в соответствующей области. В этой связи обязательными являются ссылки на работы других авторов. При этом следует помещать ссылки на публикации последних лет, включая зарубежные издания в данной области.

Основная часть статьи «Результаты и их обсуждение» должна включать описание методологии, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором. Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками, оформленными полужирным курсивом) и содержать анализ последних публикаций, посвященных решению вопросов, относящихся к данным подразделам.

В разделе «Заключение» или «Выводы» (по пунктам) в сжатом виде формулируются основные полученные результаты с указанием их новизны, преимуществ и возможностей применения. При необходимости могут быть также указаны границы применимости полученных результатов.

Далее приводится «Список использованных источников». Под ним указываются данные на английском языке, аналогичные приведенным выше сведениям на русском языке (название статьи, информация об авторе, аннотация, ключевые слова) и в таком же шрифтовом оформлении.

Иллюстрации, таблицы, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в порядке их цитирования в тексте. **Иллюстрации и таблицы** помещаются только после их упоминания в тексте.

(Отбивка размером в строку.)

Таблица 1 (светлый курсив). **Название таблицы** (полужирный) (Times New Roman, кегль 12, строчные буквы, выравнивание по центру, без абзацного отступа, одинарный интервал, полужирный шрифт)

Текст внутри таблицы (кегль 10)

П р и м е ч а н и е. Рисунок создан / Таблица составлена на основе [...] или ¹ (абзацный отступ 0,6 см, кегль 10).

(Отбивка размером в строку.)

Рис. 1. Название рисунка.

П р и м е ч а н и е. <...>

(Times New Roman, кегль 10, строчные буквы, обычное начертание, выравнивание по центру, одинарный интервал; рисунок должен читаться в черно-белом формате; рисунки, выполненные в MS Excel, должны быть продублированы путем приложения исходного файла с соблюдением требований по цвету. За названием с абзацного отступа следует ссылка на источник информации, который был использован для создания рисунка.)

(Отбивка размером в строку.)

Если в статье одна иллюстрация или таблица, то внутри текста ссылку оформляют в виде (см. рисунок) или (см. таблицу), а в подписи приводят только их названия.

Формулы должны быть набраны в редакторе MathType, расположены на отдельной строке, пронумерованы в круглых скобках. Элементы экспликации приводят в подбор через точку с запятой.

Правила научного цитирования должны строго соблюдаться. При написании научной статьи автор руководствуется п. 16 Постановления ВАКа Республики Беларусь от 28 февраля 2014 г. № 3 «Об утверждении инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации» (в редакции Постановления ВАКа Республики Беларусь от 22 августа 2022 г. № 5), в частности, делает ссылки на источники, из которых им заимствованы материалы или отдельные результаты.

Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек (п. 16 указанного Постановления). В случае нарушения автором правил научного цитирования редакция оставляет за собой право не включать присланный материал в сборник.

Список использованных источников оформляется на языке представления статьи в соответствии с документом «Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате», утвержденным Приказом ВАКа Республики Беларусь от 25 июля 2014 г. № 159 (в редакции Приказа ВАКа Республики Беларусь от 8 сентября 2016 г. № 206; <https://vak.gov.by/be/bibliographicDescription>).

Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются в порядке их цитирования в тексте (номера набирают с клавиатуры без использования маркированного списка и перекрестных ссылок). В тексте порядковые номера ссылок заключают в квадратные скобки (например: [3; 7], [1, с. 65; 4, с. 87–91], [2; 4–7; 9, с. 37; 15]). В качестве источников могут быть использованы только статьи из научных журналов и сборников, монографии, опубликованные материалы научных конференций, патенты.

Ссылки на учебники и учебные пособия; статьи из любых ненаучных журналов; нормативные и законодательные акты; авторефераты диссертаций и диссертации; статистические сборники и архивы; электронные ресурсы (электронные журналы, онлайн-статьи, газетные и любые новостные ресурсы, доклады и разные исследования на сайтах, сайты учреждений и организаций; не распространяется на авторские статьи, монографии и другие научные публикации, размещенные в сети Интернет); словари, энциклопедии, другие справочники; доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы приводятся в тексте в подстрочных сносках и в списке источников не указываются. Сноски должны быть постраничными (находиться внизу страницы, а не в конце статьи) и делаться стандартными средствами Word (Вставка → Ссылка → Сноска; нумерация на каждой странице). Для электронных источников, у которых есть цифровой идентификатор объекта, необходимо привести его в конце библиографической записи (строчными буквами, без отбивки после двоеточия и без точки на конце, например, doi:10.1080/02680939.2020.1549752).

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей. Рецензии по присылаемым статьям авторам не предоставляются. Исключения из данных правил возможны по решению редакционной коллегии.

Образец оформления статьи

<https://doi.org/10.47612/2789-5122>
УДК 301.1010.8
JEL H15, H05

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. И. Иванов

ivanov@yandex.ru

кандидат экономических наук, доцент
заведующий сектором (название сектора) отдела (название отдела)
центра (название центра) Института экономики
Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы...

Ключевые слова: экономическая безопасность, ..., ...

Для цитирования: Иванов, И. И. Цифровизация и информатизация общества в условиях экономической безопасности / И. И. Иванов // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. (номер выпуска). – С. 00–00. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122>

Введение

Результаты и их обсуждение

Таблица 1. Название таблицы

Примечание. Таблица составлена на основе ¹ с использованием [1; 2; 4].

Рис. 1. Название рисунка.

Примечание. Рисунок создан на основе [3]

Заключение/Выводы

¹ Васнецов, Д. Г. Содержание и потребность финансов в критериях товарно-денежных отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://utmagazine.by/posts/9573-ekonomika-i-finansy> (дата обращения: 12.05.2022).

Список использованных источников

Поступила 07.02.2023

DIGITALIZATION AND INFORMATIZATION OF SOCIETY
IN CONDITIONS OF ECONOMIC SECURITY

I. I. Ivanov

ivanov@yandex.ru

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor
Head of the Sector (name of sector) of the Department (name of department)
of the Center (name of center) of the Institute of Economics
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The theoretical foundations are considered...

Keywords: Economic security, ..., ...

Научное издание

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
НАН БЕЛАРУСИ**

Сборник научных статей

Выпуск 7

Редактор *Н. Т. Гавриленко*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Компьютерная верстка *М. Э. Юрени*

Подписано в печать 00.11.2023. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 100 экз. Заказ 000.

Адрес редакции:

Государственное научное учреждение
«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси».

Ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск.